

уцен. б. № 708.

134 / 167

12

Scott

Joseph Simon Webb

СОЧИНЕНІЯ
БАРОНА А. А. ДЕЛЬВИГА.

Съ приложеніемъ біографическаго очерка,
составленнаго

Вал. В. Майковымъ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ

къ журналу

„С Ѣ В Е Р Ѣ“,

за

І Ю Л Ь

1893 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе Евг. Евдокимова.

1893.

У.м. 5176

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 іюля 1893 года.

Типографія Е. Евдокимова, Большая Итал., № 11.

БАРОНЪ А. А. ДЕЛЬВИГЪ.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ — одинъ изъ представителей такъ-называемой пушкинской поэтической плеяды. Школьный товарищъ и близкій другъ Пушкина, другъ Баратынскаго и Плетнева, онъ провелъ свою недолгую жизнь въ кругу лучшихъ представителей современной ему русской литературы, которые цѣнили въ немъ его поэтическое дарованіе, критическую проницательность, свѣтлый умъ, доброе сердце и веселый нравъ. Но личность Дельвига и сама по себѣ интересна: его талантъ, хотя и не запечатлѣнный большою силой творчества, вполне достоинъ вниманія: по своей дѣятельности Дельвигъ принадлежитъ къ числу тѣхъ «*proëtae minores*», которые, не составляя эпохи въ развитіи литературы, не указывая ей новаго теченія, являются въ ней полезными участниками, когда идутъ по стопамъ писателя-генія. Въ своихъ литературныхъ трудахъ Дельвигъ былъ вѣрнымъ послѣдователемъ Пушкина и поборникомъ того направленія русской словесности, которое называется пушкинскимъ періодомъ.

Жизнь Дельвига не была обильна выдающимися подробностями. Онъ происходилъ изъ рода нѣмецкихъ бароновъ, еще въ XV столѣтіи переселившагося въ Прибалтійскій край; но этотъ «нѣмецкій баронъ», какъ называетъ его Пушкинъ въ своемъ полу-шутливомъ, полу-серьезномъ посланіи къ нему, былъ нѣмцемъ только по титулу и фамиліи. Родился онъ 6-го августа 1798 года въ Москвѣ. Его отецъ служилъ тамъ въ то время плацъ-маіоромъ. Мать поэта была русская, урожденная Красильникова. Въ младенчествѣ Дельвигъ много хворалъ и началъ говорить очень поздно, ума былъ не живого и вообще медленно развивался. Но и въ раннемъ дѣтствѣ, по свидѣтельству Пушкина, въ немъ была замѣтна живость воображенія: «Будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ рассказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю семью». Первоначальное образованіе Дельвигъ получилъ дома подъ руководствомъ гувернеровъ; первому изъ нихъ скоро отказали, потому что мальчикъ не хотѣлъ у него учиться; со вторымъ же онъ занимался охотнѣе и болѣе всего мифологіей. Книгу о ней онъ не выпу-

скалъ изъ рукъ и, отправляясь въ лицей, отдалъ ее на сохраненіе матери. Это обстоятельство наложило рѣзкую печать на всю литературную дѣятельность поэта, всегда любившаго прибѣгать къ мифологическимъ именамъ и образамъ. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ одномъ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ, тринадцатилѣтній мальчикъ, въ исходѣ 1811 года, былъ привезенъ въ Петербургъ для поступленія въ новооткрытый Царскосельскій лицей. На вступительномъ испытаніи Дельвигъ оказался слабо подготовленнымъ: онъ получилъ въ наукахъ лишь посредственныя отмѣтки, хотя былъ «хорошо аттестованъ въ грамматическомъ познаніи русскаго языка». По французскому языку онъ былъ признанъ «преслабымъ», а нѣмецкаго не зналъ совершенно. Но какъ бы то ни было, двери лицея предъ нимъ открылись, и въ числѣ 30-ти мальчиковъ, подвергавшихся экзаменамъ и принятыхъ, значился и баронъ Антонъ Дельвигъ.

Открытый 19-го октября 1811 года, Царскосельскій лицей былъ учебнымъ заведеніемъ, во многомъ отличавшимся отъ общаго типа училищъ начала XIX столѣтія. Воспитанники лицея пользовались сравнительно большею свободой и имѣли болѣе возможности къ самостоятельному развитію. Вотъ какъ характеризуетъ эту сторону лицейской жизни одинъ изъ его воспитанниковъ, А. Д. Илличевскій, товарищъ Пушкина и Дельвига, въ письмахъ къ одному изъ пріятелей своей юности: «Благодаря Бога, у насъ по крайней мѣрѣ царствуетъ свобода (а свобода — дѣло золотое). Нѣтъ скучнаго заведенія сидѣть *à ses places*; въ классахъ бываемъ недолго: семь часовъ въ день; большихъ уроковъ не имѣемъ, лѣтомъ досугъ проводимъ въ прогулкѣ, зимою — въ чтеніи книгъ, иногда представляемъ театръ, съ начальниками обходимся безъ страха, шутимъ съ ними, смѣемся»

Собственно учебная сторона дѣла была однако поставлена въ лицей неособенно хорошо. Сами воспитанники это признавали: «Въ наукахъ», пишетъ Илличевскій, — «мы таки кое-какъ успѣваемъ; но языки, ты самъ знаешь, какъ трудны, и *die deutsche Sprache* до сихъ поръ еще мнѣ тарабарская азбука. Въ латинскомъ мы плылиплыли (начали было читать Федровы басни и *Cornelii Nepotis de vita etc.*), да вдругъ и наѣхали на мель: не стало кормчаго, ни тирру, ни ну: сѣли, какъ раки. Подлинно, нашъ профессоръ Н. Θ. Кошанскій, довольно извѣстный въ ученомъ свѣтѣ, вдругъ сдѣлался боленъ и съ полгода уже не ходитъ въ классы, а мы хоть и ходимъ, однако ничему не учимся. А математика?»...

Но если лицей и не сообщалъ большого запаса серьезныхъ знаній своимъ питомцамъ, за то обстановка его развивала въ нихъ охоту къ чтенію и живой интересъ къ литературѣ. И объ этомъ сохранилось современное свидѣтельство въ письмахъ Илличевскаго: «Достигаютъ ли до нашего уединенія вновь выходящія книги? спрашиваешь ты меня. Можешь ли въ этомъ сомнѣваться?.. Чтеніе питаетъ душу, образуетъ, развиваетъ способности; по сей причинѣ мы стараемся имѣть всѣ журналы и впрямь получаемъ: «Пантеонъ», «Вѣстникъ Европы», «Русскій Вѣстникъ» и проч. Такъ, мой другъ, и мы также хотимъ наслаждаться свѣтлымъ днемъ нашей литературы, удивляться цвѣтущимъ геніямъ Жуковского, Батюшкова, Крылова, Гнѣдича. Но не худо иногда подымать завѣсу протекшихъ временъ, заглядывать въ книги отцовъ отечественной поэзіи — Ломоносова, Хераскова, Державина, Дмитріева: тамъ лежатъ сокровища, изъ коихъ каждому почерпать должно. Не худо иногда вопрошать пѣвцовъ иноземныхъ (у нихъ учились предки наши), бесѣдовать съ умами Расина, Вольтера, Делиля и, заимствуя отъ нихъ красоты неподражаемыя, переносить ихъ въ свои стихотворенія» ¹⁾.

Постоянный интересъ къ изящной словесности поддерживался въ воспитанникахъ лицея живыми бесѣдами съ преподавателями и наставниками, изъ числа которыхъ Н. Θ. Кошанскій, профессоръ римской словесности, особенно поощрялъ ихъ литературныя упражненія. На этихъ бесѣдахъ читались и исправлялись первыя пробы пера лицеистовъ. Все прочитанное, исправленное и дополненное на этихъ бесѣдахъ затѣмъ переписывалось и служило матеріаломъ для рукописныхъ сборниковъ, во множествѣ появлявшихся въ первые годы существованія лицея. Главными участниками этихъ журналовъ были: Илличевскій, Корсаковъ, Кюхельбекеръ, Пушкинъ и Дельвигъ. «Живость воображенія» не оставляла Дельвига и въ лицѣ. «Однажды», пишетъ Пушкинъ, — «вздумалось ему разсказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирался кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. Θ. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самого Дельвига разсказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во

¹⁾ Р. Архивъ 1874 г.

лжи, столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его разсказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ... Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игривостью ума», прибавляетъ Пушкинъ,—«склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямотушю. Дельвигъ, рассказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой-нибудь вины для избѣжанія выговора и наказанія».

Въ рукописныхъ лицейскихъ журналахъ перу Дельвига принадлежатъ многія произведенія. Между прочимъ писалъ онъ басни; но онѣ не сохранились, а впослѣдствіи онъ уже не возвращался къ этой литературной формѣ. Вообще лицейскіе товарищи высоко цѣнили его поэтическій талантъ и начитанность въ области русской и иностранной литературы. «Любовь къ поэзіи», говоритъ Пушкинъ,—«пробудилась въ немъ рано. Онъ зналъ почти наизусть «Собраніе русскихъ стихотвореній», изданное Жуковскимъ. Съ Державинымъ онъ не разставался. Клопштока, Шиллера и Гете прочелъ онъ съ однимъ изъ своихъ товарищей, живымъ лексикономъ и вдохновеннымъ комментариемъ ¹⁾; Горація изучилъ въ классѣ, подъ руководствомъ профессора Кошанскаго. Дельвигъ никогда не вмѣшивался въ игры, требовавшія проворства и силы; онъ предпочиталъ прогулки по аллеямъ Царскаго Села и разговоры съ товарищами, коихъ умственные склонности сходились съ его собственными. Первыми его опытами въ стихотворствѣ были подражанія Горацію. Оды: «Къ Діону», «Къ Лилетѣ», «Доридѣ» написаны имъ на пятнадцатомъ году и напечатаны въ собраніи его сочиненій безъ всякой перемѣны ²⁾. Въ нихъ уже замѣтно необыкновенное чувство гармоніи и той классической стройности, которой никогда онъ не измѣнялъ. Какимъ образомъ никто не обратилъ тогда вниманія на ранніе отпрыски столь прекраснаго таланта? Никто не привѣтствовалъ вдохновеннаго юношу, между тѣмъ какъ стихи одного изъ его товарищей, стихи посредственные, замѣтные только по нѣкоторой легкости и чистотѣ мелочной отдѣлки, въ то же время были расхвалены и праславлены, какъ нѣкоторое чудо ³⁾. Но такова

¹⁾ В. К. Кюхельбекеромъ.

²⁾ Это несовсѣмъ точно.

³⁾ Въ этихъ словахъ, какъ обыкновенно думаютъ, Пушкинъ разумѣетъ самого себя; но вѣрнѣе отнести ихъ къ лицейскимъ стихотвореніямъ Илличевскаго.

участь Дельвига: онъ не былъ оцѣненъ при раннемъ появленіи на краткомъ своемъ поприщѣ; онъ еще не оцѣненъ и теперь, когда покоится въ своей безвременной могилѣ!»

Послѣднія слова Пушкина въ статьѣ, писанной непосредственно послѣ неожиданной кончины Дельвига, неполнѣ справедливы. Какъ уже сказано выше, еще въ лицѣ первыя поэтическія попытки пера Дельвига были встрѣчены сочувственно. Въ доказательство приведемъ еще одну выписку изъ писемъ Илличевского:

«Краткое извѣстіе о жизни и твореніяхъ сего писателя (то-есть, Дельвига).

«Антонъ Антоновичъ баронъ Дельвигъ родился въ Москвѣ 6-го августа 1798 года отъ благородной древней лифляндской фамиліи. Воспитанный въ русскомъ законѣ, онъ окончилъ (или оканчиваетъ) науки въ Императорскомъ лицѣѣ. Познакомясь рано съ музами, музамъ пожертвовалъ онъ большую часть своихъ досуговъ. Быстрыя его способности (если не гений), совѣты свѣдущаго друга отверзли ему дорогу, которой держались въ свое время Анакреоны, Гораціи, а въ новѣйшіе годы—Шиллеры, Рамлеры, ихъ вѣрные подражатели и послѣдователи; я хочу сказать, онъ писалъ въ древнемъ тонѣ и древнимъ размѣромъ—метромъ. Симъ метромъ написалъ онъ «Къ Діону», «Къ Лилетѣ», «Къ больному Горчакову» — и написалъ прекрасно. Иногда онъ позволялъ себѣ отступленія отъ общаго правила, то-есть, писалъ ямбомъ: «Полякъ» (балладу), «Тихую жизнь» (которую пришлю тебѣ)—мастерское произведеніе! и писалъ опять прекрасно. Странно, что человѣкъ такого веселаго, шутливаго нрава (ибо онъ у насъ одинъ изъ лучшихъ остряковъ) не хочетъ блеснуть на поприщѣ эпиграммы».

Такая оцѣнка таланта Дельвига, конечно, преувеличена, но во всякомъ случаѣ она свидѣтельствуетъ о тѣхъ надеждахъ, которыя товарищи возлагали на молодого поэта. Гораздо серьезнѣе, — спокойнѣе и, слѣдовательно, справедливѣе отзывъ о Дельвигѣ директора лицея Е. А. Энгельгардта: «Въ немъ», пишетъ онъ, — «вспыхиваетъ иногда хоть слабый огонь поэзіи. Благодаря Жуковскому онъ занимается съ нѣкотораго времени съ большимъ усердіемъ нѣмецкимъ языкомъ. Въ играхъ и шуткахъ его высказывается нѣкоторая иронія. Онъ всѣми способами достаетъ себѣ книги и читаетъ все безъ разбора, преимущественно во время лекцій. Русскую литературу онъ изучилъ лучше всѣхъ своихъ товарищей».

Кромѣ стихотвореній, написанныхъ въ древнемъ тонѣ, и романтическихъ балладъ, Дельвигъ отдалъ дань и тому востор-

женному настроенію русскаго общества, которое было вызвано событіями 1812 — 1814 годовъ. Сообразно съ господствовавшими въ то время школьными традиціями, чувство удовлетворенія народной гордости вылилось у Дельвига въ формѣ пиндарической оды. Мы разумѣемъ стихотвореніе «На взятіе Парижа». Это было первое напечатанное стихотвореніе нашего поэта, написанное, съ одной стороны, подъ вліяніемъ наплыва патриотическаго одушевленія, съ другой — по правиламъ, извлеченнымъ схоластическою мудростью изъ ложно понятыхъ одъ Пиндара. Стихотвореніе это не имѣетъ литературныхъ достоинствъ и должно быть отнесено къ области самыхъ слабыхъ даже лицейскихъ произведеній Дельвига. Въ немъ интересны лишь тѣ строки, которыя свидѣтельствуютъ о высокомъ уваженіи, какое авторъ питалъ къ Державину.

Въ 1815 году Дельвигу удалось во-очію увидѣть пѣвца Фелицы. «Это было», пишетъ Пушкинъ, — «въ 1815 году на публичномъ экзаменѣ въ лицѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и поцѣловать руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ слышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: «Гдѣ, братецъ, здѣсь выйти?» Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это рассказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію». Въ 1816 году Дельвигъ написалъ стихотвореніе «На смерть Державина», оставшееся не напечатаннымъ и извѣстное лишь въ отрывкѣ. Приводимъ его, какъ свидѣтельство общаго вѣсма въ то время взгляда на Пушкина, какъ на непосредственнаго преемника лиры Державина:

Кто жъ нынѣ посмѣетъ владѣть его громкою лирой? Кто, Пушкинъ?
Кто пламенный, избранный Зевсомъ еще въ колыбели, счастливецъ,
Въ порывѣ прекрасной души ее свѣжимъ вѣнкомъ увѣнчаетъ?
Молися Каменамъ! И я за друга молю васъ, Камены!
Любите младого пѣвца, охраняйте невинное сердце,
Зажгите возвышенный умъ, окрыляйте юные персты!

Въ маѣ 1817 года произведено было публичное испытаніе выпускнымъ воспитанникамъ лицея. Дельвигъ оказался по успѣхамъ третьимъ съ конца. На торжественномъ актѣ, происходившемъ 9-го іюня 1817 года, была пропѣта прощальная пѣсня, сочиненная Дельвигомъ по программѣ и указаніямъ Энгельгардта. Музыка для этой пѣсни (хоръ) была написана учителемъ музыки въ лицѣ, каппельмейсте-

ромъ Тепперомъ де-Фергюсономъ. Пѣснь эта долго сохранилась въ лицѣ: лѣтъ двадцать воспитанники пѣли ее при выпускѣ.

Вскорѣ по выходѣ изъ лица Дельвигъ навѣстилъ своихъ родителей въ Полтавской губерніи, гдѣ служилъ тогда его отецъ, а, затѣмъ, въ іюлѣ 1817 года, возвратился въ Петербургъ и поступилъ здѣсь на службу въ департаментъ горныхъ и соляныхъ дѣлъ. Прослуживъ тутъ до начала 1819 года, Дельвигъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опредѣлился въ канцелярію министерства финансовъ, а въ сентябрѣ 1821 года перешелъ на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку на должность помощника библіотекаря. Здѣсь ему пришлось служить подъ непосредственнымъ начальствомъ И. А. Крылова. Время ихъ совмѣстнаго служенія такъ характеризуетъ П. А. Плетневъ въ статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ И. А. Крылова»: «Особенно началъ хлопотать Крыловъ по своей должности, когда опредѣлился къ нему въ помощники баронъ Дельвигъ, столь же безпечный чиновникъ, сколько былъ онъ и безпечнымъ поэтомъ. Крыловъ скоро догадался, что прошли для него счастливые годы, какими онъ былъ обязанъ смышлености и трудолюбію Сопикова. Это, однако же, не довело до ссоры двухъ поэтовъ, равно лѣнивыхъ, но равно и уважавшихъ другъ въ другѣ истинное дарованіе. По возможности они кое-какъ несли вмѣстѣ общее бремя».

Эта черта характера Дельвига — склонность къ лѣни — проявилась въ немъ еще въ ученическіе годы и не оставляла его во всю его жизнь. Лицейскіе его товарищи въ сочиненной общими силами пѣснѣ посвятили Дельвигу слѣдующія строки:

Дельвигъ мыслить на досугѣ:
Можно спать и въ Кременчугѣ.

Самъ поэтъ наивно признавался въ своей слабости и въ стихотвореніяхъ своихъ, и въ письмахъ.

Въ Публичной Библіотекѣ Дельвигъ прослужилъ около пяти лѣтъ. 31-го іюля 1825 года онъ былъ опредѣленъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ февралѣ 1828 года его командировали на слѣдствіе въ южныя губерніи Россіи, гдѣ онъ и провелъ весну и большую часть лѣта. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ причисленъ къ хозяйственному департаменту того же министерства, а въ 1829 году перешелъ въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, гдѣ и служилъ до самой смерти.

Мы уже сказали, что Дельвигъ рано обратилъ на себя вниманіе, какъ подающій большія надежды писатель. Вско-

рѣ послѣ выпуска изъ лицея, въ 1818 году, С.-Петербургское Общество любителей словесности, наукъ и художествъ избрало его въ число своихъ дѣйствительныхъ членовъ. Труды членовъ этого Общества печатались съ 1816 года преимущественно въ журналѣ «Благонамѣренный», издававшемся предсѣдателемъ Общества, А. Е. Измайловымъ. Въ этомъ журналѣ Дельвигъ напечаталъ шесть своихъ стихотвореній, большая часть которыхъ представляетъ исправленную редакцію пьесъ, написанныхъ еще въ лицѣ. Въ 1819 году Вольное Общество любителей россійской словесности, собиравшееся подъ предсѣдательствомъ Ѳ. Н. Глинки, также приняло Дельвига въ члены-сотрудники, а въ слѣдующемъ году, «отдавая должную справедливость трудамъ и усердію» и найдя представленныя Дельвигомъ произведенія «достойными особеннаго уваженія», оно опредѣлило произвести его въ дѣйствительные члены. Дельвигъ принималъ довольно ревностное участіе въ трудахъ Вольнаго Общества, состоя по избранію членомъ его цензурнаго комитета, а также печатая въ издававшемся Обществомъ сборникѣ свои стихотворныя пьесы. Такихъ пьесъ помѣстилъ онъ съ 1819 по 1822 годъ четырнадцать; нѣкоторыя изъ нихъ также не что иное, какъ передѣлки еще въ лицѣ написанныхъ стихотвореній.

Ни служебныя, ни литературныя занятія не изгладили изъ души Дельвига его товарищескихъ привязанностей. Воспоминанія о спокойной жизни въ Царскомъ Селѣ, въ кругу близкихъ друзей, еще долго носились въ воображеніи поэта, и скорбь объ утратѣ этой жизни выразилась въ стихотвореніяхъ: «Къ друзьямъ» и «Посланіе къ Яхонтову». Съ двумя наиболѣе близкими Дельвигу лицейскими друзьями судьба разлучила его очень скоро: сперва Илличевскій уѣхалъ на службу въ Сибирь, а въ 1820 году и Пушкинъ долженъ былъ покинуть Петербургъ. За эти потери Дельвигъ былъ до нѣкоторой степени вознагражденъ новою тѣсною дружбою—съ Е. А. Баратынскимъ; онъ былъ почти двумя годами моложе Дельвига и познакомился съ нимъ въ 1818 году въ Петербургѣ, гдѣ служилъ въ гвардейскомъ егерскомъ полку. На первыхъ же порахъ знакомства Баратынскій, подъ вліяніемъ новаго друга, испыталъ свои силы на поприщѣ поэзіи. Съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ Баратынскій о той важной роли, которую играла въ его жизни дружба съ Дельвигомъ:

Ты помнишь ли, въ какой печальный срокъ
Впервые ты узналъ мой уголокъ?

Ты помнишь ли, съ какой судьбой суровой
 Боролся я, почти лишенный силъ?
 Я погибалъ: ты духъ мой оживилъ
 Надеждою возвышенной и новой.
 Ты ввелъ меня въ семейство добрыхъ музъ;
 Дѣля досугъ межъ ними и тобою,
 Я ль чувствовалъ ея свинцовый грузъ
 И передъ ней унизился душою?
 Ты самъ порой глубокую печаль
 Въ душѣ носилъ, но что? не мнѣ ли ввѣрить
 Спѣшилъ ее? И дружба не всегда ль
 Хоть нѣсколько могла ее умѣрить?
 Забытые Фортуною слѣпой,
 Мы ей на зло другъ въ другъ все имѣли
 И, дружества твердя обѣтъ святой,
 Безтрепетно въ глаза судьбѣ глядѣли.
 О! вѣрь мнѣ въ томъ: чѣмъ жребій ни грозитъ,
 Упорствуя въ старинной непріязни,—
 Душа моя не вѣдаетъ боязни,
 Души моей ничто не измѣнить!
 Такъ, милый другъ! Позволятъ ли мнѣ боги
 Ямо заботъ сложить когда-нибудь
 И весело на свѣтлый міръ взглянуть,
 По прежнему ль ко мнѣ пребудутъ строги, —
 Всегда я твой. Судьей души моей
 Ты долженъ быть и въ вѣдро, и въ ненастье,
 Удвоишь ты моихъ счастливыхъ дней
 Не полное безъ раздѣленья счастье;
 Въ дни бѣдствія я знаю, гдѣ найти
 Участіе въ судьбѣ своей тяжелой:
 Чего жъ робѣть на жизненномъ пути?
 Иду впередъ съ надеждою веселой.
 Еще позволь желаніе одно
 Мнѣ произнестъ: молюся я судьбинѣ,
 Чтобъ для тебя я сталъ хотя отнынѣ,
 Чѣмъ для меня ты сталъ уже давно.

Но и Баратынскій вскорѣ уѣхалъ въ Финляндію, куда
 былъ переведенъ по обстоятельствамъ службы; впрочемъ, эта
 разлука послужила лишь къ еще болѣе тѣсному сближенію
 двухъ друзей: они часто переписывались и дѣлились другъ
 съ другомъ своими поэтическими опытами. Иногда дружескія
 чувства Дельвига къ Баратынскому оживлялись личными сви-
 даніями, которымъ Дельвигъ умѣлъ придать черты ориги-
 нальныя, а подчасъ и эксцентричныя. Однажды, когда Дель-
 вигъ ѣздилъ къ Баратынскому въ Роченсальмъ, они вмѣстѣ
 перевели застольную пѣсню Кюцебу: «Es kann ja nicht immer
 so bleiben».

Къ 1821 году относится сближеніе Дельвига съ Н. М. Кон-
 шинымъ, поэтомъ - диллетантомъ, въ послѣдствіи издавшимъ
 вмѣстѣ съ барономъ Е. А. Розеномъ альманахъ «Царское

Село». Въ стихотвореніи Коншина «Къ нашимъ» мы находимъ слѣдующіе стихи, посвященные Дельвигу:

И Дельвигъ, предсѣдатель музъ,
 И вождь, и мужъ совѣта!
 Сложи всегдашней лѣни грузъ,
 Бреди на зовъ поэта!
 Оставь въ шкапу и футъ, и вѣсъ
 Философовъ спѣсивыхъ,
 Умножь собой толпу повѣсъ
 Всегда многорѣчивыхъ.
 Ты любишь искренно друзей
 И вѣренъ богу Пинда,
 И важно родъ семьи своей
 Ведешь отъ Витекинда:
 Съ молодою музою твоей
 Опередившій годы,
 Иди въ веселый кругъ друзей
 На празднество свободы!

Къ тому же времени восходитъ начало дружбы Дельвига съ П. А. Плетневымъ; который вскорѣ сталъ для него, какъ и для Пушкина, полезнымъ совѣтникомъ въ литературныхъ занятіяхъ и въ то же время надежнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ съ издателями. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать, что служба въ Публичной Библіотекѣ поставила Дельвига въ близкія отношенія къ Крылову и особенно къ переводчику Иліады Н. И. Гнѣдичу, высоко цѣнившему антологическое дарованіе молодого поэта.

Такъ мало по малу опредѣлялся тотъ литературный кругъ, въ которомъ Дельвигъ былъ своимъ человѣкомъ. Но кромѣ названныхъ лицъ, участіе нашего поэта въ тогдашнихъ журналахъ ставило его въ необходимость поддерживать близкія связи и съ редакторами этихъ журналовъ. Правда, наши тогдашнія періодическія изданія были явленіемъ довольно ничтожнымъ. Критика едва нарождалась, да и то съ большими потугами. Направленіе журналовъ опредѣлялось главнымъ образомъ принадлежностью ихъ къ классическому или романтическому направленію. Но почти никто не отдавалъ себѣ строгаго отчета въ истинномъ значеніи «классицизма» и «романтизма»; большинство руководствовалось личными симпатіями, личными отношеніями къ авторамъ разбираемыхъ произведеній. Тѣмъ не менѣе, размноженіе журналовъ свидѣтельствовало о томъ, что въ обществѣ развивался интересъ къ литературѣ, преимущественно къ поэзіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали образовываться и частные литературные кружки. Къ числу такихъ литературныхъ салоновъ относится, между прочимъ, «дружеское общество», попечительницею котораго была Софья Дмитріевна Пономарева,

рожденная Познякъ. Это была особа, щедро одаренная природою: прекрасная собою, она получила и прекрасное образованіе. Вотъ какъ описываетъ ее А. Е. Измайловъ, одинъ изъ самыхъ ревностныхъ посѣтителей ея гостиной: «Она дѣйствительно имѣетъ необыкновенные таланты», пишетъ онъ И. И. Дмитріеву, — «и получила отличное воспитаніе; знаетъ прекрасно нѣмецкій, французскій и италіанскій языки, даже отчасти латинскій: переводить на русскій прозою лучше многихъ записныхъ литераторовъ; пишетъ весьма недурно стихи; рисуетъ, танцуетъ, поетъ и играетъ на фортепіано превосходно. Жаль только, что очень мало занимается и ведетъ слишкомъ разсѣянную жизнь».

Софья Дмитріевна рано познакомилась со многими изъ воспитанниковъ Царскосельскаго лицея, гдѣ воспитывался ея братъ И. Д. Познякъ. Она навѣщала его въ лицей обыкновенно въ сопровожденіи Измайлова, встрѣчалась со многими товарищами брата, въ томъ числѣ и съ Дельвигомъ (который былъ уже въ старшихъ классахъ) и нерѣдко проводила въ ихъ шумномъ обществѣ цѣлые дни. Впослѣдствіи въ гостиной Софьи Дмитріевны сходились литераторы, принадлежавшіе къ разнымъ литературнымъ лагерямъ. Сегодня собирались у нея Измайловъ, Панаевъ, Сомовъ и другіе сотрудники «Благонамѣреннаго»; въ другой день туда являлись Дельвигъ, Гнѣдичъ, Баратынскій, Илличевскій. Случалось и такъ, что обѣ партіи встрѣчались и даже, какъ будто заключивъ перемиріе, сходились безъ непріязненнаго чувства. Въ одинъ изъ такихъ смѣшанныхъ вечеровъ въ гостиной у Софьи Дмитріевны зашла рѣчь о пародіяхъ. Въ спорѣ принялъ участіе и Дельвигъ, доказывая, что не можетъ быть ничего легче, какъ сочинить пародію на любое стихотвореніе. Въ подтвержденіе своей мысли онъ, по требованію Измайлова, немедленно написалъ пародію на начало баллады Жуковскаго «Замокъ Смальгольмъ», гдѣ изобразилъ въ каррикатурномъ видѣ самого издателя «Благонамѣреннаго». Послѣдній изъ чувства приличія не высказалъ своей обиды, но, по видимому, не могъ простить Дельвигу его шутку, какъ на то указываетъ стихотвореніе барона, обращенное къ Измайлову: «Мой по Каменамъ старшій братъ».

Помимо литературныхъ интересовъ, привлекавшихъ многихъ писателей въ гостепріимный домъ С. Д. Пономаревой, ея собственная личность и непринужденное обращеніе часто кружили головы молодымъ и старымъ. И нашъ поэтъ, по видимому, увлекался очаровательною хозяйкою, которая въ

свою очередь проявляла къ нему несомнѣнное участіе: когда Дельвигъ въ 1823 году серьезно занемогъ, она заботилась о больномъ своемъ другѣ, за что поэтъ благодарить ее въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ въ одномъ изъ своихъ стихотвореній. Кромѣ того, онъ посвятилъ ей еще нѣсколько піесъ. Каковы бы ни были чувства Дельвига къ Софѣ Дмитріевнѣ, имъ однако не суждено было длиться долго: она скончалась 4-го мая 1824 года, на 24-мъ году, заболѣвъ горячкою.

Еще болѣе литературный характеръ имѣли вечера въ домѣ А. Ѳ. Воейкова, женатаго на А. А. Протасовой, племянницѣ В. А. Жуковского. Переселившись въ 1820 году изъ Дерпта въ Петербургъ, Воейковъ съ 1822 года началъ издавать, совмѣстно съ В. И. Козловымъ, еженедѣльный журналъ «Новости Литературы». На этихъ вечерахъ, кромѣ Жуковского и И. И. Козлова, бывали Баратынскій, Плетневъ и многіе другіе изъ молодыхъ литераторовъ и поэтовъ, въ числѣ которыхъ Дельвигъ скоро отличилъ даровитаго юношу Н. М. Языкова. Въ сонетѣ, ему посвященномъ, Дельвигъ предсказываетъ ему блестящіе успѣхи на поприщѣ служенія музамъ и какъ бы въ подтвержденіе справедливости своего предсказанія, ссылается на Пушкина и Баратынскаго, въ первыхъ произведеніяхъ которыхъ онъ провидѣлъ ихъ великій талантъ. Но Языковъ въ 1823 году уѣхалъ въ Дерптъ, и такимъ образомъ дружескія отношенія двухъ поэтовъ должны были ограничиться перепискою, которая и велась между ними въ стихахъ и въ прозѣ. Гораздо позднѣе, въ 1828 году, Языковъ прислалъ Дельвигу посланіе, служащее какъ бы отвѣтомъ на упомянутый выше сонетъ.

Литературная дѣятельность Дельвига за этотъ періодъ его жизни выражалась сперва тѣмъ, что онъ помѣщалъ свои піесни, романсы и другія стихотворенія въ «Полярной Звѣздѣ», «Новостяхъ Литературы», «Литературныхъ Листкахъ» и другихъ журналахъ и альманахахъ. Затѣмъ Дельвигъ, по предложенію книгопродавца Слѣнина, самъ сталъ издавать альманахъ «Сѣверные Цвѣты», первая книжка котораго явилась въ свѣтъ въ началѣ января 1825 года. Книжка эта блистала именами корифеевъ тогдашней поэзіи. Пушкинъ далъ для нея «Піснь о вѣщемъ Олегѣ», «Демона», отрывки изъ «Евгенія Онѣгина», «Прозерпину». Жуковскій, Крыловъ, Козловъ, Баратынскій также внесли свою обильную дань въ альманахъ Дельвига, не говоря о многихъ другихъ не столь крупныхъ литераторахъ и поэтахъ. Самъ издатель,

кромѣ обычныхъ своихъ романсовъ и пѣсенъ, помѣстилъ здѣсь первую свою идиллію «Купальницы».

Вообще 1825 годъ былъ замѣчателенъ въ жизни Дельвига: къ этому времени относится возобновленіе его личныхъ сношеній съ Пушкинымъ, котораго онъ посѣтилъ въ Михайловскомъ весною этого года. Въ своемъ превосходномъ стихотвореніи «19-е октября 1825 года» Пушкинъ, вспоминая всѣхъ своихъ лицейскихъ товарищей, посѣтившихъ его въ уединеніи, посвящаетъ Дельвигу слѣдующіе вдохновенные стихи:

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ, —
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомный,
Подъ бурей главой поникъ я томной
И ждалъ тебя, вѣщунъ Пермесскихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ пѣсенъ въ насъ горѣлъ,
И дивное волненіе мы познали;
Съ младенчества двѣ музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ ихъ лаской нашъ удѣлъ:
Но я любилъ уже рукоплесканья,
Ты — гордый — пѣлъ для музъ и для души;
Свой даръ, какъ жизнь, я тратилъ безъ вниманья,
Ты геній свой воспитывалъ въ тиши.

Въ томъ же 1825 году, 30-го октября, состоялся бракъ барона Дельвига съ Софіею Михайловною Салтыковой, и съ этого времени его домъ сталъ также однимъ изъ литературныхъ центровъ. Объ этихъ собраніяхъ у Дельвига и той роли, которую игралъ въ нихъ самъ хозяинъ, рассказываетъ Плетневъ въ своей «Некрологіи» Дельвига: «Баронъ Дельвигъ любилъ общество, но дружеское, но избранное, достойное ума его и сердца, въ чемъ и полагалъ онъ весь аристократизмъ свой, правда, не увлекшій его въ большой свѣтъ, но защитившій отъ знакомствъ скучныхъ и слишкомъ ужъ нелестныхъ. Умъ его отъ природы былъ болѣе глубокъ, нежели остръ. Оттого иногда замѣтна была въ немъ неговорливость. Но по характеру своему онъ расположенъ былъ къ самой счастливой веселости и безпечности, такъ что отъ одного присутствія его одушевлялось цѣлое общество. Ежели онъ увлекался разговоромъ, то обнималъ предметъ съ самыхъ занимательныхъ сторонъ и удивлялъ всѣхъ подробностію и разнообразіемъ познаній. Въ домашнемъ кругу, даже въ кабинетѣ его, никто никогда не примѣчалъ переменъ на этомъ открытомъ, ясномъ, веселомъ

лицѣ, которое было чистымъ зеркаломъ прямой и любезной души» ¹⁾. На вечерахъ у Дельвига собирались Жуковскій, Крыловъ, Гнѣдичъ, Измайловъ, Сомовъ (дѣятельный сотрудникъ Дельвига какъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», такъ въ послѣдствіи и въ «Литературной Газетѣ»), князь Вяземскій, Плетневъ. Бывшіе лицеисты—Илличевскій, Яковлевъ, Деларю, князь Эристовъ также были обычными посѣтителями барона. Съ 1827 года появился въ домѣ его и Пушкинъ, получившій разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. При посредствѣ М. Я. Яковлева, въ гостиную Дельвига былъ введенъ и великій нашъ композиторъ М. И. Глинка, оставившій въ своихъ запискахъ нѣсколько воспоминаній о своемъ знакомствѣ съ Дельвигомъ. «Лѣтомъ 1828 года», пишетъ Глинка,—«Михаилъ Лукьяновичъ Яковлевъ, композиторъ извѣстныхъ русскихъ пѣсенъ и романсовъ и хорошо пѣвшій баритономъ, познакомилъ меня съ барономъ Дельвигомъ, извѣстнымъ нашимъ поэтомъ. Я нерѣдко навѣщалъ его... Баронъ Дельвигъ передѣлалъ для моей музыки пѣсню: «Ахъ ты, ночь-ли ноченька», и тогда же я написалъ музыку на его слова: «Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили».—«Въ маѣ (1829 г.) я часто посѣщалъ барона Дельвига; кромѣ его милой и весьма любезной жены, жила тамъ также любезная и миловидная барыня Кернъ. Въ іюнѣ баронъ съ женою, г-жею Кернъ и Орестомъ Сомовымъ (литераторомъ весьма умнымъ и любезнымъ человѣкомъ) отправились въ четырехмѣстной линейкѣ на Иматру; мы съ Корсакомъ поѣхали вслѣдъ за ними на тележкѣ. Съѣхавшись въ Выборгѣ, вмѣстѣ гуляли въ прекрасномъ саду барона Николаи; вмѣстѣ видѣли Иматру и возвратились въ Петербургъ. Одинъ изъ чухонцевъ-ямщиковъ пѣлъ пѣсню, которая мнѣ очень понравилась; я заставилъ его неоднократно повторить и, затвердивъ ее, употребилъ потомъ главною темою баллады Финна въ оперѣ «Русланъ и Людмила...»—«Въ концѣ лѣта я часто навѣщалъ Дельвиговъ. Помнится, что вскорѣ по возвращеніи изъ Иматры мы угостили Дельвига, Кернъ и Сомова Колмаковымъ И. Е. и Огинскимъ, и удачно ²⁾. Дельвигъ написалъ мнѣ слова: «Не осенній частый дождикъ». Музыку этихъ словъ я въ послѣдствіи взялъ на романсъ Антонины: «Не о томъ скорблю, подруженьки» въ оперѣ «Жизнь за Царя» ³⁾.

¹⁾ Литературная Газета 1831 г., т. III, № 4.

²⁾ Колмаковъ и Огинскій — два пріятеля Глинки, любившіе поспорить подъ веселую руку и комичностью потѣшавшіе присутствовавшихъ.

³⁾ Мы, къ сожалѣнію, не могли нигдѣ разыскать ни текста, ни музыки упоминаемой Глинкою пѣсни, хотя пѣсня эта была въ большомъ ходу еще

Какъ мы выше видѣли, недостатокъ періодическаго изданія съ твердымъ направленіемъ, не руководимымъ одними личными пристрастіями, сильно отзывался на успѣшномъ ходѣ нашей словесности. Потребность въ такомъ органѣ печати сильнѣе всего сознавалась въ литературномъ кружкѣ Дельвига. Пушкинъ уже давно лелѣялъ мечту основать свой собственный журналъ и привлечь къ участию въ немъ своихъ близкихъ друзей, то-есть, лучшія литературныя силы того времени. Мечтѣ этой суждено было осуществиться въ 1830 году, когда основана была «Литературная Газета». Издателемъ ея сталъ Дельвигъ, а редакторомъ — О. М. Сомовъ. Главными и самыми дѣятельными сотрудниками новаго журнала были Пушкинъ, князь Вяземскій и Плетневъ. Кромѣ нихъ, въ «Газетѣ» принимали участіе Баратынскій, Д. Давыдовъ, Хомяковъ, Деларю и другіе. «Литературная Газета» выходила каждыя пять дней и, кромѣ отдѣла беллетристическаго въ прозѣ и стихахъ, заключала въ себѣ отдѣлъ критики и смѣси. Появленіе «Газеты» въ скоромъ времени вызвало оживленную полемику со стороны другихъ періодическихъ изданій, при чемъ эти послѣднія не замедлили затронуть и личность какъ Дельвига, такъ и его пріятелей. Издатель «Сѣвернаго Меркурія» М. А. Бестужевъ-Рюминъ не задумался объявить, что слава Дельвига «непосредственно зависитъ отъ пріязни его съ А. Пушкинымъ и Баратынскимъ», и что «піитическія произведенія его недурны болѣе потому, что одна половина ихъ (исключая, впрочемъ, гекзаметровъ, въ коихъ многіе стихи по особенному роду своему основаны на новыхъ правилахъ, вводимыхъ собственно

недавно и пѣлась дуэтомъ съ хоромъ. По памяти приводимъ первыя двѣ строы пѣфсни, не ручаясь за точность:

Не осенній мелкій дождичекъ,
Брызжетъ-брызжетъ сквозь туманъ,
Слезы горькія льетъ молодецъ
На свой бархатный кафтанъ.

х о р ъ.

Полно, братъ-молодецъ,
Ты вѣдь не дѣвица!
Пей, тоска пройдетъ.

Эхъ тоска, друзья-товарищи.
Грусть запала глубоко:
Я любилъ-любилъ, да радости
Отлетѣли далеко!...

х о р ъ.

Полно, братъ... и т. д.

барономъ Дельвигомъ) принадлежить Пушкину, а другая — Баратынскому». Другимъ и главнымъ противникомъ «Литературной Газеты» оказался знаменитый издатель «Сѣверной Пчелы» Ѳаддей Булгаринъ. Онъ неоднократно подвергался осмѣянію на столбцахъ «Газеты» и, разумѣется, не оставался за это въ долгу. Здѣсь было бы неумѣстно излагать весь ходъ этой полемики; но нельзя не замѣтить, что едва ли не по внушенію Булгарина сдѣланъ былъ Дельвигу выговоръ за напечатаніе въ «Литературной Газетѣ» французскаго стихотворенія Делявиня по случаю событій Іюльской революціи въ Парижѣ. Объясненіе съ графомъ Бенкендорфомъ по этому поводу тягостно подѣйствовало на Дельвига: онъ сталъ хворать, и уже не всталъ съ постели. Кончина его послѣдовала 14-го января 1831 года.

Мы говорили уже, что поэтическое дарованіе Дельвига не было сильнымъ. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ни глубины идей, ни совершенства формы. Стихъ его не всегда гладокъ, а рифмы часто бѣдны и однообразны. Тѣмъ не менѣе, въ его немногочисленныхъ произведеніяхъ нельзя не видѣть стремленія внести въ русскую поэзію новое содержаніе и новыя формы. И то, и другое онъ пытался черпать изъ двухъ совершенно различныхъ источниковъ: изъ поэзіи древняго міра, не подкрашенной педантизмомъ французскихъ классиковъ, и изъ русской народной поэзіи. Но это были именно только попытки — болѣе или менѣе удачныя. Подражанія древнимъ, преимущественно латинскимъ поэтамъ (изъ греческихъ поэтовъ, неизвѣстныхъ Дельвигу въ подлинникѣ, можно указать лишь на слабые слѣды вліянія Пиндара и Анакреонта), у Дельвига слишкомъ формальны и носятъ на себѣ характеръ какой-то вымученности, а русскія его пѣсни не запечатлѣны истиннымъ народнымъ духомъ. Дѣло въ томъ, что Дельвигъ былъ болѣе поэтомъ въ душѣ, чѣмъ по искусству: глубоко чувствуя красоты образцовъ, которымъ подражалъ, онъ не обладалъ способностью облекать смутно носившіеся въ душѣ его образы въ плоть и кровь своего стиха и потому ограничивался внѣшнимъ подражаніемъ метру или поэтическимъ приемамъ своихъ образцовъ. Впрочемъ, ни образованіе, полученное Дельвигомъ, ни время, въ которое онъ жилъ, не могли способствовать развитію его таланта, какъ подражателя древней или народной поэзіи; только такія необычайно сильныя дарованія, какъ Пушкинъ, могли побѣдоносно бороться съ трудностями, представлявшимися въ ихъ время на пути, избранномъ Дельвигомъ. Пушкинъ никогда не пользовался въ своихъ подражаніяхъ

древними гораціанскими метрами, какъ дѣлалъ то Дельвигъ, а между тѣмъ его антологическія стихотворенія гораздо болѣе вводятъ насъ въ классическій міръ, чѣмъ попытки его друга. Точно также и въ своихъ варіаціяхъ на русскія народныя темы Пушкинъ умѣлъ лучше Дельвига приблизиться къ безыскусственному голосу народа. Тѣмъ не менѣе попытки Дельвига и въ томъ, и въ другомъ направленіи имѣли извѣстное значеніе въ свое время и заслуживаютъ признательности потомства: быть можетъ, безъ опытовъ Дельвига мы не имѣли бы и нѣкоторыхъ превосходныхъ стихотвореній Пушкина въ тѣхъ же родахъ.

Кромѣ подражаній древнимъ и кромѣ русскихъ пѣсенъ, Дельвигъ написалъ еще нѣсколько сонетовъ и идиллій. И тѣ, и другія высоко цѣнилъ Пушкинъ. Въ извѣстномъ сонетѣ: «Суровый Дантъ не презиралъ сонета...» великій поэтъ кратко, но ясно указываетъ тѣ образцы, которымъ слѣдовали въ этой трудной формѣ стихотворства наши поэты, и тутъ-то онъ упоминаетъ о Дельвигѣ:

У насъ его еще не знали дѣвы,
Какъ для него ужъ Дельвигъ забывалъ
Гекзаметра священные напѣвы.

Изъ шести сонетовъ Дельвига лучшіе: «Н. М. Языкову» и «Вдохновеніе». Быть можетъ, эти сонеты не остались безъ косвеннаго вліянія на творчество самого Пушкина ¹⁾.

Что касается идилліи, то это была любимая форма, въ которую выливалось поэтическое вдохновеніе Дельвига. «Идилліи Дельвига», пишетъ Пушкинъ, — «для меня удивительны: какую силу воображенія должно имѣть, дабы такъ совершенно перенестись изъ XIX столѣтія въ золотой вѣкъ.

¹⁾ Пусть, на примѣръ, читатель сравнитъ начало сонета «Н. М. Языкову»:

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ итти къ Парнаскимъ высотамъ...

съ сонетомъ Пушкина: «Поэту»:

... Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ.

или слѣдующіе стихи сонета «Вдохновеніе»:

*И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками;
Онъ ставитъ честь превыше всѣхъ частей,
Онъ клеветъ мститъ славою своей
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!*

съ стихотвореніемъ Пушкина «Поэтъ».

и какое необыкновенное *чутье* изяшнаго, дабы такъ угадать греческую поэзію сквозь латинскія подражанія или нѣмецкіе переводы; эту роскошь, эту нѣгу, эту прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную, которая не допускаетъ ничего напряженнаго въ чувствахъ, тонкаго, запутаннаго въ мысляхъ, лишняго, неестественнаго въ описаніяхъ». Откинувъ въ этой характеристикѣ все преувеличенное, все, что подсказано дружбою и любящимъ сердцемъ, слѣдуетъ признать справедливость оцѣнки Пушкина, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ идилліяхъ Дельвига видитъ «прелесть болѣе отрицательную, чѣмъ положительную». Дѣйствительно, съ этой точки зрѣнія, идилліи Дельвига выше идиллій другихъ современныхъ ему поэтовъ, не исключая и Гнѣдича. Кромѣ того, есть и еще одна сторона въ идилліяхъ Дельвига, на которую нельзя не указать. Мы разумѣемъ ихъ размѣръ. Попытки Дельвига писать «метромъ», то-есть, подражать размѣрамъ древняго метрическаго стихосложенія, неполнѣйшимъ свойственнымъ нашей тоической системѣ, вообще нельзя считать вполне удачными; но гекзаметромъ и его сочетаніемъ съ пентаметромъ Дельвигъ пользовался въ своихъ идилліяхъ и другихъ стихотвореніяхъ съ большимъ искусствомъ и смѣлостью. Вообще, гекзаметры Дельвига разнообразнѣе и оттого живѣе гекзаметровъ Гнѣдича, хотя и лишены гармоніи стиха Жуковскаго.

Въ настоящемъ изданіи сочиненій Дельвига собраны по возможности всѣ его произведенія. Въ основу текста положено изданіе 1829 года, какъ печатавшееся при жизни самого поэта. Важнѣйшіе варианты (далеко не всѣ) указаны въ примѣчаніяхъ. Стихотворенія, не вошедшія въ предшествовавшія изданія, извлечены отчасти изъ статей В. П. Гаевского о Дельвигѣ («въ Современникѣ» 1853 и 1854 гг.), отчасти изъ современныхъ журналовъ. Прозаическія статьи и письма барона Дельвига собраны въ настоящемъ изданіи впервые.

Валеріанъ Майковъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

НА ВЗЯТІЕ ПАРИЖА.

Въ громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да услышать тебя всѣ народы,
Скажутъ: не то ли перуны Зевеса,
Коими въ гнѣвъ сражаетъ пороки?
Пиндара муза тобой побѣжденна;
Ты же не игры поешь Олимпійски
И не царя, съ быстротою летяща
Къ цѣли на добромъ конѣ сиракузскомъ,
Но Александра, царя миролюбна,
Кѣмъ семиглавая гидра сраженна!

О, вдохновенный пѣвецъ,
Пиндаръ російскій, Державинъ!
Дай мнѣ парящій восторгъ!
Дай, и во вѣки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будетъ вездѣ!

Какъ въ баснословные вѣки
Противъ Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною,
Но Зевсъ вдругъ кинулъ перуны.
Горы въ песокъ превратились,
Рухнули съ трескомъ на землю
И подавили гигантовъ, —

Галлы подобно на Россю летѣли:
Ихъ были горы — народы подвластны!
Къ сердцу Россіи, къ Москвѣ, доносили
Огнь, пожирающій горы и веси...
Царь миролюбный подобенъ Зевесу
Долготерпящу, людей зря пороки.
Онъ ужъ готовилъ погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Врагъ ужъ въ Москвѣ, — и взгремѣли перуны,
Горы его подъ собою сокрыли.

Гдѣ же надменный Сизифъ?
Иль покоряетъ Россіянъ?
Въ тяжкихъ ли Россы цѣпяхъ
Слезную жизнь провожаютъ?
Нѣтъ, громъ оружія Россовъ
Внемлетъ пространный Парижъ!
И побѣдитель Парижа,
Нѣжный отецъ Россіянамъ,
Пепель Москвы забывая,
Съ кротостью Галламъ прощаетъ
И, какъ дѣтей, ихъ пріемлетъ.
Слава герою, который
Всѣ побѣждаетъ народы
Нѣжной любовью, не силой!
Вѣдай, богиня! Поэтъ безпристрастный
Долженъ пороки показывать міра.
Страха не зная, царю онъ вѣщаетъ
Правду, не низкія лести вельможи!
Я не пою Олимпійскихъ героевъ;
Славить не злато меня побуждаетъ;
Нѣтъ, только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю:
Вѣкъ на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!
Кроткій російскій Зевесъ!
Мрачнаго сердцемъ Сизифа
Ты низложилъ, — и теперь,
Лавромъ побѣдъ увѣнчанный,
Съ поля кровавыя битвы
Къ вѣрнымъ сынамъ возвратися!
Шлемъ свой пернатый съ забраломъ,
Острый булатъ и тяжелы
Латы сними — и явися
Въ свѣтлой коронѣ, въ порфирѣ
Ты посреди сыновъ вѣрныхъ.
Въ мирѣ опять, въ благоденствѣ
Царствуй надъ нами, — и слава
Будетъ во вѣки съ тобою!

1814.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXV, № 12.

II.

КЪ ДІОНУ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой рощи,
Гдѣ, прохлажденный въ тѣни, сверкая стремится источникъ.
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія—и Вакху

Вечера часъ посвятимъ.

Мальчикъ, наполни фіаль фалернскимъ виномъ искрометнымъ!
Въ честь вѣчноюному Вакху осушимъ мы дно золотое;
Въ чашѣ, обвитой вѣнкомъ, принеси дары щедрой Помоны,
Вкусны, румяны плоды.

Тщетно юность спѣшитъ удержать престарѣлаго Хрона,
Просить, молить его: не внимая, онъ далѣе мчится;
Маленькій только Эротъ смѣется, поетъ и, сѣдого

За руку взявши, бѣжитъ.

Что намъ въ жизни сей краткой за тщетною славой гоняться,
Вѣчно въ трудахъ только жить, не видѣть веселій до гроба?
Боги для счастья намъ и веселія дни даровали,
Для наслажденій любви.

Пой въ хороводѣ дѣвицъ бѣлогрудыхъ пѣсни веселью,
Прыгай подъ звонкую флейту, сплетая руками, кружися —
И твоя жизнь протечетъ, какъ быстро въ зеленой долині
Скачетъ и вѣется ручей.

Другъ, за лавровый вѣнокъ не кланяйся гордымъ пританамъ.
Пусть за слѣпою богиней Лициній гоняется вѣчно,
Пусть и обниметъ ее. Фортуна косы всеразящей
Не отвратитъ отъ главы.

Что намъ богатства искать? Имъ счастья себѣ не прикупимъ:
Всѣхъ на одной ладѣ, — и бѣднаго Ира, и Креза,
Въ мрачное царство Плутона, чрезъ волны ужаснаго Стикса
Старый Харонъ отвезетъ.

Сядемъ, любезный Діонъ, подъ сѣнью развѣсистой рощи,
Гдѣ, прохлажденный въ тѣни, сверкая, стремится источникъ:
Тамъ позабудемъ на время заботы мірскія—и Вакху
Вечера часъ посвятимъ.

1814.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVI, № 15. — Труды Общ. люб.
росс. слов. 1819, ч. VIII.

III.

КЪ ПОЭТУ-МАТЕМАТИКУ.

Скажи мнѣ, Финеасъ любезный,
Въ какіе вѣки неизвѣстны

Была Уранія дружна
Съ поэзіей голубоокой?
Скажи, не вѣчно ли она
Жила не съ нею, — одиноко,
И въ телескопъ вперяя око,
Небесный измѣряла сводъ
И звѣздъ блестящихъ быстрый ходъ?

Какими-же, мой другъ, судьбами
Ты математикъ и поэтъ?
Играешь громкими струнами —
И вдругъ, остановя полетъ,
Сидишь надъ грифельной доскою,
Поддерживая лобъ рукою,
И пишешь съ цифрами ноли,
Проводишь длинну апогею,
Доказываешь теорему,
Тупые, острые углы?
Возможно ли, чтобы дѣвица
Какъ лебедь статна, бѣлолица,
Плѣнилась модникомъ сѣдымъ
И нѣжною рукою своею,
Его бы обнимая шею,
Въ любви жила счастливо съ нимъ?

Скажи, какъ можетъ восхищенье,
Души чувствительной стремленье
Тебя съ мечтами посѣщать?
Какъ пишешь громкія ты оды —
И за предѣлами природы
Міры стремишься населять
Людьми, которы не подвластны
Ни злу, ни здѣшнимъ суетамъ?
У нихъ въ сердцахъ — любви храмъ,
Они — всѣ юны, всѣ прекрасны
И улыбаются вѣкамъ,
Летящимъ быстрою стрѣлою
Съ неумолимою косою.

Въ восторгѣ говоритъ поэтъ,
Любовь Алинѣ изъясняя:
«Небесной красотой сіяя,
«Ты солнца помрачаешь свѣтъ!
«Твои блестящи, черны очи,
«Какъ свѣтлый мѣсяцъ зимней ночи
«Кидають огонь изъ-подъ бровей!»
Но математикъ важно ей

Все опровергнетъ, все докажетъ,
Опредѣлитъ и солнца свѣтъ,
И дѣйствіе лучей покажетъ
Черезъ преломленье на предметъ;
Но, вѣрно, утаитъ, что взоры
Прелестной, райской красоты
Воспламеняютъ камни, горы
И въ сердце сладки льютъ мечты.

Дерзнешь ли, о мой другъ любезный,
Передъ натурой токи слезны
Проливъ, стремиться къ ней душой?
На небесахъ твой путь опасный
Препнуть и Левъ, и Змѣй ужасный,
И лютый Туръ подниметъ вой!
Черезъ линейки, микроскопы,
Черезъ циркули и телескопы
Шагать устанетъ милый другъ
И выпрепный оставить кругъ!
Оставить... и на табуретѣ
Въ своемъ укромномъ кабинетѣ
Зачнетъ считать, чертить, марать
И музу въ помощь призывать!
И вотъ, чрезъ множество мгновений,
Твои слова, отъ сотрясеній,
Къ ея престолу долетятъ.

На острый носъ очки надвиня,
Беретъ орудія богиня,
Межуетъ облаковъ квадратъ.
Большіе блоки съ небесами
Соединяются гвоздями
И подъ веревкою скрипятъ.
И загремѣла цѣпь желѣзна,
Открылась музѣ поднебесна
И мѣсто, гдѣ витаешь ты.
И Герой облако влечется
И вѣтеркомъ туда, сюда
Колеблясь въ бокъ, въ другой, несется,
На твой спускаясь кабинетъ.

Вотъ блѣдный и дрожащій свѣтъ
Вдругъ осѣнилъ твою обитель!
Небесъ веселыхъ мрачный житель
Является передъ тобой.
«Стремись, мой сынъ, стремись за мной»,

Богиня съ важностью вѣщаетъ,
«Уже безсмертіе тебѣ
«Вѣнцы лавровые сплетаетъ:
«Достигни славы въ тишинѣ!
«Съ Невтономъ испытай природу,
«Съ Бландшаромъ по небесну своду,
«Какъ дерзостный орелъ, летай!
«Безстрашно измѣрай пучину,
«Скажи всѣмъ дѣйствіямъ причину
«И новы звѣзды открывай!»

И се раскрылся предъ тобою
Промчавшихся вѣковъ завѣсъ,
И зришь: въ священный темный лѣсъ
Идутъ ученые толпою.
Кружась на вѣтренихъ крылахъ,
Волнится передъ ними прахъ
И рветъ ихъ толстыя творенья.
Что дѣлать? Плачутъ, да идутъ.
И средь такого тревоженья
Одни за алгеброй бѣгутъ,
Тѣ геометрію хватаютъ,
Иль, руки опустя, рыдаютъ.

Недосягаемый никѣмъ,
Между кремнистыми скалами,
За Стикса мрачными берегами
Главу возноситъ, какъ илемъ,
Престоль богини измѣренья,
И Хронъ не сыплетъ разрушенья
На хладны мраморны столбы!
Отсель богиня взоръ кидаетъ
На многочисленны толпы.
Не многихъ слушаетъ мольбы,
Не многихъ лаврами вѣнчаетъ *).

Но грянетъ по струнамъ поэтъ
И лишь богиню призоветъ,
При звукѣ сладостныя лиры,
Впрягутся въ облако зефиры,
Крылами дружно размахнутъ,
Помчатся съ Пинда, понесутъ —

*) Читатели извиняютъ, что я въ семъ мѣстѣ воспользовался описаніемъ зимы г. Хераскова, и то единственно по сходству математики съ холодомъ.

И вотъ въ эоирномъ одѣяньи,
Пѣвецъ, она передъ тобой,
Въ вѣнцѣ, въ божественномъ сіяньи,
Плѣняющая красотой!
И ты падешь въ благоговѣньи
Передъ подругою твоей!
Гремишь струнами въ восхищеньи,
И ты — могучій чародѣй!

Не воздухъ на небѣ сгущенный,
Спираясь между собой,
Перуны шлетъ изъ тучи темной
И проливаетъ дождь рѣкой:
То гнѣвный Зевсъ водоточивый
На смертный родъ, всегда кичливый,
Льетъ воды и перунъ десной
Кидаетъ на полки строптивы;
И не роса на доль падетъ,
Цвѣты душисты освѣжая:
Аврора, урну обнимая,
Надъ прахомъ сына слезы льетъ.
Не воздухъ, звукомъ сотрясенный,
Къ лѣсамъ относитъ голосъ твой:
Ахъ, нѣтъ! Подъ тѣнью священной,
Плѣнясь Нарцисовой красой,
Несчастлива нимфа воздыхаетъ
И грусть съ тобою раздѣляетъ,
Не солнце, разсѣвая тѣнь,
На землю сводитъ ясный день, —
То Фебъ прекрасный, сановитый,
Лучами свѣтлыми повитый,
Удерживая бѣгъ коней,
У коихъ пламя изъ ноздрей,
Летитъ въ блестящей колесницѣ,
Послѣдуя молодой денницѣ.

Такъ славный Боало пѣвалъ,
Бросая огонь отъ громкой лиры;
Порокъ блѣднѣлъ и трепеталъ,
Внимая грозный гласъ сатиры.

Мессіи избранный пѣвецъ!
Ты арфою плѣнялъ вселенну;
Тебѣ, хвалою превознесенну,
Омиры отдаютъ вѣнецъ.
Пиндара, Флакка побѣдитель,

Небесныхъ пѣсней похититель,
Державинъ Россовъ восхищалъ!
Подъ дланью трепетали струны,
На сильныхъ онъ металъ перуны
И добродѣтель прославлялъ.

И здѣсь, когда на вражьи строи
Летѣли Россіе герои,
Спасая вѣру и царя,
Любовью къ родинѣ горя,
Въ доспѣхахъ бранныхъ, подъ шатрами
Жуковскій дивными струнами
Мечи ко мщенью извлекалъ,—
И врагъ отъ сихъ мечей уналъ.

Но ты сравнишься ли съ ними,
Когда, то музами водимый,
То математикой своей,
Со всѣми разною стязей
Идешь на высоты Парнасса
И ловишь совъ или Пегаса?
Измѣрь способности свои,
Иль время проводи съ доскою
И треугольники пиши;
Иль нѣжною своею игрою
Украшь друзей пріятный хоръ,
Сзывая Піэридь соборъ.

1814.

Вѣстникъ Евр. 1814 г., ч. LXXVIII, № 21.

IV.

КЪ ЛИЛЕТЪ.

Лилета, пусть вѣтеръ свиститъ, и кверху мятелица вьется;
Внимая боренью стихій, и въ бурю мы счастливы будемъ,
И въ бурю мы можемъ любить! Ты знаешь, во мрачномъ Хаосѣ
Родился прекрасный Эротъ.

Въ ужасномъ волненьи морей, когда громы сражались съ гро-
мами,
И тьма устремлялась на тьму, и бѣлая пѣна кипѣла —
Явилась богиня любви, въ коральной плывя колесницѣ,
И волны предъ ней улеглись.

И мы, подъ защитой боговъ, потопимъ въ веселіи время.
Бушуйте, о чада зимы! Осыпайтесь, желтые листья!
Но мы еще только цвѣтемъ, но мы еще жить начинаемъ
Въ объятіяхъ нѣжной любви!

И радостно сбросимъ съ себя мы юности красну одежду,
И старости тихой дадимъ дрожащую руку съ клюкою,
И скажемъ: о старость, води наслаждаться любовью въ томъ
мірѣ,

Ужъ мы насладились здѣсь!

1814.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVIII, № 22.—Тр. Общ. люб. росс
слов. 1820 г., ч. IX.

V.

ЭПИГРАММА.

Поэтъ надутый Клитъ
На вѣки заклался со мною говорить.
О, Клитъ возлюбленный, смягчися, умоляю:
Я безъ твоихъ стиховъ безсонницей страдаю.

1814.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVIII, № 22.

VI.

СТАРИКЪ.

Хлоя старика сѣдого
Захотѣла осмѣять: —
Вмѣсто парня молодого,
Приласкать и въ гости звать.

Вотъ покрыла ночь долину,
Тѣнь простерлась на лугахъ;
Видитъ Хлоя старичину
Съ длинной лѣстницей въ рукахъ.

Тихо крадется къ окошку,
Ставитъ лѣстницу — и въ мигъ
Протянулъ сухую ножку,
Къ милой полетѣлъ старикъ.

Къ мѣсту близокъ дорогомѹ—
И въ морщиночкѣ слеза!
Хлоя зеркало сѣдому
Прямо сунула въ глаза:

И любовникъ спотыкнулся,
Будто грянулъ сильный громъ;
Съ крикомъ въ три дуги согнулся
И считаетъ бревна лбомъ.

Поутру она спросила:
«Что же, милый, не бывалъ?»
«Ужъ не я ль тебя просила,
«И не ты ли общалъ?»

Зубы въ зубы ударяя,
Онъ со страхомъ отвѣчалъ:
«Домовой меня, родная,
«У окна перепугалъ».

Старики, теперь внимайте
Наставленье отъ меня:
Васъ любить не заставляйте,
Коль пугаетесь себя!

1814.

Вѣстникъ Европы 1814 г., ч. LXXVIII, № 22.

VII.

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА.

Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ,
Но сердце было въ волѣ;
Я думала: весь бѣлый свѣтъ—
Нашъ боръ, потокъ и поле.

Къ намъ юноша пришелъ въ село:
Кто онъ? Отколь? Не знаю,
Но все меня къ нему влекло,
Все мнѣ твердило: «Знаю!»

Его кудрявые власы
Вкругъ шеи обвивались,
Какъ макъ сіяетъ отъ росы,
Сіяли, рассыпались.

И взоры пламенны его
Мнѣ что-то изъясняли;
Мы не сказали ничего,
Но ужъ другъ друга знали.

Куда пойду—и онъ за мной.
На долгую ль разлуку?—
Не знаю! Только онъ съ тоской
Безмолвно жалъ мнѣ руку.

«Что хочешь ты?» спросила я,
«Скажи, пастухъ унылый?»
И съ жаромъ обнялъ онъ меня
И тихо назвалъ милой.

И мнѣ бъ тогда его обнять!
Но рукъ не поднимала,
На перси потупила взглядъ,
Краснѣла, трепетала.

Ни слова не сказала я!
За что жъ ему сердиться?
Зачѣмъ покинулъ онъ меня?
И скоро ль возвратится?

1814.

Вѣстникъ Евр. 1814 г., ч. LXXVIII, № 22.—Тр. Общ. люб. росс.
слов. 1820 г., ч. IX.

VIII.

НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАΘОНА.

(Пародія).

Ни рыжая брада, ни радость старыхъ лѣтъ.
Ни дряхлая твоя супруга,
Ни кони не спасли отъ тяжкаго недуга...
И Агаѳона нѣтъ!
Потухъ, какъ отъ копытъ огонь во мракѣ ночи,
Какъ ржанье звучное усталаго коня!...
О небо! со слезой къ тебѣ подъемлю очи
И, бранный, не могу не спросить тебя:
Ужель не вѣчно намъ возжами править можно
И счастье въ винѣ напрасно находить?
Иль лучшимъ кучерамъ жить въ мірѣ лучшемъ должно,
А намъ съ худыми быть!...

Увы! Не будешь ты потряхивать возжею!
Не будешь лошадей бить плетію своею!
И, усомъ шевеля, по-русски ихъ бранить;
Уже не станешь ты и по воду ходить!

Гласъ молодецкій не прольется,
И путникъ отъ тебя ужъ не зажметъ ушей,
И при сіяньи фонарей
Ужъ гласъ фореитора тебѣ не отзовется,
И ахъ!—Кузьминишна сквозь слезъ не улыбнется!
Умолкло все съ тобой! Кухарки слезы льютъ,
Супруга, конюхи вѣнки изъ сѣна выютъ,
Глася отшедшему къ покою:
Когда ты умеръ,—чортъ съ тобою!

1814.

Библиогр. Записки 1859 г., т. II.

IX.

КЪ ДОРИДѢ.

Дорида, Дорида! любовью все дышетъ,
Все пьетъ наслажденье съ притекшей весной:
Чуть зефиръ, струяся, березу колышетъ,
И съ берега лебедь понесся волной
Къ зовущей подругъ на островъ пустынный;
Надъ розой трепещетъ златой мотылекъ,
И въ гулкой долинь любовью невинной
Протяжно вздыхаетъ пастушій рожокъ.

Лишь ты, о Дорида, улыбкой надменной
Мнѣ платишь за слезы и муки любви!
Вглядись въ мою блѣдность, въ мой взоръ помраченный:
По нимъ ты узнаешь, какъ въ юной крови
Свирѣпая ревность томить и сжигаетъ!
Не внемлетъ... и въ пляскахъ, смѣясь надо мной,
На зло мнѣ, красою подругъ затемняетъ
И узниковъ гордо ведетъ за собой.

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.—Благонамѣренный, ч. I.

X

КЪ ТЕМИРѢ.

Какъ птичка рѣзвая, молодая,
Ты подъ крыломъ любви растешь,
Мірскихъ заботъ еще не зная,
Кружишься и поешь.

Но дѣтство быстро унесется,
Съ нимъ улетитъ и твой покой,
И сердце у тебя забьется
Невѣдомой тоской.

Тщеславіе тебя цвѣтами
Прилежно будетъ убирать,
И много лѣтъ предъ зеркалами
Придется потерять.

Здѣсь мода всѣми помыкаетъ,
Чернить, румянить и бѣлить,
Веселыхъ плакать заставляетъ,
Печальнымъ—пѣть велитъ.

И ты помчишься за толпою
Во храмъ блестящей суеты
И истинной почтешь красою
Тафтяные цвѣты.

Но знай, что счастье на свѣтѣ
Не въ амстердамскихъ кружевахъ,
Не на богатомъ туалетѣ, —
Но въ искреннихъ сердцахъ.

Цвѣти, Темира дорогая!
Богиня красотою будь!
Въ столицѣ роскоши блистая,
Меня не позабуди!

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. I.—Благонамѣренный, ч. II.

XI.

ФІАЛКА и РОЗА.

Здѣсь фіалка на лугахъ
Съ зеленою пестрѣтъ,
Въ свѣжихъ Флоры волосахъ
На вѣнкѣ краснѣтъ.

Юноша! Весна пройдетъ, —
И фіалка опадетъ.

Роза, дѣвы украшай
Груди молодыя,
Другу милому вѣнчай
Кудри золотыя.

Скоро лѣту пролетѣть,—
Розѣ скоро не алѣть.

Подъ фіалкою журчитъ
Здѣсь ручей сребристый,
Съ раннимъ днемъ ее живитъ
Онъ струею чистой.

Но отъ солнечныхъ лучей
Лѣтомъ высохнетъ ручей.

Тутъ за розовымъ кустомъ
Пастушекъ съ пастушкой,
И Амуръ, грозя перстомъ:
«Тутъ пастухъ съ пастушкой:

«Не пугайте», говоритъ,
«Мигъ—и осень пролетитъ!»

Тамъ фіалку, наклонясь,
Дѣвица срываетъ.
Зефиръ, въ волосы вплетясь
Локономъ играетъ.

Юноша! краса летитъ
Дѣву старость посѣтитъ.

Кто фіалку съ розой пѣлъ
Въ радостны досуги
И всегда любилъ умѣлъ
Васъ, мои подруги—

Скоро молодой пѣвецъ
Набредетъ на свой конецъ!

1815
Россійскій Музей 1815 г., ч. II.

XII.

КЪ ТАУШЕВУ.

Еще въ молодые годы,
Брянча струной не въ ладъ,
За пиндарскія оды
Я музами проклять

Поднявъ печально руки,
Съ надеждою въ очахъ,
Познаній отъ науки
Я требовалъ въ слезахъ.

Наука возвратила
Мнѣ счастье и покой
И чуть не помирила
Съ завистливой судьбой.
Но я, неблагодарный,
Чѣмъ тихомолкомъ жить,
Съ улыбкою коварной
Сталъ дочь ея бранить.

И, взявши посохъ въ руки,
На цыпочкахъ, тишкомъ
Укрылся отъ науки
Съ затѣйливымъ божкомъ.
Амуръ къ молодой Темирѣ
Зажегъ во мнѣ всю кровь,
И я на томной лирѣ
Пѣлъ радость и любовь.

Простился я съ мечтою,
Въ груди простыла кровь,
А все еще струною
Брянчу кой-какъ любовь.
И въ пѣсняхъ дышетъ холодъ,
Въ элегіяхъ бомбастъ;
Сатировъ громкій хохотъ —
Моя на Пиндѣ часть.

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

XIII.

КЪ БОЛЬНОМУ ГОРЧАКОВУ.

Здравія полный фіаль Гигея сокрыла въ туманѣ;
Рѣзвый Эротъ и Хариты съ тоскою бѣгутъ отъ тебя.
Блѣдная тихо болѣзнь на ложе твое наклонилась,
Сонъ смѣняется стономъ, молениемъ друзей—тишина.

Тщетно ты слабую длань къ богинѣ молодой простираешь,
Тщетно: не внемлетъ Гигея и утѣшительный взоръ

Отвратила съ унынѣмъ. — И Скорбь надъ тобой изливаетъ,
Съ колкой улыбкою злобы, болѣзни и скуки сосудъ.

Юноша! что не сзовешь веселій и остраго Мома?
Съ ними Эротъ и Хариты къ тебѣ возвратятся толпой;
Лирой, звенящею радость, отгонять болѣзни и скуку
И опрокинуть со смѣхомъ цѣлебный фіаль на тебя.

Дружба дастъ помощи руку; Вакхъ оживить твои силы;
Лила невольно промолвится: скажетъ, краснѣя: «люблю»,
Съ трепетомъ тайнымъ къ тебѣ прижимаясь невинною грудью,
И поцѣлуй увѣнчаетъ блаженное время любви!

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

XIV.

В А К Х Ъ.

Прощай, Киприда! Богъ съ тобою!
Съ фіаломъ счастливъ я;
Двоихъ дружишь ты межъ собою,
А съ Вакхомъ — всѣ друзья!

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. II.

XV.

Х А Т А.

Скрой меня, бурная ночь! Заметай слѣды мои, вьюга!
Вѣтеръ холодный, бушуй вокругъ хаты Лилеты прекрасной!
Мѣсяцъ, свѣти—не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.

Тихо, дверь, отворись! О Лилета, твой милый съ тобою!
Нѣжной, лилейной рукой ты къ сердцу его прижимаешь;
Что же съ перстомъ на устахъ, боязливая, смотришь на друга?
Или твой Аргусъ не спитъ?

Богъ-утѣшитель Морфей, будь хранителемъ тайнъ Амура!
Сны, готовые насъ разлучить до скучнаго утра,
Роемъ тяжелымъ скорбей опуститесь на хладное ложе
Аргуса милой моей!

Намъ ли страшиться любви? Счастливецъ, мои поцѣлуй
Сладко ее усыпять подъ шумомъ порывистымъ вѣтра;
Тихо пробудить ее съ предвѣстницей юнаго утра
Пламенный мой поцѣлуй!

1815.

Россійскій Музеумъ 1815 г., ч. III.

XVI.

А. С. ПУШКИНУ.

Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи,
Осѣненный и миртомъ, и лаврами,
Майской ночью при хорѣ порхающихъ,
Въ сладкихъ грѣзахъ отвился отъ матери,—

Тотъ въ совѣтахъ не мудрствуетъ; на стѣны
Побѣжденных знамена не вѣшаетъ;
Столбъ кормами судовъ непріятельскихъ
Онъ не красить предъ храмомъ Ареевымъ;

Флотъ, съ несчетнымъ богатствомъ Америки,
Съ тяжкимъ золотомъ, купленнымъ кровію,
Не взмущаетъ двукраты экватора
Для него кораблями бѣгущими.

Но съ младенчества онъ обучается
Воспѣвать красоты поднебесныя,
И ланиты его отъ привѣтствія
Удивленной толпы горятъ пламенемъ.

И Паллада туманное облако
Разсѣваетъ отъ взоровъ,—и въ юности
Онъ уже видитъ священную истину
И порокъ, изъ подлобыя взирающій!

Пушкинъ! Онъ и въ лѣсахъ не укроется
Лира выдастъ его громкимъ пѣніемъ,
И отъ смертныхъ восхититъ безсмертнаго
Аполлонъ на Олимпъ торжествующій.

1815.

Россійскій музеумъ 1815 г., ч. III.—Труды Вольн. Общ. любит.
росс. слов. 1819 г., ч. VIII.

XVII.

ТИХАЯ ЖИЗНЬ.

Блаженъ, кто за рубежъ наслѣдственныхъ полей
Ногою не шагнетъ, мечтой не унесется;
Кто не клянетъ судьбу, и съ милою своей
Какъ весело заснетъ, такъ весело проснется;
Кто молоко отъ стада, хлѣбъ съ нивы золотой
И мягкую волну съ своихъ овецъ собираетъ;
Кому домашній дубъ въ огнѣ трещить зимой,
И сонъ прохладою въ день лѣтній навѣваетъ.
Спокойно цѣлый вѣкъ проводить онъ въ трудахъ,
Полета быстрого часовъ не примѣчая;
Устанетъ, наконецъ, — и съ думой о друзьяхъ
Предастся смерти онъ, пріятно засыпая.
Такъ жизнь и Дельвигу тихонько провести!
Умру — и скоро всѣ забудутъ о поэтѣ...
Что нужды? я блаженъ; я живши могъ найти
Покой въ безвѣстности и счастье въ Лилетѣ!

1816.

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1820 г., ч. X.

XVIII.

ПОЛЯКЪ.

(БАЛЛАДА).

Бородинскія долины
Осребрились луной;
Громы на холмахъ нѣмѣли,
И вдали шатры бѣлѣли
Омраченной полосой.

Быстро мчались Поляки
Вдоль лѣсистыхъ береговъ;
Ива листьями шептала,
И въ пещерахъ завывала
Стая дикая волковъ.

Вотъ въ развалинахъ деревня
На проталинѣ лежитъ.
Бурные, ночлегъ почуя,
Гривы по вѣтру волнуя,
Искры сынали съ копытъ.

И стучить Полякъ въ избушку:

«Есть ли, есть ли тутъ жилой?»

Что-то въ окнахъ шевелится,

И громчей Полякъ стучится:

«Есть ли, есть ли тутъ жилой?»

— «Кто тамъ?» всадника спросила

Робко дѣвица-краса.

«Эй, пусти въ избу погрѣться:

«Буря свищетъ, дождикъ льется,

«Тьмой покрыты небеса».

— «Сжался надо мной, служивый!»

Дѣвица ему въ отвѣтъ,

«Мать моя, отецъ убиты,

«Здѣсь одна я, безъ защиты,

«Страшно двери отпереть».

«Что, красавица, бояться?

«Вѣдь полякъ не людоѣдъ;

«Стойло конь не искушаетъ,

«Збруя стопку не ломаетъ,

«Столъ подъ ранцемъ не падеть».

Дверь со скрипомъ отскочила.

Озирается герой;

Снявъ большую рукавицу,

Треплетъ красную дѣвицу

Онъ могучею рукой.

«Сколько лѣтъ тебѣ, голубка?»

— «Вотъ семнадцатый къ концу.» —

«А, такъ скоро со свѣчами,

«Помѣнявши кольца,

«Съ суженымъ пойдешь къ вѣнцу.

«Дай же выпить на здоровье

«Мнѣ невѣсты съ женихомъ.

«До краевъ наполни, чаша!

«Будь такъ жизнь пріятна ваша!

«Будь такъ полонъ здѣшній домъ!»

И подъ мокрой епанчею

Задремалъ онъ надъ ковшомъ.

Вьюга ставнями стучала,

И въ молчаніи летала

Стража польская кругомъ.

За гремящей самопрялкой
 Страшно дѣвицѣ одной,
Страшно въ тишинѣ глубокой
Безъ родныхъ и одинокой
 Ей бесѣдовать съ тоской.

Но забылась: сонъ насильно
 Въ дѣвѣ побѣждаетъ страхъ;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова къ плечу клонится,
 И томленіе на очахъ.

Съ трескомъ вспыхнула лучина;
 Тѣнь мелькнула на стѣнѣ;
Въ уголку безъ покрывала
Дѣва юная лежала,
 Улыбаясь въ тихомъ снѣ.

Глядь Полякъ — прелестны груди
 Тихимъ трепетомъ дышатъ;
Онъ невольно взоры мещетъ,
Взоръ его желаньемъ блещетъ,
 Щеки пламенемъ горятъ.

Цвѣтъ невинности непроченъ,
 Какъ въ долинѣ василекъ:
Часто свѣтлыми косами
Межъ шумящими снопами
 Вянетъ скошенный цвѣтокъ!

Но злодѣй! Чу! Трескъ булата —
 Слышь: «Къ ружью!» — знакомый гласъ.
Настежь дверь, — какъ вихрь, влетаетъ
Въ избу Русскій — мечъ сверкаетъ:
 Дерзкій, близокъ мести часъ!

Дѣва трепетно, смятенно,
 Пробудясь, кидаетъ взглядъ;
Зритъ: у ногъ Полякъ сраженный
Изъ груди окровавленный
 Тащитъ съ скрежетомъ булатъ.

Зритъ — сама себѣ не вѣритъ —
 Взоръ восторгомъ запылалъ:
«Ты ль, мой ангелъ?» восклицаетъ, —
Русскій мечъ въ ножны бросаетъ...
 Дѣвицу женихъ обнялъ.

1816.

Русск. Архивъ 1864 г., № 10.

XIX.

ИЛЛИЧЕВСКОМУ.

Пока поэтъ еще съ тобою,
Онъ можетъ просто, не стихами,
Съ твоей бесѣдовать судьбою,
Открытой предъ его глазами.

Но ужъ пророчественный гласъ
Мнѣ предсказалъ друзей разлуку,
И Рокъ въ таинственную руку
Ужъ забралъ жребіи для насъ.

Готовься жъ слушать предвѣщанья,
Страшись сей груди трепетанья
И безпорядка сихъ власовъ!
Все, все грядущее открою!
Читай,—написаны судьбою
Вотъ строки невидимыхъ словъ.

1817.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX

XX.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБѢ.

(Въ альбомѣ Илличевскому).

Что жизнь его была? Тяжелый сонъ;
Что смерть? Отъ грезъ ужасныхъ пробужденье,
Въ просонкахъ улыбнулся онъ
И снова, можетъ быть, тамъ началъ сновидѣнье.

1817.

Нерскій Зритель 1820 г., ч. I.

XXI.

КЪ ШУЛЬГИНУ.

Прощай, пріятель! Отъ поэта
Возьми на память пукъ стиховъ!
Богъ вѣсть, враждебная планета
Въ какой закинетъ уголь свѣта
Его, съ младыхъ еще годовъ
Привыкшаго изъ кабинета

Не выставлѣть своихъ очковъ?
Богъ вѣсть, увидимъ ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Какъ обнимусь тогда съ тобой!
Рука сама отыщетъ руку,
Чтобъ съ той же чистою душой—
Но, можетъ быть, испившей муку—
Схватить ее и крѣпко сжать!
Какъ дружныхъ словъ простому звуку
Мнѣ будетъ весело внимать!
Ты, можетъ быть... Но что мечтами,
Что неизвѣстнымъ мучить насъ?
Мнѣ-ль спорить дерзко со слезами,
Потечъ готовыми изъ глазъ?
Что будетъ—будетъ! Съ небесами
Нельзя намъ спорить, милый другъ!
Останься жъ съ этими стихами
До перваго пожатья рукъ.

1817.

Тр. Общ. люб. рос. слов. 1820 г., ч. XII.

XXII.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПѢСНЬ ВОСПИТАННИКОВЪ ИМПЕРА- ТОРСКАГО ЦАРКОСЕЛЬСКАГО ЛИЦЕЯ.

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Тебѣ, нашъ Царь, благодаренье!
Ты самъ насъ юныхъ съединилъ,
И въ семъ святомъ уединеньѣ
На службу музамъ посвятилъ.

Прими жъ теперь не тѣхъ веселыхъ
Безпечной радости друзей,
Но въ сердцѣ чистыхъ, въ правдѣ смѣлыхъ,
Достойныхъ благодати твоей!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

О мать, вняли мы призванью!
Кипитъ въ груди младая кровь;

Длань крѣпко съединилась съ дланью:
Связала ихъ къ тебѣ любовь.

Мы дали клятву: все родимой,
Все безъ раздѣла—кровь и трудъ!
Готовы въ бой неколебимо,
Неколебимо—въ правды судъ!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте сыны!

Благословите положившихъ
Святой отечеству обѣтъ
И съ дѣтской нѣжностью любившихъ
Васъ, други первыхъ нашихъ лѣтъ!

Мы не забудемъ наставленій,
Плодъ вашихъ опытовъ и думъ,
И мысль объ нихъ, какъ нѣкій геній,
Неопытный поддержитъ умъ.

Простимся, братья! Руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

Другъ на другѣ остановите
Вы взоръ съ прощальною слезой!
Храните, о друзья, храните,
Ту жъ дружбу съ тою же душой!

То жъ къ правдѣ пылкое стремленье,
Ту жъ ко трудамъ живую кровь!
Въ несчастѣ—гордое терпѣнье,
И въ счастьѣ—всѣмъ равно любовь!

Шесть лѣтъ промчалось, какъ мечтанье,
Въ объятыхъ сладкой тишины,
И ужъ отечества призванье
Гремитъ намъ: шествуйте, сыны!

Простимся, братья! Руку въ руку!
Обнимемся въ послѣдній разъ!
Судьба на вѣчную разлуку,
Быть можетъ, породнила насъ!

1817.

Сынъ Отечества 1817 г., № XXVI.

XXIII.

Мы весело свои кончали дни!
Что до чужихъ? Пускай летятъ они,
Въ двухъ сторонахъ экваторъ разсѣкая!
Но мы бѣ, друзей подѣ вечеръ оставляя,
Фортуны вслѣдъ не думали бѣжать.

1817.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XXIV.

И. И. ПУЩИНУ

(Въ альбомѣ).

Прочтя сіи набросанныя строки
Съ небрежностью на памятномъ листкѣ,
Какъ не узнать поэта по рукѣ?
Какъ первые не вспомнать уроки,
И не сказать при дружескомъ столѣ:
Друзья, у насъ есть другъ и въ Хоролѣ!

1817.

Украинскій Вѣстникъ 1817 г., августъ.

XXV.

КЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Я рѣдко пѣлъ, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царскій садъ, тебя ль забуду я?
Гвоей красой волшебной оживлялась
Проказница фантазія моя,
И со струной струна перекликалась,
Въ согласный звонъ сливаясь подѣ рукой, —
И вы, друзья, любили голосъ мой.

Вамъ пѣсни даръ отъ сельскаго поэта!
Любите ихъ за то хоть, что мои.
Богъ вѣсть, куда умчитесь въ шумѣ свѣта
Всѣ вы, друзья, всѣ радости мои!
И, можетъ быть, мечты моей Лилета
Тамъ будетъ мнѣ мученіемъ любви;
А даръ пѣвца, лишь вамъ въ пустынь милый,
Какъ василекъ, не доцвѣтетъ унылый!

1817.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XXVI.

А. С. ПУШКИНУ.

(Изъ Малороссіи).

А я ужель забыть тобою,
Мой братъ по музѣ, мой Орестъ?
Или нельзя снестись мечтою
До тѣхъ обѣтованныхъ мѣстъ,
Гдѣ я зовуся «чернобривымъ»,
Гдѣ дѣвы, климатомъ счастливымъ
Воспитанныя въ простотѣ
(Посмѣйся мнѣ), не уступаютъ
Столичнымъ дамамъ въ красотѣ;
Гдѣ взоры ихъ мнѣ обѣщаютъ
Одну веселую любовь;
Гдѣ для того лишь измѣняютъ,
Чтобы плѣнить собою вновь?
Какъ ихъ винить? Сама природа
Ихъ баловница на поляхъ:
Безпечныхъ мотыльковъ свобода,
Разнообразіе въ цвѣтахъ
И прелесть голубого свода,
Въ спокойныхъ влитаго водахъ,
Лежащихъ въ шумныхъ камышахъ,
И яблонь тихая прохлада,
И лунныхъ таинство ночей,
Когда любовникъ въ мракѣ сада
Ждетъ умирающихъ огней,
Когда душа его томится
И ожиданьемъ, и тоской
И даже вѣтерка страшится
И свиста иволги лѣсной, —
Все манитъ здѣсь къ измѣнамъ, къ нѣгѣ,
Все здѣсь твердитъ: «Чета любви!
«Любовь летитъ, — лови, лови!»

Но въ тряской скачущей телѣгѣ,
Мой другъ, свободно-ли мечтать?
И только мысль: тебя обнять,
Съ тобой дѣлить вино, мечтанья
И о быломъ воспоминанья, —
Меня въ ней можетъ утѣшать...

1817.

Благонамѣренный 1818 г., ч. II.

XXVII.

Э Л Е Г И Я.

(Къ Яхонтову).

Немилѣ мнѣ на новосельѣ.
Здѣсь все увяло, тамъ цвѣло.
Одно и есть мое веселье —
Увидѣть Царское Село!
Цвѣтку милѣй своя поляна
(Тамъ зналъ онъ радости однѣ!),
Чѣмъ яркіе края стакана,
Гдѣ бѣдный вянетъ на окнѣ.
И пусть, при свѣтлой тишинѣ
Небесъ проснувшихся, Свѣтлана
Не налюбуется цвѣткомъ
Въ высокомъ теремѣ своемъ;
Пусть окропитъ его слезою
И будетъ нѣжно прижимать
Къ груди, не скрытой подъ фатою,
Моля его не увядать!...
Увянетъ! — Я жъ скажу прекрасной:
«Что слезы? Сожалѣть напрасно!
«Не нужно было бы срывать!»

1817.

Невскій Зритель 1820 г., ч. I.

XXVIII.

КЪ ИЛИЧЕВСКОМУ.

(Въ Сибирь).

Я благодатности труда
Еще, мой другъ, не постигаю!
Лѣниться, говорить, бѣда,
А я въ бѣдѣ сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чемъ заботился вчера.
Мнѣ иногда твердятъ: «Пора
«Сдавить стихи твои станками:
«Они раскупятся друзьями,
«Друзья имъ прокричатъ: ура!
«Веселые за полной чашей.
«Тогда, сударь, отъ славы вашей,
«Или отъ вашего вина,

«Заговорить вся сторона
«Отъ Бельта до Сибири скучной,
«Куда съ запиской своеручной
«Пошлете другу толстый томъ».
Все хорошо, но я не въ томъ
Свое блаженство полагаю:
За стихъ не ссорюся съ умомъ,
А риѣму къ риѣмъ приплетаю,
Лѣниво глядя за перомъ.
Напишетъ мнѣ—я прочитаю;
Я прочитаю и друзьямъ:
Люблю внимать ихъ похваламъ,
Когда ихъ похвалы достоинъ.
Но я слыхалъ: худой тотъ воинъ,
Кто быть не думаетъ вождемъ!
Такъ думалъ я. Межъ тѣмъ, перомъ
Мѣшая истину съ мечтами,
Почти забылъ, что мы съ тобой
Привыкли говорить сердцами;
Забылъ, что другъ далекій мой,
Прочтя мою систему лѣни,
Но неизвѣстный о друзьяхъ,
По почтѣ мнѣ отправить пени
На мѣсто нѣжныхъ увѣреній;
Что онъ и въ дальнихъ тѣхъ странахъ
Своихъ друзей не забываетъ,
Гдѣ міръ, дряхлѣющій во льдахъ,
Красою дикой поражаетъ;
Что, какъ мелькнувшая весна
Тамъ оживляетъ все творенье,
Такъ о друзьяхъ мечта одна
Его приводитъ въ восхищенье,
Его уноситъ въ свѣтлый край
Златыхъ надеждъ, воспоминаній,
Гдѣ нѣтъ заботъ, гдѣ нѣтъ страданій
И слова грознаго: прощай!
Будь счастливъ, другъ! Не забывай
Веселыхъ дней очарованья
И рѣзвыхъ спутниковъ твоихъ!
Вотъ непритворное желанье
Далекому отъ круга ихъ,
Отъ круга радости веселой,
Гдѣ дружба насъ и сынъ Семелы
Привыкли часто собирать;

Гдѣ можно всѣ заботы свѣта
Съ мундиромъ, съ фракомъ скидавать,
Безъ лести похвалить поэта —
И обо всемъ потолковать.

1817.

Благонамѣренный 1818 г., ч. IV.

XXIX.

КЪ ЕВГЕНІЮ.

За то ль, Евгений, я—Горацій,
Что, пьяный, въ миртовомъ вѣнкѣ
Пою вино, любовь и грацій,
Какъ онъ отъ шума вдалекѣ,
И что друзей люблю старинныхъ
И игрищъ вѣтры молодыхъ?..

Нѣтъ! лиру высоко настроя,
Не въ силахъ съ музою моею
Я славить бранный лавръ героя,
Иль мирныя дѣла судей:
Мнѣ крыльевъ не дано орлиныхъ
Съ отверстымъ поприщемъ для нихъ!

Къ тому жъ напрасно муза ищетъ
Теперь героевъ и судей,
Домой бичемъ отважно хлещетъ
По стройному хребту коней,
А Критъ въ объятіяхъ Цирцеи
Съ завялою душою спитъ.

Кого жъ мнѣ до вершинъ Парнаса,
Возвыся громкій гласъ, вознестъ?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смѣхъ въ безсмертныхъ произвестъ?
Вѣрнѣе въ храмѣ Цитереи,
Гдѣ сынъ ея намъ всѣмъ грозитъ,

Благоуханной головою
Поникнувъ, Лидіи молодой
Пріятно нѣжить слухъ игрою,
Воспѣть безпечность и покой,
И сладострастія томленья,
И пламенный восторгъ любви;

Покинуть гордыя желанья,
Въ вѣнокъ свой лавровъ не вплетать
И въ часъ веселаго мечтанья
Тихонько Флакку подражать
Въ наукѣ дивной наслажденья
И съ нимъ забавы пѣть свои.

1819.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XXX.

УТѢШЕНІЕ БѢДНАГО ПОЭТА.

Славы громкой въ ожиданьи
Много я терплю,
Но стиховъ моихъ собранье
Все хранить люблю.

Мнѣ шепнули сновидѣнья;
«Закажи ларецъ,
«Спрячь въ него свои творенья,
«Ихъ залей въ свинецъ:

«Пусть лежать—чрезъ многи лѣта,
«Знай, придетъ пора,
«И четыре факультета
«Имъ вскричатъ: ура!»

Жду и вѣрю въ исполненье:
Пролетятъ вѣка,
И падетъ на ихъ творенье
Времени рука.

Пышный городъ опустѣетъ,
Гдѣ я былъ забвенъ,
И трава зазеленѣетъ
Межъ упавшихъ стѣнъ.

Суевѣріе духами
Башни населить
И съ упавшими дворцами
Вѣтръ заговорить.

И покинетъ вдохновенье
Здѣшній храмъ наукъ,
И стихи мои въ забвеньи
Мой оставитъ внукъ.

Но напрасно сожалѣнье:
Здѣсь всему чередъ:
У лапландцевъ просвѣщенье
Въ срочный часъ блеснетъ.

Къ намъ ученые толпою
Съ полюса придутъ
И счастливою рукою
Мой ларецъ найдутъ.

Въ Аѳинѣхъ, осторожно
Свитокъ разверня,
Весь прочтутъ—и сколь возможно
Вознесутъ меня.

Вотъ «Діонъ» — о! самъ Горацій
Подражалъ ему!
А «Лилета» — дѣло грацій,
Образецъ уму.

Сколько преній появится:
Гдѣ, когда я жилъ?
Былъ ли слѣпъ, иль мнѣ родиться
Зрячимъ Богъ судилъ?

Кто былъ Лидій? Гдѣ Темира
Съ Дафною цвѣла?
Изъ чего и даже лира
Сдѣлана была?

Словомъ, я отъ нихъ узнаю,
Сидя въ облакахъ,
То, чего не прочитаю
Въ Штиллинга мечтахъ.

Други, други! обнимите
Съ радости меня!
Вы жъ, зоилы, трепещите!
Помните, кто я!

1819.

Тр. Общ. люб. рос. слов. 1819 г., ч. VIII.

XXXI.

ВЪ ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНЬЯ.

Съ годомъ двадцать мнѣ прошло!
Я пирую, други, съ вами,
И шампанское въ стекло
Льется пѣнными струями.
Дай намъ, благостный Зевесъ,
Встрѣтить новый вѣкъ съ бокаломъ!
О, тогда съ земли безъ слезъ,
Смерти мирнымъ покрываломъ
Завернувшись, мы уйдемъ
И, за мрачными берегами
Встрѣтятся съ милыми тѣнями,
Тѣнь Аи себѣ нальемъ!

1819.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XXXII.

ЭКСПРОМПТЪ.

Прохожій! здѣсь лежитъ философъ-человѣкъ:
Онъ проспалъ цѣлый вѣкъ.

1819.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XXXIII.

РОМАНСЪ.

«Дѣдушка», дѣвицы
Разъ мнѣ говорили,
«Нѣтъ ли небылицы,
«Иль старинной были?»

— «Какъ не быть!» уныло
Краснымъ отвѣчалъ я,
«Сердце васъ любило,
«Такъ чего не зналъ я!

«Было время! Гдѣ вы,
«Годы золотые?
«Какъ плѣняли дѣвы
«Въ ваши дни были!»

«Ужъ онѣ—старушки;
«Но отъ нихъ, порою,
«Много на подушки
«Слезъ пролито мною.

«Душу волновали
«Ихъ уста и очи,
«По огню бѣжали
«Дни мои и ночи.»

«Дѣдушка!» толпою
«Дѣвицы вскричали,
«Жаль намъ, а тобою
«Бабушки играли!

«Какъ не стыдно! Злая,
«Вотъ надъ кѣмъ шутили!
«Нѣтъ, мы не такія:
«Мы бѣ тебя любили!»

— «Вы бѣ любили? Сказки!
«Вѣры мнѣ нейметя,
«И на ваши ласки
«Дѣдушка смѣется».

1820

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1820 г., ч. XII.—Подснѣжникъ 1829 г.

XXXIV.

КЪ МАЛЬЧИКУ.

Мальчикъ, солнце встрѣтить должно
Съ торжествомъ въ концѣ пировъ!
Принеси же осторожно
И скорѣй изъ погребовъ
Въ кубкахъ длинныхъ и тяжелыхъ,
Какъ любила старина,
Нашихъ прадѣдовъ веселыхъ
Пережившаго вина.

Не забудь края златые
Плющемъ, розами увить!
Весело въ года сѣдые
Чашей молодости пить;

Весело — хоть на мгновенье,
Бахусомъ наполнивъ грудь,
Обмануть воображенье —
И въ былое заглянуть!

1820.

Благонамѣренный, ч. V.

XXXV.

КЪ Т — ОЙ.

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жилъ и видѣлъ только васъ,
И вальса въ бѣшеномъ круженьи
Завидовалъ свободѣ дерзкихъ глазъ?
Я весь тогда желалъ оборотиться въ зрѣнье,
Я умолялъ: «Постой, веселое мгновенье!
«Вели, чтобъ быстрый вальсъ вертѣлся, не вертясь,
«Чтобъ я не опускалъ съ прекрасной вѣчно глазъ,
«И чтобъ забвеніе крыломъ покрыло насъ!»

1820.

Невскій Зритель, 1820 г., ч. I.

XXXVI.

КЪ АМУРУ.

(Изъ Геснера).

Еще въ началѣ мая
Тебѣ, Амуръ жестокій,
Я жертвенникъ поставилъ
Въ домашнемъ огородѣ!
И розами, и миртомъ
Обвилъ его, украсилъ...
Не каждое ли утро
Съ тѣхъ поръ вѣнокъ душистый
Носилъ тебѣ, какъ жертву?
А было все напрасно!
Ужъ сыплются мятели
По обнаженнымъ вѣтвямъ, —
Она жъ ко мнѣ сурова,
Какъ и въ началѣ мая.

1820.

Тр. Общ. люб. рос. слов. 1820 г., ч. XII.

XXXVII.

ВИДѢНІЕ.

(В. К. Кюхельбекеру).

Въ священной рощѣ я видѣлъ прелестную
Въ одеждѣ бѣлой и съ бѣлою розою
На нѣжныхъ персяхъ, дыханьемъ легкимъ
Колеблемыхъ;

Вѣнокъ увядшій, свирѣль семиствольная
И посохъ — дѣву являли пастушкою;
Она сидѣла предъ урною, из-
ливающей

Источникъ свѣтлый, Дріадъ омовеніе;
По плечамъ кудри, свиваяся, падали.
«Кто ты?» я думалъ, «откуда, гостя
«Небесная?

«Не ты ли — Радость, любимица Зевсова?
«Но ты уныла!... Не ты ли — Фантазія,
«Подруга грацій и музъ, о небѣ
«Поющая?

«Иль, можетъ, — призракъ, душа, отлученная
«Отъ нашей жизни, въ послѣднее слушаешь
«И шопоть листьевъ, и плескъ, и лепетъ
«Источника?»

Но взоръ желанья, на волны потупленный,
Но вѣра въ счастье, безпечность невинности
Въ простыхъ движеньяхъ, въ лицѣ являясь,
Прелестную

Моею звали сестрой по созданію.
Вдали за рощей — и дѣвы, и юноши
Хвалили Вакха и въ хороводахъ
Кружилися;

Сатиры, фавны, въ порывахъ неистовыхъ,
Дѣлили съ ними земныя веселія
И часто, въ рощу вбѣжавъ, надъ дѣвой
Смѣялися!

Она въ молчаньи фіалки и лиліи
Въ вѣнокъ вплетала... О, други, повѣрите ль?
Какое чудо въ очахъ поэта
Свершилося!

Еще восторги во мнѣ не потухнули;
Священный ужасъ томить меня, волосы
Дрожать, я слышу, — глаза не видятъ,
Недвижные.

Вотще манила толпа, упоенная
И нѣгой страсти, и жизнью младости,
Во храмъ роскошный златой Киприды
Невинную:

Она молчала, не зрѣла, не слушала!
Вдругъ ужасъ, смертнымъ доселѣ невѣдомый,
Погналъ отъ рощи не посвященныхъ,
И амброю

Древадохнули, запѣли пернатые,
Источникъ стихнулъ, и все обновилось,
Все отозвалось мнѣ первымъ утромъ
Созданія:

Прекраснымъ мигомъ рожденья Кипридина
Изъ нѣдръ Ѡеиды; Олимпомъ ликующимъ,
Когда съ улыбкой Зевесъ внимаетъ
Гармоніи.

И ждалъ я чуда въ священномъ безмолвіи!
Вдругъ дѣва съ крикомъ веселья воспрянула;
Лазурный облакъ, надъ нею разстлавшись,
Заискрился,

Одежда яркимъ сіяньемъ осыпалась,
Къ плечамъ прильнули крылы мотыльковыя,
И Эросъ *) принялъ ее въ объятья
Безсмертныя!

Все небо плескомъ созданья откликнулось
Міры и солнца въ гармоніи поплыли,
И всѣ познали Хаосъ улыбкой
Разгнавшаго,

*) Эросъ — любовь, первый и древнѣйшій богъ греческой мифологіи, создатель вселенной, не имѣющій начала и отецъ всѣхъ боговъ. Мы встрѣчаемъ въ стихотворцахъ, и особенно въ философахъ Александрійской школы, другого еще Эроса, сына, а иногда брата Венеры-Ураніи, бога чистой любви, котораго не должно смѣшивать съ Купидономъ, греческимъ Пріапомъ, извѣстнымъ изъ твореній новѣйшихъ поэтовъ подъ названіемъ Амура, Эрота и Циерепора. Здѣсь оба божества слиты въ одно, какъ то часто случается у поэтовъ греческихъ, напримѣръ, Геліосъ и Аполлонъ, Немезида и Венера, Немезида и Діана — нерѣдко означаютъ разныхъ, нерѣдко однихъ и тѣхъ-же боговъ и богинь.

Любовь, связь міра, дыханье безсмертія,
Тебя познали, начала не знающій.
О Эросъ! счастье, воздатель чистой
Невинности,

Ты видѣлъ въ юной любовь непорочную,
Желанье неба восторговъ безоблачныхъ,
Души, достойной дѣлиться съ нею
Веселіемъ,

И тщетно взоромъ искалъ между смертными
Ты ей по сердцу и брата, и равнаго!
Вотще для неба цвѣтетъ въ сей жизни
Небесное!

Метатель грома здѣсь сѣетъ высокое,
Святое — музы; ты жъ, дивной улыбкою
Міры создавшій, — красу, невинность
И радости!

Лишь ты — небесный супругъ непорочности!
Съ тобою слявшись, она, упоенная,
Въ эфиръ скрылась... Тебя я славлю,
Божественный!

1820.

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1820 г., ч. IX.

XXXVIII.

КУПИДОНУ

(Надпись къ статуѣ).

Сидя на лвъѣ, купидонъ будилъ радость могучею лирой,
И африканскій лвъ тихо подъ нимъ выступалъ.
Ихъ ваятель узрѣлъ, ударилъ о камень — и камень
Генія сильной рукой въ образъ ихъ задышалъ.

1820.

Невскій Зритель 1820 г., ч. I.

XXXIX.

ДИΘИРАМБЪ.

Други, пусть года несутся!
О годахъ намъ не тужить!
Не всегда и грозды вьются, —
Такъ скорѣй и пить, и жить!

Громкій смѣхъ надъ докторами,
При плесканьи полныхъ чашъ!
Вѣрьте мнѣ: Игея съ нами,
Самъ Ліэй — цѣлитель нашъ!

Свѣтлый Мозель — восхищенье
Изливаетъ въ нашу кровь.
Пейте жъ съ нимъ вы мукъ забвенье
И болтливую любовь!

Выпили? Еще! Веселье
Пышетъ розой по щекамъ,
И безпечное похмѣлье
Ужъ манить Эрота къ намъ!

1820.

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1820 г., ч. XII.

XL.

ЕВГЕНІЮ.

Помнишь, Евгеній, ту шумную ночь (и она улетѣла),
Когда мы съ Амуромъ и Вакхомъ
Тихо, но смѣло прокралися въ теремъ Лилеты? И что же?
Безсмертные намъ измѣнили!

Къ чашѣ! Герои Амура виномъ запиваютъ побѣды.
Мы молоды; юность, какъ роза,
Мигомъ плѣвнать и увянетъ! А радость? Она Филомела
Прелестная! Только въ дни розы,

Только въ дни юности намъ попоетъ сладкозвучныя пѣсни
И вспорхнетъ! За крылья златую
Ты опутай летунью цвѣточною цѣпью; ты амброй
Окуривай перья и кудри...

.

И съ рѣзвою пой и кружися!
Будемъ стары и мы; браня тогда вѣтренность внука,
Украдкой вздохнемъ и другъ другу

Сладко напомнимъ, сѣдые, о нашихъ любовныхъ проказахъ...
Измѣну Лилеты, въ досадѣ
Нами разбитыя вазы и Аргусовъ дикую стаю!
Но кто на героевъ Амура?

Дерзкіе пали, дверь отскочила, и мы отступили,
Хвалясь и побѣдой, и мщеньемъ.
«Другъ, все прошло», ты шепнешь, «но при насъ еще дружба
и Бахусъ.

«Дай руку и вспѣнимъ фіалы!»

1820.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XLI.

ЭПИГРАММА РЕЦЕНЗЕНТУ ПОЭМЫ «РУСЛАНЪ
И ЛЮДМИЛА».

Хоть надъ поэмою и долго ты корпишь,
Красотъ ей не придашь и не умалишь;
Браня — всѣмъ кажется, ее ты хвалишь,
Хваля — ее бранишь.

1820.

Сынъ Отечества, 1820 г., ч. LXIV.

XLII.

РАЗГОВОРЪ СЪ ГЕНИЕМЪ.

Кто ты, свѣтлый сынъ небесъ,
Златокудрый, быстрокрылый?
Кто тебя въ сей дикій лѣсъ,
Сей скалы въ вертепъ унылый,
Подъ обросшій мхами сводъ,
Къ безднѣ, гдѣ съ рожденья міра
Съ горъ до дна потокъ реветъ,
Приманилъ отъ странъ ээира?

Что твой пламенникъ погасъ?
Что твой образъ омрачился?
Что жемчугъ скорбящихъ глазъ
На щекахъ засеребрился?
Почему твое чело
Потемнѣло, развѣнчалось?
Или быстрое крыло
Отъ паренья отказалось?

Не найдешь и на земли
Ты веселое жилище:
Тамъ, гдѣ розы разцвѣли,
Тамъ родное пепелище;

Тамъ страна, гдѣ я разцвѣлъ,
Гдѣ, баюканный мечтою,
Я любовь и радость пѣлъ —
Побѣжимъ туда со мною.

Я — не богъ и въ сихъ мѣстахъ,
Посвященныхъ опустѣнью,
Чувствую холодный страхъ,
Содрогаюсь біенью
Сердца робкаго въ груди;
Здѣсь я какъ-то заблудился.
Добрый богъ! Со мной пойдѣ
Въ тѣ мѣста, гдѣ я родился.

«Юноша! ужъ отцвѣли
«Для тебя младая розы,
«Изъ родной твоей страны
«Ждутъ тебя о прежнемъ слезы;
«Колыбель твою качать
«Тамъ любовь не престакала;
«Но не жди, чтобъ нѣжна мать
«О тебѣ въ слезахъ мечтала;»

«Чтобъ младенца слово «братъ»
«Тайно лепетать учила,
«Чѣмъ отца внезапный взглядъ
«Прояснила бѣ, ослезила;
«Ты увидишь хороводъ
«И веселый, и невинный, —
«Не сестра его ведетъ
«Подлѣ хижины пустынной.»

«Рокъ привелъ къ чужой странѣ
«Челнъ съ твоей семьей родимой;
«Можетъ, горести однѣ
«Примутъ въ пристань ихъ незримо:
«Можетъ... Но ты обоймешь, —
«Вѣрь надеждъ во исполненье, —
«Мать, отца — всѣхъ, кѣмъ живешь,
«Съ кѣмъ и муки — наслажденье.»

«Но меня ужели ты
«Не узнаешь? Я — твой геній!
«Я училъ тебя — мечты
«Напѣвать въ домашней сѣни:

«Сколько смертныхъ, — столько насъ;
«Мы, посланники Зевеса,
«Охраняемъ, любимъ васъ
«Отъ пелень до вратъ Айдеса.»

«Но, скажи, ужель судьбѣ
«Намъ покорствовать не больно?
«Не привязанный къ тебѣ,
«Я бѣ, какъ неба житель вольный,
«Полетѣлъ къ родной странѣ,
«Къ нимъ — къ товарищамъ рожденья —
«Съ кѣмъ въ священной тишинѣ
«Я вздохнулъ для наслажденья.»

«Вамъ страдать-ли болѣ насъ?
«Вы незнаніемъ блаженны:
«Часто бездна видитъ васъ
«На краю, а напѣненный
«Съ крикомъ радости фіалъ
«Обѣгаетъ кругъ веселый;
«Часто Геній вашъ рыдалъ,
«А коварный сынъ Семелы,»

«Съ купидономъ согласясь,
«Вель, наставленный судьбою,
«Васъ, играя и смѣясь,
«Къ мрачной гибели толпою.
«Будемъ тверды! перейдемъ
«Путь тяжелыхъ испытаній!
«Вѣрь, — когда-нибудь найдемъ
«Мы покой съ концомъ страданій».

1820.

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1820 г., ч. X.

XLIII.

О Т В Ѣ Т Ъ.

(П. А. Плетневу).

Зачѣмъ на меня ты и глупость и злобу,

Плетневъ, вызываешь нескромной хвалой?

Къ чему величаешь любовью безсмертныхъ

Простого пѣвца?

Такъ! Были мгновенья ниспосланы Фебомъ:

Я плавалъ въ восторгахъ, я небомъ дышалъ!
Я пѣлъ, и мнѣ хоромъ, веселые, вторить
Любили друзья.

Я пѣлъ; но въ то время роскошная младость
Мнѣ жизнь озаряла волшебнымъ лучемъ —
Я вѣровалъ въ счастье, я жаждалъ любви,
Я славой горѣлъ!

И опытъ суровый смирилъ обольщенья,
Мой взоръ прояснился; но скрылись мечты,
За ними и счастье, и прелесть любви,
И славы призракъ.

Какъ слушалъ Лаэртидъ, привязанный къ мачтѣ,
Волшебныя пѣсни скилійскихъ сиренъ
И тщетно къ нимъ рвался — упрямые верви
Держали его, —

Такъ я, твоей лирой печально плѣняясь,
Вотще порываюсь къ святымъ высотамъ,
Знакомымъ бывало, и въ робкія струны
Напрасно звучу;

Напрасно у неба прошу вдохновеній:
Мнѣ путь на родную страну возбраненъ,
И гласъ мой подобенъ унылому гласу
Жестокимъ стрѣлкомъ

Подстрѣленной птицы, когда завываютъ
Осенніе вѣтры, и къ теплымъ странамъ
Веселою стаей при кликахъ несутся
Подруги ея.

1820.

Сѣверные Цвѣты на 1828 годъ.

XLIV.

ВЪ АЛЬБОМѢ БАРАТЫНСКОМУ.

У насъ, у небольшихъ пѣвцовъ,
Рука и сердце въ вѣчной ссорѣ:
Одно тебѣ, безъ дальнихъ словъ,
Давно бы нѣсколько стиховъ
Сердечныхъ молвило, на горе
Моихъ воинственныхъ враговъ;

Другая жъ лѣто все чертила
Въ стихахъ тяжелыхъ вялый вздоръ,
А между тѣмъ—и воды съ горъ,
И изъ чернильницы чернила
Рокъ увлекалъ съ толпой часовъ.
О, твой альбомъ — очарователь!
Съ нимъ замечтаться я готовъ.
Въ теченьи сколькихъ вечеровъ
Онъ, какъ старинный мой пріятель,
Мнѣ о быломъ воспоминалъ!
Съ нимъ о тебѣ я толковалъ,
Его любезный обладатель!
И на листкахъ его встрѣчалъ
Черты людей, тобой любимыхъ
И у тебя въ душѣ хранимыхъ
По добротѣ, по ласкамъ ихъ
И образованному чувству
Къ свободно-сладкому искусству
Сестеръ безсмертно-молодыхъ!

1821.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XLV.

МУЗАМЪ.

Съ благоговѣйною душой
Поэтъ, упавши на колѣны,
И оиміомъ, и мольбой
Васъ призываетъ, о Камены,
Въ свой домикъ низкій и простой!

Придите, дѣвы, воскресить
Въ немъ прежній пламень вдохновеній
И лиру къ звукамъ пробудить:
Другъ вашъ и другъ его Евгеній
Да будутъ гласъ ея хвалить.

Когда жъ весна до вѣчныхъ льдовъ
Прогонитъ вьюги и морозы,
На вашъ алтарь—красу цвѣтовъ —
Положить первыя онъ розы
При пѣньи радостныхъ стиховъ.

1821.

Новости литературы 1825 г., кн. XI.

XLVI.

ЭПИТАФИЯ.

Завидуйте моей судьбѣ!
Меня счастливы не искали:
Я — вѣкъ не думалъ о себѣ,
А не видалъ въ глаза печали.

1821.

Тр. Общ. люб. росс. слов. 1821 г., ч. XIII.

XLVII.

КЪ Е. БАРАТЫНСКОМУ.

Ты въ Петербургѣ, ты со мной,
Въ объятяхъ друга и поэта!
Опять прошедшаго мы лѣта,
О трубадуръ веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять насъ вѣтвями покрыли
Густыя рощи острововъ,
И приняла на шумны волны
Нева и братьевъ и пѣвцовъ;
Опять веселья, жизни полный,
Я счастливъ радостью друзей,
Земли и неба житель вольный
И тихой жизни довольный,
Съ безпечной музою моей
Друзьямъ пою любовь, похмѣлье
И хлопотливое бездѣлье
Удалыхъ рыцарей стола,
За коимъ шалость и веселье,
Подъ звонъ блестящаго стекла,
Поютъ, бокалы осушаютъ
И громкимъ смѣхомъ заглушаютъ
Часовъ однообразный бой.
Часы бѣгутъ своей чредой!
Удѣлъ глупца иль Гераклита,
Безумно воя, ихъ считать.
Смѣшно бы, кажется, кричатъ
(Когда златымъ виномъ налита
Обходитъ чаша вокругъ столовъ,
И свѣжимъ запахомъ плодовъ
Насъ манятъ полныя корзины),—

Что все у бабушки-судьбины
Въ сей краткой жизни на счету;
Что старая — то наслаждение,
То въ списокъ вычеркнетъ мечту,
Прогонить радость, огорчение
Шлетъ съ скукой и болѣзнию намъ,
Поссорить, разлучить насъ съ милой;
Перенесемъ — глядишь, а тамъ
Она грозитъ намъ и могилой.
Пусть плачутъ и томятъ себя,
Часовъ считаютъ бой унылый!
Мы жъ время измѣрять, друзья,
По налитымъ бокаламъ станемъ:
Когда вамъ пѣть престану я,
Когда мы пить вино устанемъ,
Да и его ужъ не найдемъ,
Тогда на утро мелькомъ взглянемъ
И спать до вечера пойдёмъ.
О, твой пѣвецъ не ищетъ славы, —
Онъ счастья ищетъ въ жизни сей;
Свою любовь, свои забавы
Поетъ для избранныхъ друзей
И никому не подражаетъ.
Пускай Орестовъ увѣряетъ,
Нашъ антикварій, нашъ мудрецъ,
Почерпнувшій свои познанья
Въ мадамъ Жанлисъ, что твой пѣвецъ
И спитъ, и пьетъ изъ подражанья;
Пусть житель Острова, гдѣ вамъ,
О музы вѣчно-молодая,
Желая счастья сынамъ
Ввѣряетъ юношей Россія, —
Пусть онъ съ священныхъ сихъ береговъ
Невѣжа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносить къ вамъ любовь:
Для нихъ я не потрачу словъ!
Клянусь надеждами моими,
Я оцѣнилъ сихъ мудрецовъ
И, еслибъ я былъ равенъ съ ними,
То горько бъ укорялъ боговъ.

1821.

Современникъ 1853 г., т. XXXIX.

XLVIII.

ДИΘИРАМБЪ.

(На прїѣздъ трехъ друзей)

О радость, о радость! Я жизнью бывалою
Снова дышу!

Трепещетъ лира:
Въ струнахъ позабытыхъ
Я звуковъ согласныхъ,
Я звуковъ живительныхъ
Въ восторгъ ищу!

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертна.
Други, ко мнѣ!

Опять доступенъ
Я смѣхамъ и пѣснямъ,
И чашѣ, вѣнчанной
Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поѣтову
Съ дальнихъ сторонъ:

Отъ Финновъ блѣдныхъ,
Ледяноволосыхъ,
Отъ Рейна-старца;
Отъ моря сыпучаго
Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!

За мной ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

1821.

Сѣверные Цвѣты на 1827 г.

XLIX.

РОМАНСЪ.

«Сегодня я съ вами пирую, друзья, —
«Веселье намъ пѣсни заводитъ, —
«А завтра, быть можетъ, тамъ буду и я,
«Откуда никто не приходитъ!»

Я такъ беззаботнымъ друзьямъ говорилъ
Давно, — но отъ самаго дѣтства
Печаль въ безпокойномъ я сердцѣ таилъ —
Предвѣстиемъ грядущаго бѣдства.

Друзья мнѣ смѣялись и, свѣжій вѣнецъ
На кудри мои надѣвая:
«Стыдись, восклицали, мечтатель-пѣвецъ!
Измѣнить ли жизнь молодая?»

Война запылала; къ роднымъ знаменамъ
Друзья, какъ на пиръ, полетѣли;
Я съ ними — но жребьи, враждебные намъ,
Мнѣ съ ними разстаться велѣли.

Въ бездѣйствіи тяжкомъ я думой слѣдилъ
Ихъ битвы, предтечи побѣды;
Ихъ славою часто я первый живилъ
Родителей грустныхъ бесѣды.

Года пролетали, я часто въ слезахъ
Былъ черной повязкой украшенъ...
Брань стихла, гдѣ жъ други?—Лежать на поляхъ,
Близъ ими разрушенныхъ башенъ.

Съ тѣхъ поръ я печально сажу на пирахъ,
Гдѣ все мнѣ твердитъ про бывшее;
Дрожить моя чаша въ ослабшихъ рукахъ:
Мнѣ тяжело веселье чужое!

1822.

Новости Литературы 1822 г., кн. I.

L.

ВДОХНОВЕНІЕ.

Сонетъ.

Не часто къ намъ слетаетъ вдохновенье,
И краткій мигъ въ душѣ оно горитъ;
Но этотъ мигъ любимецъ музъ цѣнитъ,
Какъ мученикъ—съ землею разлученье.

Въ друзьяхъ—обманъ, въ любви—разувѣренье
И ядъ во всемъ, чѣмъ сердце дорожитъ,
Забыты имъ: восторженный пѣитъ
Ужъ прочиталъ свое предназначенье.

И презрѣнный, гонимый отъ людей,
Блуждающій одинъ подъ небесами,
Онъ говоритъ съ грядущими вѣками,

Онъ ставить честь превыше всѣхъ частей,
Онъ клеветѣ мститъ славою своею
И дѣлится безсмертіемъ съ богами!

1822.

Полярная Звѣзда 1823 г. — Новости литературы 1824 г., кн. VII.

LI.

НА СМЕРТЬ ***.

Сельская элегія.

Я зналъ ее: она была душою
Прелестнѣй своего прекраснаго лица.
Умомъ живымъ, мечтательной тоскою,
Какъ бы предчувствіемъ столь ранняго конца;
Любовію къ роднымъ и къ намъ желаньемъ счастья:
Всѣмъ милая,—она несчастлива была,
И какъ весенній цвѣтъ, расцвѣтшій въ дни ненастья,
Она внезапно отцвѣла.

И кто жь?—Любовь ей сердце отравила!
Она невѣрнаго пришельца полюбила.
На мигъ ея плѣняя красотой,
Онъ кинулся въ объятія другой
И навсегда ушелъ изъ нашего селенья.
Что, что ужаснѣе любви безъ раздѣленья,
Простой, довѣрчивой любви!

Несчастливая въ душѣ страданія свои
Сокрыла, ихъ самой сестрѣ не повѣряла;
И грусть безмолвная и жаждущая слезъ,
Какъ червь цвѣточный, поѣдала
Ея красу и цвѣтъ ланитныхъ розъ!
Какъ часто гробъ она отцовскій посѣщала!
Какъ часто, видѣлъ я, она сидѣла тамъ
Съ улыбкой, безъ слезы роптанья на рѣсницѣ,
Какъ возсѣдитъ Терпѣнье на гробницѣ
И улыбается бѣдамъ.

1822.

Полярная Звѣзда 1823 г.

LI.

ДОМИКЪ.

За далью туманной,
За дикой горой,
Стоить надъ рѣкой
Мой домикъ простой.
Для знати жеманной
Онъ замкнуть ключомъ;
Но горенку въ немъ
Отвелъ я веселью,
Мечтамъ и бездѣлю.
Они берегутъ
Мой скромный пріютъ.
Дана имъ свобода—
Въ кустахъ огорода,
На злакѣ луговъ,
И древнихъ дубовъ
Въ тѣни молчаливой,
Гдѣ струйкой игривой,
Сверкая, бѣжитъ,
Бѣжитъ и журчитъ
Ручей пограничный—
Съ заботой привычной
Порхать и летать
И пѣсню сладкой
Въ мой домикъ украдкой
Друзей прикликать.

1822.

Труды Общ. люб. росс. слов. 1822 г., ч. XVIII.

LII.

РОМАНСЪ.

Одинокъ мѣсяцъ плылъ, зыбляся въ туманѣ;
Одинокъ воздыхалъ витязь на курганѣ.

Свѣжихъ травъ не щипалъ конь его унылой;
«Конь мой, конь, вѣрный конь, понесемся къ милой!

«Не къ добру грудь моя тяжело воздыхаетъ,
«Не къ добру сердце мнѣ что-то предвѣщаетъ;

«Не къ добру безъ ѣды ты стоишь унылой!
«Конь мой, конь, вѣрный конь понесемъ къ милой!»

Конь вздрогнулъ, и сильнѣй витязь возмутился,
Въ милый край, въ страшный край, какъ стрѣла, пустился.

Ночь прошла, все свѣтло: виденъ храмъ съ дубровой:
Конь заржалъ, конь взвился—надъ могилой новой.

1822.

Новости литературы 1822, кн. II.—Сѣверные Цвѣты на 1829 г.

LIV.

Р О З А.

Роза ль ты, розочка, роза душистая:
Всѣмъ ты красавица, роза-цвѣтокъ!
Вейся, плетися съ лилеей и ландышемъ,
Вейся, плетися въ мой пышный вѣнокъ!

Нынче я встрѣчу красавицу-дѣвицу,
Нынче я встрѣчу пастушку мою:
«Здравствуй, красавица, красная дѣвица!»
Ахъ!... и промолвлюся, молвлю: «люблю!»

Вдругъ зарумянится красная дѣвица,
Вспыхнетъ младая, какъ роза-цвѣтокъ:
Взглянь въ ручеечекъ, пастушка стыдливая,
Взглянь: предъ тобою ничто мой вѣнокъ!

1822.

Полярная Звѣзда на 1823 г.

LV.

П Ъ С Н Я.

Ахъ ты ночь ли,
Ноченька!
Ахъ ты ночь ли
Бурная!
Отчего ты
Съ вечера
До глубокой
Полночи
Не блистаешь
Звѣздами,
Не сіяешь
Мѣсяцемъ —

Все темнѣешь
Тучами?
И съ тобой, знать
Ноченька,
Какъ со мною,
Молодцемъ.
Грусть-злѣйка
Свѣдалась!
Какъ заляжетъ,
Лютая,
Тамъ глубоко
На сердцѣ:
Позабудешь,
Дѣвицамъ
Усмѣхаться,
Кланяться;
Позабудешь
Съ вечера
До глубокой
Полночи,
Припѣвая,
Тѣшиться
Хороводной
Пляскою!
Нѣтъ, взрыдаешь,
Всплачешься,
И, безродный
Молодецъ,—
На постелю
Жесткую,
Какъ въ могилу,
Кинешься!

1822.

Полярная Звѣзда на 1823 г.

LVI.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Изъ Коцебу: Es kann ja nicht immer so bleiben.
(Посвящается Баратынскому и Коншину).

Ничто не бессмертно, не прочно
Подъ вѣчно-измѣнной луной,
И все расцвѣтаетъ и вянетъ,
Рожденное бѣдной землей.

И прежде насъ много веселыхъ
Любило и пить, и любить:
Нехудо гулякамъ усопшимъ
Веселья бокаль посвятить.

И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбятъ любовь и вино,
И въ честь намъ напѣнять бокалы,
Любившимъ и пившимъ давно.

Теперь мы довѣрчиво, дружно
И тѣсно за чашей сидимъ...

О дружба! да вѣчно пылаемъ
Огнемъ мы безсмертнымъ твоимъ!

• 1822.

Роченсальмъ въ Финляндіи.

Царское Село, альманахъ на 1830 г.

LVII.

РОМАНСЪ.

Вчера вакхическихъ друзей
Я посѣтилъ кружокъ веселый.
Вошелъ—и слышу: «Здравствуй, пей!»
— Нѣтъ, молвилъ я съ тоской тяжелой,

Не пить, безпечные друзья,
Пришелъ къ вамъ другъ вашъ одичалый:
Хочу на мигъ забыться я,
Отъ жизни и любви усталый.

Стучите чашами громчей!
Дружнѣй гетеръ и Вакха пойте!
Волненіе души моей
Хоть на минуту успокойте!

Мнѣ помогите освѣжить
Воспоминанья жизни вольной
И вопли сердца заглушить
Напѣвомъ радости застольной!

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. IV.

LVIII.

ВЪ АЛЬБОМЪ С. Д. ПОНОМАРЕВОЙ.

О сила чудной красоты!
Къ любви по опыту холодный,
Я забывалъ, душой свободный,
Безумной юности мечты

И пѣль, товарищамъ угодный,
Вино и дружество; но ты
Явилась, душу мнѣ для муки пробудила,—
И лира про любовь опять заговорила.

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. V.

LIX.

ЭЛЕГИЯ.

Когда, душа, просилась ты
Погибнуть иль любить;
Когда желанья и мечты
Къ тебѣ тѣснились жить,

Когда еще я не пилъ слезъ
Изъ чаши бытія—
Зачѣмъ тогда, въ вѣнкѣ изъ розъ,
Къ тѣнямъ не отбылъ я?

Зачѣмъ вы начертались такъ
На памяти моей,
Единый молодости знакъ—
Вы, пѣсни прошлыхъ дней?

Я горы, доли и лѣса
И милой взглядъ забылъ—
Зачѣмъ же ваши голоса
Мнѣ слухъ мой сохранилъ?

Не возвратите счастья мнѣ,
Хоть дышетъ въ васъ оно!
Съ нимъ въ промелькнувшей старинѣ
Простился я давно.

Не нарушайте-жъ, я молю,
Вы сна души моей
И слова страшнаго: люблю—
Не повторяйте ей!

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. III.—Сѣверный Пѣвецъ, ч. I.

LX.

РОМАНСЪ.

Только узналъ я тебя—
И трепетомъ сладкимъ впервые
Сердце забилося во мнѣ!

Сжала ты руку мою—
И жизнь, и всѣ радости жизни
Въ жертву тебѣ я принесъ.

Ты мнѣ сказала: люблю!—
И чистая радость слетѣла
Въ мрачную душу мою!

Молча гляжу на тебя—
Нѣтъ слова всѣ муки, все счастье
Выразить страсти моей!

Каждую свѣтлую мысль,
Высокое каждое чувство—
Ты зарождаешь въ душѣ!

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. V.—Сѣверный Пѣвецъ. ч. I.

LXI.

СОНЕТЪ.

Златыхъ кудрей пріятная небрежность,
Небесныхъ глазъ мечтательный привѣтъ,
Звукъ сладкій устъ, при словѣ даже «нѣтъ!»
Во мнѣ родятъ любовь и безнадежность

На то ли мнѣ послали боги нѣжность,
Чтобъ изнемогъ я въ раннемъ цвѣтѣ лѣтъ?
Но я готовъ, я выпью чашу бѣдъ:
Мнѣ не страшна грядущаго безбрежность!

Не возвратить уже покоя вновь!
Я позабылъ свободной жизни сладость,
Душа горитъ, но смолкла въ сердцѣ радость;

Во мнѣ кипитъ и холодѣетъ кровь:
Печаль-ли ты, веселье ль ты, любовь?
На смерть иль жизнь тебѣ я ввѣрилъ младость?

1823.

Труды Общ. люб. росс. слов., 1823 г., ч. XXI. — Новости литературы
1824 г., кн. VII.

LXII.

СОНЕТЪ.

Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ,
Я не сводилъ съ нея моихъ очей;
Я говорилъ въ раздумьи сердца съ ней
Лишь о любви, лишь о моей неволѣ!

Брега цвѣли, пестрѣло жатвой поле,
Зефиръ плескалъ лепечущей струей,
Все нѣжилось.—Почто жъ въ душѣ моей
Несчастія, унынья было болѣ?

Что мнѣ шепталъ ревнивый сердца гласъ?
Чего еще душѣ моей страшиться?
Иль всѣмъ моимъ надеждамъ не свершиться?

Иль и любовь польстила мнѣ на часъ?
И мой удѣлъ, не осушая глазъ,
Какъ сей потокъ, съ роптаніемъ сокрыться?

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. III.

LXIII.

Н. М. ЯЗЫКОВУ.

Сонетъ.

Младой пѣвецъ, дорогою прекрасной
Тебѣ идти къ Парнаскимъ высотамъ,
Тебѣ вѣнокъ — повѣрь моимъ словамъ —
Плететь Амуръ съ Каменной сладкогласной.

Отъ раннихъ лѣтъ я пламень не напрасный
Храню въ душѣ, благодаря богамъ,
Я имъ влекомъ къ возвышеннымъ пѣвцамъ
Съ какою-то любовію пристрастной.

Я Пушкина младенцемъ полюбилъ,
Съ нимъ раздѣлялъ и грусть, и наслажденье,
И первый я его услышалъ пѣнье

И за себя боговъ благословилъ!
Пѣвца «Пировъ» я съ музой подружилъ
И славой ихъ горжусь въ вознагражденье.

1823.

Тр. Общ. люб. рос. слов. 1823 г., ч. XXI—Новости литературы 1824 г.,
ч. VII.

LXIV.

С. Д. ПОНОМАРЕВОИ.

Сонетъ.

При посылкѣ книги «Воспоминаніе объ Испаніи», соч.
Булгарина.

Въ Испаніи Амуръ не чужестранецъ,
Онъ тамъ не гость, но родственникъ и свой,
Подъ кастаньетъ съ веселой красотой
Поетъ романсъ и пляшетъ, какъ испанецъ.

Его огнемъ въ щекахъ блеститъ румянецъ,
Пылаетъ грудь, сверкаетъ взоръ живой,
Горятъ уста испанки молодой,
И вѣетъ миртъ, и дышетъ померанецъ.

Но онъ и къ намъ, всеильный, не суровъ,
И къ сѣверу мы зримъ его вниманье:
Не онъ ли далъ очамъ твоимъ блистанье,

Устамъ коралль, жемчужный рядъ зубовъ,
И въ кудри свилъ сей мягкій шелкъ власовъ
И всю тебя одѣлъ въ очарованье!

1823.

Полярная Звѣзда на 1824 г.

LXV.

КЪ ПТИЧКѢ, ВЫПУЩЕННОЙ
НА ВОЛЮ.

Во имя Деліи прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, летунѣ сладкогласной,
Дарю свободу я. — Лети!
И я равно счастливой долей
Отъ милой надѣленъ моей:
Какъ ты обязана ей волей,
Такъ я неволю своей.

1823.

Новости литературы 1823 г., кн. VI.—Литературные Листки 1823 г., № III.

LXVI.
РОМАНСЪ.

Не говори: любовь пройдетъ,
О томъ забыть твой другъ желаетъ,
Въ ея онъ вѣчность уповаетъ,
Ей въ жертву счастье отдаетъ.

Зачѣмъ гасить душѣ моей
Едва блеснувшія желанья?
Хоть мигъ, позволь мнѣ безъ роптанья
Предаться нѣжности твоей.

За что страдать? Чтò мнѣ въ любви
Досталось отъ небесъ жестокихъ
Безъ горькихъ слезъ, безъ ранъ глубокихъ,
Безъ утомительной тоски?

Люби дни краткіе даны,
Но мнѣ не зрѣть ея остылой,
Я съ ней умру, какъ звукъ унылой
Внезапно порванной струны.

1823.

Полярная Звѣзда на 1824 г.

LXVII.
РОМАНСЪ.

Прекрасный день, счастливый день:
И солнце и любовь!
Съ нагихъ полей сбѣжала тѣнь, —
Свѣтлѣетъ сердце вновь.
Проснитесь, рощи и поля,
Пусть жизнью все кишить;
Она моя! Она моя!
Мнѣ сердце говорить.

Чтò вьешься, ласточка, къ окну?
Что, вольная, поешь?
Иль ты щебечешь про весну
И съ ней любовь зовешь?
Но не ко мнѣ, и безъ тебя
Въ пѣвцѣ любовь горить:
Она моя! Она моя!
Мнѣ сердце говорить.

1823.

Полярная Звѣзда на 1824 г.

LXVIII.

КЪ ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ
ДОМИНГО.

Ты на Домингѣ вѣчно будь,
Моя надежда остальная!
И обо мнѣ когда-нибудь
Она вздохнетъ, его лаская!

1823.

Современникъ 1854 г., т. XLIII.

LXIX.

Р О М А Н С Ъ.

Что, красotka молодая,
Что ты, свѣтикъ, плачешь?
Что, головушку, вздыхая,
Къ бѣлой ручкѣ клонишь?
Или словомъ, или взоромъ
Я тебя обидѣлъ?
Иль нескромнымъ разговоромъ
Ввелъ при людяхъ въ краску?
Нѣтъ, лежитъ тоска иная
У тебя на сердцѣ,
Нѣтъ, кручинушку другую
Ты вложила въ мысли!
Ты не хочешь, не желаешь
Молодцу открыться,
Ты боишься милу другу
Заповѣдать тайну!

Не слыхали ль злые люди
Нашихъ разговоровъ?
Не спросили ль злые люди
У отца родного;
Не спросили-ль, супостагъ
У твоей родимой:
«Чей у ней на ручкѣ перстень?
«Чья въ повязкѣ лента?
«Лента, ленточка цвѣтная
«Съ золотой каймою;
«Перстень съ чернью расписною,
«Съ чистымъ изумрудомъ?»

Не томи, открой причину
Слезъ твоихъ горючихъ!
Перелей въ мое ты сердце
Всю тоску-кручину;
Перелей тоску-кручину
Сладкимъ поцѣлуемъ:
Мы вдвоемъ тоску-кручину
Легче растосуемъ!

1823.

Полярная Звѣзда на 1824 г.

LXX.

Голова ль моя головушка,
Голова ли молодецкая,
Что болишь ты, что ты клонишься
Ко груди, къ плечу могучему?
Ты не то была, удалая,
Въ прежни годы, въ дни разгульные:
Въ русыхъ кудряхъ, въ красотѣ твоей,
Въ той ли шапкѣ, шапкѣ бархатной,
Соболями отороченной.
Днемъ ли въ тѣ поры я выѣду,
Въ очи солнце — ты не хмуришься;
Въ темномъ лѣсѣ въ ночь ненастную
Ты найдешь тропу заглохшую;
Красна ль дѣвица приглянется —
И безъ словъ ей все повыскажешь;
Повстрѣчаются ль недобрые —
Только взглянуть и успокаются.
Что жъ теперь ты думу думаешь,
Думу крѣпкую, тяжелую?
Иль ты съ сердцемъ перемолвилась?
Иль одно вы съ нимъ задумали?
Иль прилука молодецкая
Ни изъ сердца, ни съ ума нейдетъ?
Ужъ не вырваться изъ клѣточки
Пѣвчей птичкѣ-конопляночкѣ:
Знать и вамъ не видѣть болѣе
Прежней воли съ прежней радостью!

1823.

Полярная Звѣзда на 1824 г.

LXXI.

УСПОКОЕНИЕ.

Въ моей крови
Огонь любви!
Вотще усиля,
Мой Гиппократъ!
Ужъ слышу — крылья
Тѣней шумять!
Ихъ зрю въ полетѣ!
Зовутъ, манятъ
Къ подземной Летѣ,
Въ безмолвный адъ!

1823.

Современникъ 1854 г., т. XLIII.

LXXII.

КЪ С. Д. ПОНОМАРЕВОЙ.

За ваше нѣжное участие
Больной пѣвецъ благодарить:
Оно его животворить;
Онъ молить: «Боже, дай ей счастье
«Въ спутники грядущихъ дней!
«Болѣзни — мнѣ, здоровье — ей!
«Пусть я по жизненной дорогѣ
«Пройду и въ мукахъ и тревогѣ;
«Ее жъ пускай ведутъ съ собой
«Довольство, радость и покой!»

Вчера я былъ въ дверяхъ могилы;
Я таялъ въ медленномъ огнѣ;
Я видѣлъ: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взоръ бросала мнѣ;
Ни мысли въ головѣ, ни чувства
Въ недужномъ сердцѣ не храня,
Терялъ невольно вѣру я
Врачей въ печальныя искусства;
Свой одръ въ мечтахъ я окружалъ
Судьбой отнятыми друзьями,
Въ послѣдній разъ имъ руки жалъ,
Молилъ послѣдними словами
Мой бѣдный гробъ не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще съ лучшими мечтами
Мечты о другѣ съединять...

И вѣсть о васъ, какъ вѣсть спасенья,
Надежду въ сердце пролила;
Въ душѣ проснулись волненья,
И въ вашемъ образѣ пришла
Ко мнѣ порою усыпленья
Игея съ чашей исцѣленья...

1823.

Труды Общ. люб. росс. слов. 1824 г., ч. XXVII.

LXXIII.

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ АМИКИ.

О, Камены, Камены всеильныя!
Вы внушите мнѣ пѣсню унылую;
Вы взгляните: въ слезахъ Аматузія;
Горько плачутъ Амуры и Граціи:
Нѣтъ игривой собачки у Лидіи,
Нѣтъ Амики, прекрасной и ласковой!
И Діана, завидуя Лидіи,
Любовалась невольно Амикою.
Ахъ, она была краше, игривѣе
Рѣзвыхъ псовъ звѣроловицы Деліи.
Съ ея шерстью пуховой и вьющейся
Лучшій шелкъ Индостана и Персіи
Не равнялся ни лоскомъ, ни мягкостью.
Не дѣлила Амика любви своей:
Нѣтъ, любила одну она Лидію,
И при ней не приблизьтесь вы къ Лидіи
(Ахъ! и ревность была ей простибельна!):
Она вскочитъ, залаетъ и кинется
Хоть на Марса, иль Зевса могучаго.
Вотъ какъ нѣжность владѣла Амикою!
И такой мы собачки лишились!
Какъ на рокъ не роптать и не плакаться?
Семь ужъ люстровъ стихами жестокими
Бавій мучитъ гражданъ и властителей;
А она и поль-люстра — невинная! —
Не была утѣшеніемъ Лидіи.
Ты рыдай, ты рыдай, Аматузія!
Горько плачьте, Амуры и Граціи!
Ужъ Амика ушла за Меркуріемъ
За Коцить и за Лету печальную

Невозвратно въ обитель Аидову,
Въ тѣ сады, гдѣ воробушекъ Лесбій
На рукахъ у Катулла чиликаетъ.

1823.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

Эта шутка была написана въ угодность одной дамѣ, которая желала, чтобы я сочинилъ на смерть ея собачки подражаніе извѣстной одѣ Катулла: «На смерть воробья Лесбій», прекрасно переведенной Востоковымъ

LXXIV.

КЪ МОРФЕЮ.

Увы! Ты измѣнилъ мнѣ,
Нескромный другъ, Морфей!
Одинъ ты былъ свидѣтель
Моихъ сокрытыхъ чувствъ,
И вздоховъ одинокихъ,
И тайныхъ сердца думъ.
Зачѣмъ же, какъ предатель,
Въ видѣніи nocturno
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открылъ?
Зачѣмъ, меня явивши
Красавицѣ въ мечтахъ,
Безмолвными устами
Принудилъ все сказать?
О! будь же, богъ жестокій,
Будь болѣе справедливъ:
Открой и мнѣ взаимно,
Хотя въ одной мечтѣ,
О тайныхъ чувствахъ сердца,
Сокрытыхъ для меня.
О! дай мнѣ образъ милый
Хоть въ призракѣ узрѣть;
И пылкими устами
Прильнуть къ ея рукѣ...
Когда увижу розы
На дѣвственномъ челѣ,
Когда услышу трепеть
Стыдливой красоты,
Довольно — и, счастливецъ,
Я богу сей мечты

И жертвы благовонны
И пурпурные маки
Съ Авророй принесу!

1823.

Сѣверные Цвѣты на 1832 г.

LXXV.

КЪ А. Е. ИЗМАЙЛОВУ.

Мой по Каменамъ старшій братъ,
Твоимъ я баснямъ цѣну знаю;
Люблю тебя, но — виновать —
Въ тебѣ не все я одобряю.
Къ чему за нѣсколько стиховъ,
За плодъ невиннаго веселья,
Ты стаю оружилъ пѣвцовъ,
Бранящихъ все въ чадѣ похмѣлья?
Твои кулачные бойцы
Меня не выманятъ на драку:
Они, не спорю, — молодцы,
Я въ каждомъ вижу забіяку;
Во всѣхъ ихъ взоръ мой узнаетъ
Литературныхъ карбонаровъ;
Но, другъ мой, я не Донъ-Кихоть:
Не посрамлю своихъ ударовъ.

1824.

Современникъ 1854 г., т. XLVIII.

LXXVI.

ПЕТЕРБУРГСКИМЪ ЦЕНЗОРАМЪ.

Передъ вами — нуль Тимковскій!
Въ вашей славѣ онъ погасъ;
Вы по совѣсти поповской,
Цензируя, жмете насъ.
Славьтесь, Бируковъ, Красовскій!
Вамъ дивится даже князь!
Членъ тюремный и Библейскій
Цензоръ, мистикъ и срамецъ;
Онъ съ душонкою еврейской
Нашъ гонитель, князя льстецъ.

Славься, славься, духъ лакейскій,
Славься, доблестный подлець!
Васъ и духъ святой робѣтъ;
Онъ, какъ мы, у васъ въ когтяхъ;
Появиться онъ не смѣтъ
Даже въ Глинкиныхъ стихахъ.
Вотъ какъ сѣмя злое зрѣтъ,
Вотъ какъ все у насъ въ тискахъ!
Ни угрозою, ни лаской,
Видно, васъ ни уломать;
Олинъ и Григорій Спасскій
Подозрѣнье въ васъ родятъ.
Славьтесь цензорской указкой:
Таски вамъ не миновать!

1824.

Русскій Архивъ 1871 г., № 9.

LXXVIII.
РУССКАЯ БАЛЛАДА.

Пародія.

До разсвѣта поднявшись, извозчика взялъ
Журналистъ нашъ Измайловъ съ Песковъ,
И безъ отдыха гналъ, поспѣшалъ чрезъ каналъ
Въ желтый домъ, гдѣ живетъ Бируковъ.
Не съ Цертёлевымъ онъ совокупно спѣшилъ
На журнальную битву вдвоемъ,
Не съ романтиками перевѣдаться мнилъ
За романсы, баллады путемъ.
Но во фракъ былъ онъ, пылью фракъ занесенъ,
Какой цвѣтомъ — неможно узнать;
Оттопыренъ карманъ — въ немъ торчитъ, какъ чурбанъ,
Двадцати-фунтовая тетрадь.
Соскочивъ у воротъ, какъ съ полка жирный котъ,
Кошелекъ изъ кармана досталъ,
Расплатился съ возницей, въ ворота идетъ
И Бориса въ очкахъ повстрѣчалъ.
«Ты скажи мнѣ, Борисъ, что твой носикъ повисъ?»
«Откровененъ всегда ты душѣй;
«Назови мнѣ враговъ — разгоню ихъ, какъ крысъ,
«Безопасенъ ты будешь со мной».
— Пусть Оаддей замолчитъ, какъ Церберъ не ворчитъ,
Защити отъ него ты меня!

А съ барономъ я слажу: баронъ только спить
Среди ночи, средь бѣлаго дня.
«Но скажи, наконецъ, что затѣялъ пришлецъ?
«Онъ—клянуся очками! — пропалъ!»
— Онъ коѣ-что въ «Запискахъ» нашелъ, мой отецъ,
И въ «Листочкахъ» тебя онъ задралъ—
И Измайловъ тогда изумленъ, пораженъ,
И хладѣлъ, и блѣднѣлъ, и дрожалъ...
«Успокойся, Борисъ! Будешь мною спасенъ!»
И Борису онъ руку пожалъ.

* *
*

Есть на Мойкѣ писатель — въ огромныхъ стѣнахъ
Онъ подъ кровлю бѣжить отъ людей;
Не видали — какъ прячетъ фонарь на глазахъ;
И писатель сей — кто онъ? — Оаддей!
Есть другой — по друзьямъ знаменитѣй: кто онъ?
Онъ въ просонѣ лишь смотритъ на свѣтъ:
То поэтъ молчаливый и мрачный — баронъ,
Для Плетнева онъ первый поэтъ.
И Измайловъ доволенъ: Баронъ и Оаддей
Насмѣшили до-сыта людей.

1824.
Русская Старина 1890 г., № 6.

LXXIX.

ЭПИТАФИЯ С. Д. ПОНОМАРЕВОЙ.

Жизнью земною играла она, какъ младенецъ игрушкой;
Скоро разбила ее, — вѣрно, утѣшилась тамъ.

1824.
Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

LXXX.

РАЗОЧАРОВАНИЕ.

Элегія.

Протекшихъ дней очарованья.
Мнѣ васъ душѣ не возвратить!
Въ любви узнавъ одни страданья,
Она утратила желанья
И вновь не просится любить.

Къ ней сны молодые не забродятъ,
Опять съ надеждой не мирятъ,
Въ странахъ волшебныхъ съ ней не ходятъ,
Веселыхъ пѣсенъ не заводятъ
И сладкихъ словъ не говорятъ.

Ея одинъ удѣлъ печальный —
Года безчувственно провести
И въ край, для горестныхъ недалній,
Подъ гласъ молитвы погребальной,
Однѣ молитвы произнести.

1824.

Труды Общ. люб. росс. сл. 1824 г., ч. XXIV.

LXXXI.

П Ъ С Н Я.

На яву и въ сладкомъ снѣ
Все мечтаетесь вы мнѣ,
Кудри, кудри шелковыя,
Юныхъ персей красота,
Прелесть-очи и уста,
И лобзанія живыя.

И я въ раннюю зарю
Темнымъ кудрямъ говорю:
Кудри, кудри! Что вы вьетесь?
«Мнѣ ужъ вами не играть,
Мнѣ ужъ васъ не цѣловать, —
Вы другому достаетесь!»

И я утромъ золотымъ
Молвлю персямъ молодымъ:
«Пухъ лебяжій, нѣгой страстной
Не дыши по старинѣ —
Ужъ не быть счастливымъ мнѣ
У груди моей прекрасной!»

Я твержу по вечерамъ
Свѣтлымъ взорамъ и устамъ:
«Замолчите, замолчите!
Съ лютой долей я знакомъ,
О веселомъ, о быломъ
Вы съ душой не говорите!»

Ночью — сплю ли я, не сплю,
Все устами васъ ловлю,
Сердцу сладкія лобзанья!
Сердце бьется, сердце ждетъ —
Но ужъ милая нейдетъ
Въ часъ условленный свиданья!

1824.

Сѣверные Цвѣты на 1825 г.

LXXXII.

П Ъ С Н Я

Скучно, дѣвушки, весною жить одной:
Не съ кѣмъ сладко побесѣдовать молодой.
Сиротинушка, на всей землѣ одна,
Подгорюнясь ли, присядешь у окна —
Подъ окошкомъ все такъ весело глядитъ,
И мнѣ душу то веселіе томить:
То веселье — не веселье, а любовь,
Отъ любви той замираетъ въ сердцѣ кровь.

И я выйду во широкія поля —
Съ нихъ ли нѣгой такъ и вѣетъ на тебя:
Свѣжій запахъ каждой травки полевой
Вреденъ дѣвицѣ весеннею порой;
Хочешь съ кѣмъ-то этимъ запахомъ дышать
И другимъ устамъ его передавать.
Бѣлой груди чѣмъ-то сладкимъ тяжело,
Голубымъ очамъ при солнцѣ не свѣтло.

Больно, больно безнадежной тосковать!
И я кинусь на тесовую кровать,
Къ изголовью правой щечкою прижмусь
И горючими слезами обольюсь:
Какъ при солнцѣ лѣтомъ дождикъ пошумитъ,
Травку вспрыснетъ, но ее не освѣжитъ, —
Такъ и слезы не свѣжатъ меня, молодой:
Скучно, дѣвушки, весною жить одной.

1824.

Сѣверные Цвѣты на 1825 г.

LXXXIII.

РУССКАЯ ПѢСНЯ.

Пѣла, пѣла пташечка —
И затихла;
Знало сердце радости —
И забыло.

Что, пѣвунья пташечка,
Замолчала?
Какъ ты, сердце, свѣдалось
Съ чернымъ горемъ?

Ахъ, убили пташечку
Злая вьюги;
Погубили молодца
Злые толки!

Полетѣть бы пташечкѣ
Къ синю морю;
Убѣжать бы молодцу
Въ лѣсъ дремучій!

На морѣ валы шумять,
А не вьюги;
Въ лѣсѣ звѣри лютые,
Да не люди!

1824.

Сѣверные Цвѣты на 1825 г.

LXXXIV.

ЖАЛОБА.

Воспламенять васъ — трудъ напрасный.
Узналъ по опыту я самъ;
Васъ боги создали прекрасной:
Хвала и честь за то богамъ!
Но вмѣстѣ съ прелестью опасной
Они холодность дали вамъ.
Я таю въ грусти сладострастной,
А вы, на зло моимъ мечтамъ,
Улыбкой платите неясной
Любви моей простымъ мольбамъ.

1824.

Новости литературы 1825 г., кн. XI.

LXXXV.

Р О М А Н С Ъ.

Друзья, друзья! Я Несторъ между вами,
По опыту веселый человекъ;
Я пью давно: пилъ съ вашими отцами
Въ златые дни, въ *Екатерининъ* вѣкъ!

И въ насъ душа кипѣла: въ наши лѣты,
Какъ вы, за честь мы проливали кровь;
Вино, войну намъ славили поэты,
Намъ сладко пѣлъ Мелецкій про любовь!

Но конченъ пиръ, а гости разошлись,
Допировать одинъ остался я:
И что жъ? Ко мнѣ вы, други, собрались,
Весельчаковъ бывалыхъ сыновья!

Гляжу на васъ: ихъ лица, съ ихъ улыбкой,
И тотъ-же споръ про жизнь и про вино;
И мнится мнѣ, я полагалъ ошибкой,
Что и любовь забыта мной давно.

1824.

Сѣверные Цвѣты на 1825 г.

LXXXVI.

КУПАЛЬНИЦЫ.

Идиллія.

— «Какъ! ты расплакался! Слушать не хочешь и стараго друга!
Страшное дѣло: Дафна тебѣ ни полслова не скажетъ,
Пѣсенъ съ тобой не поетъ, не пляшетъ, почти лишь не пла-
четъ,

Только что встрѣтитъ насмѣшливый взоръ Ликорисы, и обѣ
Мигомъ краснѣютъ, краснѣе вечерней зари передъ вихремъ!
Взрослый ребенокъ, стыдись! Иль не знаешь сѣдого Сатира?
Кто-же младенца тебя баловалъ? День цѣлый, бывало,
Бѣдный, на холмѣ сидишь ты и смотришь за стадомъ;
Сердцемъ и сжалюсь я, старый; приду посмѣяться съ тобою,
Въ кости играя поспорить, попѣть на свирѣли. Что-жъ вышло?
Кто-же, какъ ты, свирѣлью владѣть и въ кости играетъ?
Самъ ты знаешь — никто. Изъ чѣихъ ты корзинокъ плоды ѣлъ?
Все изъ моихъ: я, жимолость тонкую самъ выбирая,
Плель изъ нея ихъ узорами съ легкой, цвѣтною соломой.

Пилъ молоко изъ моихъ же ты чашъ и кувшиновъ: тыквы
Полныя, словно широкія щеки молодого сатира,
Я и сушилъ, и долбилъ, и на кожѣ рѣзалъ искусно
Грозды, цвѣты и образы сильныхъ боговъ и героевъ;
Тоже никто не имѣлъ — могу похвалиться — подобныхъ
Чашъ и кувшиновъ и легкихъ корзинокъ. Часто, бывало,
Послѣ оргій вакхальныхъ другіе сатиры спѣшили
Либо въ пещеры свои — отдохнуть на душистыхъ постеляхъ,
Либо къ рощамъ — пугать и преслѣдовать юныхъ пастушекъ;
Я же къ тебѣ приходилъ, и покой и любовь забывая,,
Пьяный, подъ пѣсню твою плясалъ я съ ученымъ козленкомъ;
Рѣзвый на заднихъ ногахъ выступалъ и прыгалъ неловко,
Трясъ головой и на роги мои и на бороду злился.
Ты задыхался отъ смѣха веселаго, слезы блестѣли
Въ ямкахъ щечекъ надутыхъ: и все забывалось горе!
Горе-жъ какое тогда у тебя, у младенца, бывало?
Тыкву мою разобьешь, изломаешь свирѣль, — да и только.
Нынче-ль тебя не утѣшу я? Нынче ль оставлю? Повѣрь мнѣ,
Слезы утри! Успокойся и стараго друга послушай». —

Такъ престарѣлый Сатиръ говорилъ молодому Микону,
Въ грусти безмолвной лежащему въ темной каштановой рощѣ.
Къ Дафнѣ юный пастухъ разгорался въ младенческомъ сердцѣ
Пламенемъ первымъ и чистымъ: любилъ — и любилъ нена-
прасно.

Все до вчерашняго вечера счастье ему предвѣщало:
Дафна охотно плясала и пѣла съ нимъ; даже однажды
Руку пожала ему и что-то такое шепнула
Тихо, но сладко, когда онъ сказалъ ей: люби меня, Дафна!
Что же? два вечера Дафна не та, не прежняя Дафна!
Только онъ къ ней, — она отъ него. Понятные взгляды,
Ласково-дѣтскія рѣчи, улыбка сихъ устъ пурпуровыхъ,
Нѣгой пылающихъ, все, какъ весенней водою уплыло!
Что случилось съ прекрасной пастушкой? Не знаетъ ли, полно,
Старый Сатиръ нашъ объ этомъ? Не просто твердить онъ:
«послушай!»

Ночь-же прекрасная: тихо, на небѣ ни облака! Если
Съ каждымъ лучемъ богиня Діана шлетъ по лобзанью
Эндиміону счастливцу, — то былъ ли на свѣтѣ кто смертный
Столько, такъ страстно лобзаемъ и въ полную пору любви?
Нѣтъ, и не будетъ! Лучи такъ и блещутъ, земля утопаетъ
Въ ихъ обаятельномъ свѣтѣ; Иллисъ изъ урны прохладной
Льетъ серебро; соловьи рассыпаются въ сладостныхъ пѣсняхъ;
Берегъ дышетъ томительнымъ запахомъ травъ ароматныхъ;
Сердце полнѣе живетъ, и душа упивается нѣгой.

Бѣдный Миконъ Сатира послушался, медленно поднялъ
Голову, сѣлъ, прислонился къ каштану высокому, руки
Молча сложилъ и взоръ устремилъ на Сатира; а старый
Локтемъ налегъ на длинную вѣтвь и, качаясь, такъ началъ:
— «Ранней зарею вчера просыпаюсь я, — холодно что-то!
Развѣ съ вечера я не прикрылся? Гдѣ теплая кожа?
Какъ подъ себя не постлалъ я травъ ароматныхъ и свѣжихъ?
Глядь — и зажмурился! Свѣтъ ослѣпительный утра, не слитый
Съ мракомъ лѣнивымъ пещеры! Что это? Дернулъ ногами:
Ноги привязаны къ дереву! Руку за кружкой — о боги!
Кружка разбита, разбита моя драгоценная кружка!
Ахъ! — я хотѣлъ закричать: ты усерденъ по прежнему, старый,
Лишь не попрежнему силенъ, мой другъ, на вакхическихъ
битвахъ!

Ты не дошелъ до пещеры своей, на дорогѣ ты, вѣрно,
Палъ, побѣжденный виномъ, и насмѣшникамъ въ руки по-
пался!...

Но плесканье воды, но веселые женскіе клики
Мысли въ умѣ, а слова въ растворенныхъ устахъ удержали.
Вотъ, не смѣя дышать, чуть-чуть я привсталъ: предо мною
Частый кустарникъ; легко листы раздвигаю; подвинулъ
Голову въ листья — гляжу: тамъ синѣютъ, тамъ искрятся
волны;

Далѣе двинулся: вижу — въ волнахъ Ликориса и Дафна.
Обѣ прекрасны, какъ дѣвы-Хариты, и наги, какъ Нимфы;
Съ ними два лебедя. Знаешь, — любимые лебеди: бѣдныхъ
Прошлой весною ты спасъ — ихъ мать клевала жестоко.
Мать отогналъ ты, поймалъ ихъ и въ даръ принесъ Ликорисѣ:
Дафну тогда ужъ любилъ ты, но ей подарить ихъ боялся.
Первыя чувства любви, я помню, застѣнчивы, робки:
Любишь — и милой страшишься наскучить и лаской излишней.
Бѣлая шея двухъ лебедей обхвативъ, Ликориса
Вдругъ поплыла, а Дафна нырнула въ кристальныя воды.
Дафна явилась, — и смѣхъ ее встрѣтилъ: Дафна, я Леда,
Новая Леда. — «А я — Аматузія! Видишь, не такъ ли
Я родилась теперь, какъ она, изъ пѣны блестящей?»
— Правда; но прежняя Леда ничто передъ новой! Мнѣ служатъ
Два Зевеса: чѣмъ же похвалишься ты предъ Кипридой?
— «Мужемъ не будетъ моимъ Ифестъ хромоногій и старый!»
— Правда и то, моя милая Дафна! Еще скажу: правда!
Твой прекрасенъ Миконъ; не сыскать пастуха, его лучше!
Кудри его въ три ряда; глаза небеснаго цвѣта;
Взгляды ихъ къ сердцу доходятъ; какъ персикъ, въ пору
созрѣвшій,

Юный, онъ свѣжъ и румянъ и пухомъ блестящемъ украшенъ.
Что-жъ за уста у него!—душистыя, алая розы,
Полныя звуковъ и словъ, сладчайшихъ всѣхъ пѣсенъ воз-
душныхъ.

Дафна, мой другъ, поцѣлуй-же меня! Ты скоро не будешь
Часто твою цѣловать Ликорису охотно; — ты скажешь:
Слаще въ лобзаньяхъ уста пастуха, молодого Микона!—
— «Все ты смѣешься, подруга лукавая! Все понапрасну
Въ краску вводишь меня! И что мнѣ Миконъ твой? Хорошъ
онъ —

Лучше ему: я къ нему равнодушна!»—Зачѣмъ-же краснѣешь?—
— «Я поневолѣ краснѣю: зачѣмъ все ко мнѣ пристаешь ты?
Все говоришь про Микона! Миконъ, да Миконъ, а онъ что
мнѣ?»

— Что-жъ ты трепещешь и грудью ко мнѣ прижимаешься?
Что такъ

Пламенно, что такъ неровно дышетъ она? Послушай:
Еслибъ — (пошлюсь на безсмертныхъ боговъ — я того не
желаю) —

Еслибъ, гонясь за заблудшей овцою, Миконъ очутился
Здѣсь вотъ на брегѣ,—чтобы ты сдѣлала?—«Я бѣ? Утопилась!»
— Точно, и я бѣ утопилась! Но отчего? Что за странность!
Развѣ хуже мы такъ? Смотри, я плыву: не прекрасны-ль
Въ золотѣ струй эти волны власовъ, эти нѣжныя перси?
Вотъ и ты поплыла, — вотъ ножка въ водѣ забѣлѣлась,
Словно нашъ снѣгъ, украшеніе горъ! А вся такъ бѣла ты!
Шея же, руки — взгляди, скажешь, — изъ кости слоновой
Мастеръ большой ихъ отдѣлалъ, а Зевсъ наполнилъ съ
избыткомъ

Сладко-плѣняющей жизнью. Дафна, чего жъ мы стыдимся?—
— «Другъ Ликориса, не знаю; но знаю — стыдиться пре-
красно!»

— Правда! Но все непонятнаго много тутъ скрыто: подумай
Что-же мужчины такое? Не точно ль, какъ мы, они люди?
То-же творенье прекрасное дивнаго Зевса-Кронида.
Какъ же мужчинъ мы стыдимся, съ другимъ же намъ чуж-
дымъ созданьемъ,

Съ лебедемъ, шутимъ свободно: то длинную шею лаская,
Клѣвъ его клонимъ къ устамъ и цѣлуемъ; то съ нѣжностью
треплемъ

Бѣлыя крылья и персями жмемъ къ груди пуховой.
Нѣтъ ли во взорѣ ихъ силы ужасной — Медузиной силы,
Въ камень насъ обращающей? Что ты мнѣ скажешь? —
«Не знаю!

Только Ледой и я была бы охотно! И такъ-же
Друга ласкать и лобзать не устала бѣ въ семь образѣ скром-
номъ,
Въ сей красотѣ бѣлизны ослѣпительной! Дерзкаго-жѣ, боги,
(Кто бы онѣ ни былъ!) молю, обратите рогатымъ оленемъ,
Словно ловца Актеона, жертву Діанина гнѣва!
Ахъ, Ликориса, рога!»—Что, рога?—«Рога за кустами!»
— Дафна! Миконовъ Сатиръ! — «Уплывемъ, уплывемъ! Все
онѣ слышалъ,
Все онѣ расскажетъ Микону! Бѣдныя мы! Мы погибли!»—
Такъ осторожный, какъ юноша пылкій, я разговоръ ихъ
Кончилъ внезапно! И все былъ доволенъ: Дафна,—ты видишь,—
Любитъ тебя и, невинная, доли прекрасной достойна:—
Сердцемъ Микона владѣть на землѣ и въ обителяхъ Орка!
Что жѣ ты не плачешь попрежнему, взрослый ребенокъ!
Сатира
Стараго, видно, слушать полезно? Поди-же въ шалашъ свой,
Сладкимъ вѣлѣньямъ Морфея покорствуй: Эроть не оставитъ
Дѣла прекраснаго! Вѣрь мнѣ, спокойся: онѣ кончитъ, какъ
началъ!»

1824.

Сѣверные Цвѣты на 1825 г.

LXXXVII.

ВЪ АЛЬБОМѢ С. Г. КО—Й.

Во имя Феба и Харитъ
Я твой альбомъ благословляю
И, по внушенью Аонидъ,
Его судьбу предвозвѣщаю:
Въ немъ перескажетъ дружба вновь
Всѣ увѣренья, всѣ мечтанья,
И безъ намѣренья любовь
Свои откроетъ ожиданья.

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

LXXXVIII.

Н. И. ГНѢДИЧУ.

Муза вчера мнѣ, пѣвецъ, принесла Закоцитную новость:
Въ темный недавно Айдесъ тѣнь славянина пришла.
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопытныхъ, пропѣла
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣснь Иліады твоей.

Старецъ нашъ, къ персямъ вожатаго-юноши сладко при-
никнувъ,

Вскрикнулъ: «Вотъ слава моя, вотъ чего вѣки я ждалъ!»

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

LXXXIX.

М Ы.

Бѣдные мы! Что нашъ умъ?— Сквозь туманъ озаряющій факелъ

Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ.

Счастье наше — въ невѣдѣннѣи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:

Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви!

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

ХС.

Л У Н А.

Я вечеромъ съ трубкой сидѣлъ у окна,
Печально глядѣла въ окошко луна.

Я слышалъ — потоки шумѣли вдали;
Я видѣлъ — на холмы туманы легли.

Въ душѣ замутилось, я дико вздрогнулъ;
Я прошлое живо въ душѣ вспомянулъ!

Въ серебряномъ блескѣ вечернихъ лучей
Явилась мнѣ Лила, веселье очей.

Какъ прежде, шепнула коварная мнѣ:
«Быть вѣчно твоею клянуса лунѣ!»

Какъ прежде, за тучи луна уплыла,
И насъ разлучила невѣрная мгла.

Изъ трубки я выдулъ сгорѣвшій табакъ,
Вздыхнулъ и на брови надвинулъ колпакъ.

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

ХСІ.

П Ъ С Н Я.

Соловей мой, соловей,

Голосистый соловей!

Ты куда, куда летишь?

Гдѣ всю ночь пропоешь?

Кто-то бѣдная, какъ я,
Ночь прослушаетъ тебя,
Не смыкаячи очей,
Утопаючи въ слезахъ?
Ты лети, мой соловей,
Хоть за тридевять земель,
Хоть за синія моря,
На чужіе берега;
Побывай во всѣхъ странахъ
Въ деревняхъ и въ городахъ —
Не найти тебѣ нигдѣ
Горемышнѣ меня!
У меня ли, у молодой,
Дорогъ жемчугъ на груди;
У меня ли, у молодой,
Жаръ-колечко на рукѣ;
У меня ли, у молодой,
Въ сердцѣ миленькій дружокъ:
Въ день осенній на груди
Крупный жемчугъ потускнѣлъ;
Въ зимнюю ночь на рукѣ
Распаялося кольцо,
А какъ нынѣшней весной
Разлюбилъ меня милой!

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

ХСІІ.

ДВѢ ЗВѢЗДОЧКИ.

Со мною мать прощалася
(Съ полкомъ я шелъ въ далекій край);
Весь день лила родимая
Потоки слезъ горючіе,
А вечеромъ свела меня
Къ сестрѣ своей кудесницѣ.
Въ дверь стукнула—нѣтъ отклика,
А за-дверью шелѣхнулось...
Еще стучить—огонь сѣкутъ;
Въ окно глядимъ—тамъ свѣтится...
Вотъ въ третій разъ стучить кричить:
—Ты скажешься-ль, откликнешься-ль?
Отдѣлешься-ль?—Нѣтъ отзыва!

Мы часъ стоимъ, другой стоимъ.
А за дверью огонь горитъ,
Дрова трещать, котлы кипятъ,
Ворчатъ-поютъ—не русское...
Но полночь бьетъ—все смолкнуло,
Все смолкнуло, погаснуло!..
Мы ждать-пождать: дверь скрипнула—
Идетъ-поетъ кудесница:

«Туманъ, туманъ! Въ туманѣ—свѣтъ;
То, дитятко, звѣзда твоя!
Туманъ тебѣ—немилый край;
Туманный свѣтъ—туманно жить.
Молись, молись! Туманъ пройдетъ—
Туманъ пройдетъ—звѣзда блеснетъ;
Звѣзда блеснетъ привѣтнѣе,
Привѣтнѣе, прилучнѣе!»

Ахъ, съ той поры въ краю чужомъ
Давнымъ-давно я вѣдаю
Тоску-печаль, злодѣйку-грусть,
Злодѣйка-грусть въ душѣ живетъ.
Такъ, старая кудесница:
«Туманъ, туманъ—немилый край!»
Въ немъ тошно жить мнѣ, молодцу!
Но та звѣзда, та-ль здѣздочка,—
Свѣти иль нѣтъ—мнѣ дѣла нѣтъ!
Въ краю чужомъ у молодца
Другія есть двѣ звѣздочки,
Привѣтныя, прилучныя:
Глаза-ль моей красавицы!

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1826 г.

ХСШ.

ВЪ АЛЬБОМѢ А. Н. ВУЛЬФЪ.

Въ судьбу я вѣрю съ юныхъ лѣтъ;
Ея внушеніямъ покорный,
Не выбралъ я стези придворной,
Не полюбилъ я эполетъ
(Наряда юности задорной),
Но увлеченъ былъ мыслью вздорной,
Мнѣ объявившей: ты—поэтъ.
Всегда въ пути моемъ тяжеломъ

Судьба мнѣ спутницей была,
Она мнѣ душу отвела
Въ пріютѣ дружества веселомъ,
Гдѣ васъ узналъ я, гдѣ яснѣй
Моя душа заговорила
И блескъ Гименовыхъ свѣчей
Пророчественно полюбила.
Такъ при уходѣ зимнихъ дней,
Какъ солнце взглянетъ взоромъ вешнимъ,
Еще до зелени полей
Весны пѣвица въ краѣ здѣшнемъ
Плѣняетъ пѣснею своей.

1825.

Сѣверные Цвѣты на 1827 г.

XCIV.

Д Р У З Ъ Я.

Идиллія.

(Е. А. Баратынскому).

Вечеръ осенній сходилъ на Аркадію. Юноши, старцы,
Рѣзвыя дѣти и дѣвы прекрасныя, съ ранняго утра
Жавшіе сокъ виноградный изъ гроздій златыхъ, благовонныхъ,—
Всѣ собралися вокругъ двухъ старцевъ, друзей знаменитыхъ.
Славны вы были, друзья Палемонъ и Даметъ! Счастливцы!
Знали про васъ и въ Сициліи дальней, средь моря цвѣтущей.
Тамъ на пастушьихъ бояхъ хорошо искусившійся въ пѣсняхъ
Часто противниковъ дерзкихъ сражалъ неотвѣтнымъ вопросомъ:
«Кто Палемона съ Даметомъ славнѣе по дружбѣ примѣрной?
Кто ихъ славнѣе по чудному дару испытывать вина?»

Такъ и теперь передъ ними, подъ тѣнью вѣтвистыхъ платановъ,
Въ чашахъ рѣзныхъ и глубокихъ вино молодое стояло.
Брали они по порядку каждую чашу—и, молча,
Къ свѣту смотрѣли на цвѣтъ, обоняли и думали долго,
Пили—и судъ непреложный вмѣстѣ вину изрекали:
«Это—пить молодое; а это—на долгіе годы
Въ прокъ положить, чтобы внуки, когда соизволитъ Кроніонъ
Вѣкъ ихъ счастливо продлить, подъ старость, за трапезой
шумной

Пивши, хвалилися имъ, рассказамъ пришельца внимая».
Только-жъ надъ винами судъ два старца, два друга скончали,—
Вакхъ, языковъ разрѣшитель, сидѣлъ ужъ близъ нихъ и, не-
зримый,

Къ дружеской тихой бесѣдѣ настроилъ сѣдого Дамета:
«Другъ Палемонъ, съ улыбкою старецъ промолвилъ, дай руку!
Вспомни, старикъ, еще я говаривалъ, юношей бывши:
Здѣсь проходчиво все,—одна непроходчива дружба!
Что-же? Слово мое не сбылось-ли? Какъ думаешь, милый?
Что, кромѣ дружбы, въ душѣ сохранилъ ты?—Но я не жалѣю,
Вотъ Геркулесъ!—не жалѣю о томъ, что прошло; твоей дружбой
Сердце довольно полно, и веду я не къ этому слово.
Нѣтъ; но хочу я—кто знаетъ?—мы стары!—хочу я, быть можетъ,
Нынѣ въ послѣднее все рассказать, что отъ самаго дѣтства
Въ сердцѣ ношу, о чемъ много говаривалъ, небо за что я
Рано и поздно молилъ, Палемонъ, о чемъ буду съ тобою
Часто бесѣдовать даже за Стиксомъ и Летою туманной.
Какъ мнѣ счастливымъ не быть, Палемона другомъ имѣя?
Матери наши, какъ мы, другъ друга съ дѣтства любили,
Вмѣстѣ познали любовь къ двумъ юношамъ милымъ и дружнымъ,
Вмѣстѣ плоды понесли Гименея; другъ другу, младя,
Новыя тайны ввѣряя, священный обѣтъ положили:
Если боги мольбы ихъ услышатъ, пошлютъ одной—дочь,
Сына—другой, то сердца ихъ, невинныхъ, невинной любовью
Крѣпко связать и молить Гименея и бога Эроса,
Да уподобятъ ихъ жизнь двумъ источникамъ, вмѣстѣ текущимъ,
Иль виноградной лозѣ и сошкѣ прямой и высокой:
Вѣрной опорой служить одна,—украшеньемъ другая;
Если-жъ двѣ дочери, или два сына родятся,—весь пламень
Дружбы своей перелить въ ихъ младя, невинныя души...
Мы родились; наши матери часто мѣнялись,
Каждая сына другой сладкомлечною грудью питала.
Впили мы дружбу,—и первое, что лишь запомнилъ я,—ты былъ.
Съ первымъ чувствомъ во мнѣ развилася любовь къ Палемону.
Выросли мы,—и въ жизни много опытовъ тяжкихъ
Боги на насъ посылали: мы дружбою все уладили.
Скорь и пылокъ я смолodu былъ, меня все поражало,
Все увлекало;—ты кротокъ, тихъ и съ терпѣньемъ чудеснымъ,
Свойственнымъ только богамъ, милосердымъ къ Япетовымъ
дѣтямъ.
Часто тебя оскорблялъ я,—смирренно сносилъ ты, мнѣ даже,
Мнѣ не давая замѣтить, что я поразилъ твое сердце.
Помню, какъ нынѣ, прощенья просилъ я и плакалъ; ты-жъ,
другъ мой,
Вдвое рыдалъ моего и, крѣпко меня обнимая,
Ты виноватымъ казался,—не я. Вотъ каковъ ты душою!
Если всѣ меня любятъ,—любятъ меня по тебѣ же:
Ты сокрывалъ мои слабости; малое доброе дѣло

Ты выставлялъ и хвалилъ: ты былъ все для меня, и съ тобою
Долгая жизнь пролетѣла, какъ вечеръ веселый въ разсказахъ.
Счастливъ я былъ! Не боюсь умереть! Предчувствуетъ сердце—
Мы не надолго разстанемся: скоро мы будемъ, обнявшись,
Вмѣстѣ гулять по садамъ Елисейскимъ и, съ новою тѣнью
Встрѣтясь, мы спросимъ: «Что на землѣ? Все такъ-ли, какъ
прежде?»

Други такъ-ли тамъ любятъ, какъ въ старые годы любили?»
Что-же услышимъ въ отвѣтъ?— По старому родина наша
Съ новой весною цвѣтетъ и подъ осень плодами пестрѣетъ;
Но друзей уже нѣтъ, подобныхъ бывалымъ; нерѣдко
Слушалъ я, старцы, за полною чашей веселыя рѣчи:

«Это вино дорогое! Его молодое хвалили
«Славные други—Даметь съ Палемономъ; прошли, пролетѣли
«Тѣ времена! Хоть ищи,—не найдешь здѣсь людей, имъ по-
добныхъ,

«Славныхъ и дружбой, и даромъ чудеснымъ испытывать вина!»

1826.

Сѣверные Цвѣты на 1827 г.

ХСV.

ГЕНІЙ - ХРАНИТЕЛЬ.

(Сновидѣніе).

Грустной душою и сердцемъ больной, я на одръ мой
недавно

Кинулся; плакать хотѣлъ — не могъ, и ропталъ на безсмер-
ныхъ.

Всѣ испытанья, всѣ муки, меня повстрѣчавшія въ жизни,
Снова, казалось, и вмѣстѣ на душу тяжелыя пали.

Я утомился, и сонъ въ меня усыпленіе пролилъ.

Вижу—лежу я на камнѣ, покрытый весь ранами; цѣпи

Руки мои бременятъ; надо мною стоитъ и рыдаетъ

Юноша свѣтлый, крылатый,—созданье творящаго Зевса.

«Бѣдный товарищъ, терпѣнье!» онъ молвилъ мнѣ. Сладость
внезапно

Въ грудь мою полилась, и я жадно сталъ дивнаго слушать.

«Я твой Геній-Хранитель! Вижу улыбку укора,

«Вижу болѣзненный взглядъ твой, страдалецъ невинный, и плачу.

«Боги позволили мнѣ въ сновидѣннѣ предутреннемъ нынѣ

«Горе съ тобой раздѣлить и ихъ оправдать предъ тобою.

«Любятъ смертныхъ они, — и ужъ радость, по волѣ ихъ,
ждетъ васъ

«Съ мрачной ладьи принять и вести въ обитель награды.
«Но доколѣ вы здѣсь, вы—игралище мощнаго Рока;
«Властный, законы ужасные пишетъ онъ Паркамъ суровымъ.
«Эрмій со мною—тебя еще не было—посланъ былъ Зевсомъ
«Мигъ возвѣстить, когда имъ выпрясть нить твоей жизни.
«Вняли вельнью онѣ и къ дѣлу руки простерли.
«Я подошелъ къ нимъ, каждую собственнымъ именемъ на-
звалъ,
«Низко главу наклонилъ и молилъ всѣхъ вмѣстѣ и розно
«Ровно нить сію прясть, иль въ началѣ ее перерѣзать.
«Нѣтъ!—и просьбы, и слезы были напрасны! Дико
«Пѣсню запѣли онѣ, и въ перстахъ вретено закружилось»...

1826.

Сѣверные Цвѣты на 1827 г.

ХСVІ.

ЭПИГРАММА.

Свитокъ истлѣвшій съ трудомъ развернули. Напрасны усилъя:
Въ старомъ свиткѣ прочли книгу, извѣстную всѣмъ.
Юноша! Къ Лидѣ ласкаясь, ты стараго тоже добьешься:
Лида подчасъ и тебѣ вымолвить слово: «люблю»!

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

ХСVІІ.

НА СМЕРТЬ Д. В. ВЕНЕВИТИНОВА.

ДѢВА.

Юноша милый! На мигъ ты въ наши игры вмѣшался!
Розѣ подобный красой, какъ Филомела, ты пѣлъ.
Сколько любовь потеряла въ тебѣ поцѣлуевъ и пѣсень!
Сколько желаній и ласкъ — новыхъ, прекрасныхъ, какъ
ты!

РОЗА.

Дѣва, не плачь! Я на прахъ его въ красотѣ расцвѣтаю.
Сладость онъ жизни вкусивъ, горечь оставилъ другимъ.
Ахъ! и любовь бы измѣною душу пѣвца отравила!
Счастливъ, кто прожилъ, какъ онъ, вѣкъ соловьиный и
мой!

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

ХСVІІІ.

УТѢШЕНІЕ.

Смертный, гонимый людьми и судьбой! разставаяся съ міромъ,
Злобу людей и судьбы сердцемъ прости и забудь!
Къ солнцу въ послѣднее взоръ обрати, какъ Руссо, и утѣшься:
Въ тернахъ заснувшіе здѣсь, — въ миртахъ пробудятся
тамъ.

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

ХСІХ.

СМЕРТЬ.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться намъ жалко:
Такъ не съ охотою мы старый смѣняемъ халатъ.

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

С.

И Д И Л Л І Я.

Нѣкогда Титиръ и Зоя, подъ тѣнью двухъ юныхъ платановъ,
Первыя чувства познали любви и, полные счастья,
Острымъ кремнемъ на корѣ сихъ деревъ имена начертали:
Титиръ — Зои, а Титира — Зоя, богу Эроту
Шумныхъ свидѣтелей страсти своей посвятивши. Подъ старость
Къ двумъ завѣтнымъ платанамъ они прибрели — и видятъ
Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.
Нимфы деревъ сихъ, тайною силой именъ сочетавшись,
Нынѣ въ древѣ двойномъ вождельнѣемъ на путника вѣютъ;
Нынѣ въ тѣни ихъ могила — въ могилѣ той Титиръ и Зоя.

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1828 г.

СІ.

С О Н Е Т Ъ.

Что вдали блеснуло и дымится,
Что за громъ раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнулъ, поднялъ гриву,
Звонко ржетъ, грызетъ узду, бодрится.

Снова блескъ... Громъ, грянувъ, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевсъ-ли то, гремя, летить на ниву,
И она, роскошная, плодится?

Нѣтъ! то — флотъ. Вотъ выплыли вѣтрилы,
Притекли — громада за громадой.
Нашъ Орелъ надъ русскою армадой

Распростеръ блистательныя крылы
И гласить: «Съ кѣмъ испытать мнѣ силы?
«Кто дерзнетъ и станетъ мнѣ преградой?»

1827.

Сѣверные Цвѣты на 1832 г.

СН.

С О Н Ъ.

«Мой суженый, мой ряженный,
Услышь меня, спаси меня!
Я въ третью ночь, въ послѣднюю,
Я въ вѣщемъ снѣ пришла къ тебѣ,
Забыла стыдъ дѣвическій!
Не волкомъ я похищена,
Не Волгою утоплена,
Не злымъ врагомъ утрачена:
По засѣкамъ гуляючи,
Я обошла лѣсничаго,
Косматаго, рогатаго;
Я сбилася съ тропы, съ пути,
Съ тропы, съ пути, съ дороженьки —
И встрѣтилась я съ вѣдьмою,
Съ заклятою завистницей
Красы моей—любви твоей».

«Мой суженый, мой ряженный,
Я въ вѣщемъ снѣ въ послѣднее
Къ тебѣ пришла: спаси меня!
Съ зарей проснись, росой всплеснись,
Съ крестомъ въ рукѣ пойдѣ къ рѣкѣ,
Благословясь пустися вплавь,
И къ берегу заволжскому
Тебя волна прибьетъ сама.

Во всей красѣ на берегѣ
Растетъ-цвѣтетъ шиповничекъ:
Въ шиповникѣ — душа моя:
Тоска — шины, любовь — цвѣты,
Изъ слезъ моихъ — роса на нихъ.
Росу собери, цвѣты сорви
И буду я опять твоя.»

— Обманчивъ сонъ, не вѣщій онъ!
По гробъ грустить мнѣ молодцу!
Не Волгой плыть, а слезы лить!
По Волгѣ бродъ — саженный ледъ,
По берегу же заволжскому
Мятесть, гудеть мятелица!

1828.

Сѣверные Цвѣты на 1829 г.

СІІ.

П Ъ С Н Я.

Сиротинушка-дѣвушка,
Полюби меня молодца,
Полюбя, приголубливай,
Мои кудри расчесывай.
Хорошо цвѣтку на полѣ,
Любо пташечкѣ на небѣ:
Сиротинушкѣ-дѣвушкѣ
Веселѣй того съ молодцемъ.
У меня въ дому волюшка,
Отъ бѣды оборонушка:
Что отъ дождичка кровелька,
Отъ жары дневной ставеньки;
Отъ лихой же разлучницы,
Отъ лукавой укащицы
На воротахъ замокъ висить,
Въ подворотенку песь глядитъ.

1828.

Подснежникъ 1829 г., № 1.

CIV.

Х О Р Ъ

для выпуска воспитанницъ Императорскаго Харьковскаго института.

Три или четыре голоса.

Подруги, скорбное прощанье
И намъ досталось на удѣлъ!
Какъ сновидѣнье, какъ мечтанье,
Златой нашъ возрастъ пролетѣлъ!...
Простите! Жизненное море
Уже принять готово насъ;
На немъ что встрѣтимъ? Счастье ль? Горе? —
Еще судьбы безмолвенъ гласъ!

Одинъ голосъ.

Но не безмолвенъ голосъ сердца!
Онъ громко мнѣ благовѣститъ:
Кто здѣсь призрѣлъ меня младенца, —
Меня и тамъ пріосѣнитъ.
И наша Матерь, наше счастье,
Отрада стороны родной,
Намъ будетъ въ жизненномъ ненастьѣ
Путеводительной звѣздой.

Х О Р Ъ.

Свѣти, свѣти, звѣзда Россіи!
Свѣти, безкровныхъ благодать!
Пусть долго съ именемъ Маріи
Мы будемъ радость сочетать!
А ты, святое Провидѣнье,
Внемли моленію дѣтей!
Она всѣхъ бѣдныхъ утѣшенье,
За нихъ воздателемъ будь ей!

1828.

Сѣверные Цвѣты на 1829 г.

CV.

Х О Р Ъ

изъ Колзиновой трагедіи «Поликсена».

Геліосъ, Геліосъ!
Тамъ въ безпредѣльности моря
Снова подъемлешь главу
Въ блескѣ лучей!

Горе мнѣ, горе!
Снова я плачу
Въ срътенъе бога!
Черезъ пучину —
Съ тяжкими вздохами
Слышишь мои ты стenanія!

* * *

Смолкните, смолкните
Вы, растерзанной груди
Муки жестокия!
Плѣнницѣ мнѣ
Горе, горе!
Скоро укажетъ мнѣ
Грозной рукою грекъ:
Скоро сокроется
Берегъ священный отечества!
Троя, Троя!
Ты не элинами
Ринута въ прахъ:
«Гибель, гибель!» —
Было грозныхъ безсмертныхъ
Вѣчное слово!
Пала — отгрянулъ Востокъ,
Западъ содрогнулся.

Троя, Троя!
Феба любимица,
Матерь воителей,
Жизнью кипѣвшая!
— Нынѣ пустыня, уголь, прахъ,
Нынѣ гробъ!
Плачьте, о плѣнницы,
Вашихъ супруговъ гробъ,
Вашихъ дѣтей!
Выплачьте горькую,
Выплачьте жизнь вы слезами!
Рокъ вашъ: плакать, плакать,
Къ долу прилечь,
Умереть!

1828.

Подсѣжникъ 1829 г., № 1.

CVI.

КОНЕЦЪ ЗОЛОТОГО ВѢКА.

идиллія.

Путешественникъ.

Нѣтъ, не въ Аркадіи я! Пастуха заунывную пѣсню
Слышать бы должно въ Египтѣ, иль Азіи Средней, гдѣ рабство
Грустною пѣсней привыкло существовать тяжкую тѣшить.
Нѣтъ, я не области Реи! О боги веселья и счастья!
Можетъ ли въ сердцѣ, исполненномъ вами, найтися начало
Звуку единому скорби мятежной, крику напасти?
Гдѣ-же и какъ ты, аркадскій пастухъ, воспѣвать научился
Пѣсню, противную вашимъ богамъ, посылающимъ радость?

Пастухъ.

Пѣсню, противную нашимъ богамъ! Путешественникъ, правъ ты.
Точно, мы счастливы были, и боги любили счастливыхъ.
Я еще помню оное свѣтлое время! Но счастье
(Послѣ узнали мы) гость на землѣ, а не житель обычный.
Пѣсню-же эту я выучилъ здѣсь; а съ нею впервые
Мы услышали и голосъ несчастья и, бѣдныя дѣти,
Думали мы—отъ него земля развалится, и солнце,
Свѣтлое солнце погаснетъ! Такъ первое горе ужасно!

Путешественникъ.

Боги! Такъ вотъ гдѣ въ послѣднее счастье у смертныхъ гостило!
Здѣсь его слѣдъ не пропалъ еще. Старецъ, пастухъ сей печальный,

Былъ на проводахъ гостя, котораго тщетно искалъ я
Въ дивной Колхидѣ, въ странахъ Атлантидовъ, Гипербореевъ,
Даже у края земли, гдѣ обильное розами лѣто
Кратче зимы Африканской; гдѣ солнце съ весною проглянетъ,
Съ осенью въ море уходитъ; гдѣ люди на темную зиму
Сномъ непробуднымъ, въ звѣриныхъ укрывшись мѣхахъ, за-
зыпаютъ.

Чѣмъ-же, скажи мнѣ, пастухъ, вы прогнѣвали бога Зевеса?
Горе раздѣлъ улаживаетъ; повѣдай мнѣ горькую повѣсть
Пѣсни твоей заунывной. Несчастье меня научило
Живо несчастьемъ другихъ сострадать. Жестокіе люди
Съ дѣтства гонятъ меня далеко отъ родимаго града.

Пастухъ.

Вѣчная ночь поглотитъ города! Изъ вашего града
Вышла бѣда и на бѣдную нашу Аркадію. Сядемъ
Здѣсь, на семь бреговъ, противъ платана, котораго вѣтви

Долгою тѣнью кроютъ рѣку и до насъ досягаютъ.—
Слушай-же. Пѣсня моя тебѣ показалась унылой?

Путешественникъ.

Грустной, какъ ночь!

Пастухъ.

А ее Амарилла прекрасная пѣла!

Юноша, къ намъ приходившій изъ города, эту пѣсню
Выучилъ пѣть Амариллу, и мы, незнакомые съ горемъ,
Звукамъ незнаемымъ весело, сладко внимали. И кто бы
Сладко и весело ей не внималъ? Амарилла, пастушка
Пышноволосая, стройная, счастье родителей старыхъ,
Радость подружекъ, любовь пастуховъ, была удивленье,
Рѣдкое Зевса твореніе, чудная дѣва, которой
Зависть не смѣла коснуться, и злоба, зажмурясь, бѣжала.
Сами пастушки съ ней не равнялись и ей уступали
Первое мѣсто съ прекраснѣйшимъ юношей въ пляскахъ ве-
чернихъ.

Но Хариты-богини живутъ съ красотой неразлучно:
И Амарилла всегда отклонялась отъ чести излишней.
Скромность, взаимнѣ предпочтенья, любовь ото всѣхъ получала.
Старцы отъ радости плакали, ею любуясь; покорно
Юноши ждали, кого Амарилла сердцемъ замѣтитъ,
Кто изъ прекрасныхъ, младыхъ пастуховъ назовется сча-
стливцемъ?

Выборъ упалъ не на нихъ. Клянуса богомъ Эротомъ,
Юноша, къ намъ приходившій изъ города, нѣжный Мелетій,
Сладкорѣчивый, какъ Эрмій, былъ Фебу красою подобенъ,
Голосомъ—Пана искуснѣй! Его полюбила пастушка.
Мы не роптали. Мы не винили ее. Мы въ забвеньи
Даже думали, глядя на нихъ: «Вотъ Арей и Киприда
Ходятъ по нашимъ полямъ и холмамъ; онъ въ шлемѣ бле-
стящемъ,

Въ мантии пурпурной, длинной, небрежно спустившейся сзади,
Сжатой камнемъ драгимъ на плечѣ бѣлоснѣжномъ. Она-же
Въ легкой одеждѣ пастушки простой, но не кровь, а без-
смертье,

Видно, не менѣе въ ней протекаетъ по членамъ нетлѣннымъ». .
Кто-жъ бы дерзнулъ и помыслить изъ насъ, что душой онъ
коваренъ,

Что въ городахъ—и образъ прекрасный, и клятвы—преступны!
Я былъ младенцемъ тогда. Бывало, обнявши руками
Бѣлыя, нѣжныя ноги Мелетія, смирно сажу я,
Слушая клятвы его Амариллѣ, ужасныя клятвы

Всѣми богами: любить Амариллу одну и съ нею
Жить неразлучно у нашихъ ручьевъ и въ нашихъ долинахъ.
Клятвамъ свидѣтелемъ я былъ; Эровымъ сладостнымъ тайнамъ
Гамадріады присутственны были. Но что-жъ? И весны онъ
Съ нею не прожилъ, ушелъ невозвратно! Сердце простое
Черной измѣны постичь не умѣло. Его Амарилла
День, и другой, и третій ждетъ—все напрасно! О всемъ ей
Грустные мысли приходятъ, кромѣ измѣны: не вепрь-ли,
Какъ Адониса, его растерзалъ; не раненъ-ли въ спорѣ
Онъ за игру, всѣхъ легче тяжелые круги метая?
«Въ городѣ, слышала я, обитаютъ болѣзни! Онъ боленъ!»
Утромъ четвертымъ вскричала она, обливаясь слезами,
«Въ городъ къ нему побѣжимъ, мой младенецъ!» И сильно
схватила

Руку мою и рванула, и съ ней мы, какъ вихрь, побѣжали.
Я не успѣлъ, мнѣ казалось,дохнуть, и ужъ городъ предъ нами—
Каменный, многообразный, съ садами, столпами—открылся;
Такъ облака передъ завтрашней бурей на небѣ вечернемъ
Разные виды съ отливами красокъ чудесныхъ пріемлютъ.
Дива такого я и не видывалъ! Но удивленью
Было не время. Мы въ городъ вбѣжали, и громкое пѣнье
Насъ поразило: мы стали. Видимъ: толпой передъ нами
Стройныя жены проходятъ въ бѣлыхъ, какъ снѣгъ, покрывалахъ.
Зеркало, чаши златыя, ларцы изъ кости слоновой
Женщины чинно за ними несутъ. А младыя рабыни
Рѣзвыя, громкоголосыя, съ персей по поясъ нагія,
Около блещутъ очами лукавыми въ пляскѣ веселой,
Скачутъ—кто съ бубномъ, кто съ тирсомъ, одна-жъ головою
кудрявой

Длинную вазу несутъ и подъ пѣсни тарелками плещетъ.
Ахъ, путешественникъ добрый, что намъ рабыни сказали!
Стройныя жены вели изъ купальни младую супругу
Злого Мелетія.—Сгибли желанья, исчезли надежды!
Долго въ толпу Амарилла смотрѣла и, вдругъ зашатавшись,—
Пала. Холодъ въ рукахъ и ногахъ,—и грудь безъ дыханья!
Слабый ребенокъ, не зналъ я, что дѣлать. Отъ мысли ужасной
— Страшной и нынѣ вспомнить,—что болѣе нѣтъ Амариллы,
Я не плакалъ, а чувствовалъ: слезы, сгустившись въ камень,
Жали внутри мнѣ глаза и горячую голову гнули.
Но еще жизнь въ Амариллѣ, къ несчастью ея, пламенѣла:
Грудь у нея поднялась и забила; лицо загорѣлось
Темнымъ румянцемъ; глаза, на меня проглянувъ, помутились...
Вотъ и вскочила, вотъ побѣжала изъ города, будто
Гнали ее Эвмениды, суровыя дѣвы Айдеса.

Быль-ли, младенецъ, я въ силахъ догнать злополучную дѣву!
Нѣтъ... я нашелъ ужъ ее въ сей рощѣ, за этой рѣкою,
Гдѣ искони возвышается жертвенникъ богу Эроту,
Гдѣ для священныхъ вѣнковъ и цвѣтникъ разведенъ благо-
вонный

Встарь, четою счастливой!— и гдѣ ты не разъ, Амарилла,
Съ вѣрою сердца невиннаго, клятвамъ преступнымъ внимала.
Зевсъ милосердый! съ визгомъ какимъ и съ какою улыбкой
Въ рощѣ сей пѣсню она выводила! Сколько съ корнями
Разныхъ цвѣтовъ въ цвѣтникѣ нарвала и какъ быстро плела ихъ!
Скоро странный нарядъ изготовила. Цѣлыя вѣтви,
Розами пышно обвитыя, словно роги, торчали,
Дико изъ вязей вѣнка многоцвѣтнаго, чудно-большого;
Плющъ же широкой цѣпами съ вѣнка по плечамъ и по пер-
сямъ

Длинный спадалъ и, шумя, по землѣ волочился за нею.
Такъ разодѣтая, важно, съ поступью Иры богини,
Къ хижинамъ нашимъ пошла Амарилла. Приходитъ, что-же?
Мать и отецъ ее не узнали; запѣла,—и въ старыхъ
Трепетомъ новымъ забились сердца, предвѣщателемъ горя.
Смолкла и въ хижину съ хохотомъ дикимъ вбѣжала и съ
видомъ

Грустнымъ стала просить удивленную мать: «Родная,
Пой, если любишь ты дочь, и пляши: я счастлива, счастлива!»
Мать и отецъ, не понявъ, но услышавъ ее, зарыдали.
«Развѣ была ты когда несчастлива, дитя дорогое?»
Дряхлая мать, съ напряженіемъ, слезы унявъ, спросила.
«Другъ мой здоровъ! Я невѣста! Изъ города пышнаго выйдутъ
«Стройныя жены, рѣзвыя дѣвы на встрѣчу невѣстѣ.
«Тамъ, гдѣ снѣ молвилъ впервые «люблю» Амариллѣ пастушкѣ,
«Тамъ изъ подъ тѣни завѣтнаго древа, счастливица, вскрикну:
«Здѣсь я! Здѣсь я! Вы, стройныя жены, вы рѣзвыя дѣвы!
«Пойте: Гименъ, Гименей! и ведите невѣсту въ купальню.
«Что жъ не поете вы? Что жъ вы не пляшете? Пойте! Пляшите!»

Скорбные старцы, глядя на дочь, безъ движенія сидѣли,
Словно мраморъ, обильно обрызганный хладной росой.
Еслибъ не дочь, но иную пастушку привелъ жизнедавецъ
Видѣть и слышать такой пораженной небесною карой,
То и тогда-бъ превратились несчастные въ томностенящій
Слезный источникъ; нынѣ-жъ, тихо склоняся другъ къ другу,
Сномъ послѣднимъ заснули они. Амарилла запѣла,
Гордымъ взоромъ нарядъ свой окинувъ, и къ древу свиданья,
Къ древу любви измѣнившей пошла. Пастухи и пастушки,
Пѣсней ея привлеченные, весело, шумно сбѣжались

Съ нѣжною ласкою къ ней—ненаглядной, любимой подругѣ.
Но... Нарядъ ея, голосъ и взглядъ!... Пастухи и пастушки
Робко назадъ отшатнулись и, молча, въ кусты разбѣжались.
Бѣдная наша Аркадія! Ты ли тогда измѣнилась,
Наши-ль глаза, въ первый разъ увидавшіе близко несчастье,
Мрачнымъ туманомъ подернулись! Вѣчно-зеленые сѣни,
Воды кристальныя,—всѣ красоты твои страшно поблекли.
Дорого боги цѣнятъ дары свои! Намъ ужъ не видѣтъ
Снова веселья! Еслибъ и Рея съ милостью прежней
Къ намъ возвратилась, — все было бъ напрасно! Веселье и
счастье

Схожи съ первой любовью: смертный единожды въ жизни
Можетъ упиться ихъ полною, дѣвственной сладостью! Зналъ ты
Счастье, любовь и веселье? такъ понялъ,—и смолкнемъ объ
ономъ.

Страшно-поющая дѣва стояла уже у платана,
Плющъ и цвѣты съ наряда рвала и ими прилежно
Древо свое украшала. Когда же нагнулася съ берега,
Смѣло за пруть молодой ухватившись, чтобъ цѣпью цвѣточной
Эту вѣтвь обвязать, до насъ достающую тѣнью,—
Пруть, затрещавъ, обломился; и съ берега она полетѣла
Въ волны, несчастная! Нимфы ли водъ, красоту сожалья
Юной пастушки, спасти ее думали; платье ль сухое,
Кругомъ широкимъ поверхность воды обхвативъ, не давало
Ей утонуть?—не знаю; но долго, подобно Наядѣ,
Зримаю только по грудь, Амарилла стремленьемъ неслася,
Пѣсню свою распѣвая, не чувствуя гибели близкой,
Словно во влагѣ рожденная древнимъ отцомъ Океаномъ.
Грустную пѣсню свою не окончивъ,—она потонула.
Ахъ, путешественникъ, горько! Ты плачешь?—Бѣги же отсюда!
Въ земляхъ иныхъ ищи ты веселья и счастья! Ужели
Въ мірѣ ихъ нѣтъ, и отъ насъ, отъ послѣднихъ, ихъ по-
звали боги?

Примѣчаніе. Читатели замѣтятъ въ концѣ сей идилліи
близкое подражаніе Шекспирову описанію смерти Офеліи.
Сочинитель, благоговѣя къ поэтическому дару великаго бри-
танскаго трагика, радуется, что могъ повторить одно изъ
прелестнѣйшихъ его созданій.

1828.

Изданіе 1829 г.

CVII.

Ц Е Ф И З Ъ.

Идиллія.

(Е. А. Б... ому.)

Мы еще молоды, Лидій! вокругъ шеи кудри віются;
Рдѣютъ, какъ яблоко, щеки, и свѣжія губы алѣютъ
Въ быстрые дни молодыхъ поцѣлуевъ. Но скоро-ль, не скоро-ль
Все жъ мы, пастухъ, состарѣмся; все жъ подурнѣемъ, а Дафна,
Эта шалунья, насмѣшница, вдругъ подрастетъ и, какъ роза,
Вешнимъ утромъ расцвѣтшая, насъ ослѣпитъ красотою:
Поздно тогда къ ней ласкаться, поздно и тщетно! Вертушка
Врядъ поцѣлуетъ сѣдыхъ и, локтемъ подругу толкая,
Скажетъ съ насмѣшкою: «Взглянь, — вотъ бабушкинъ милый
любовникъ!»

«Какъ же щеки румяны! Какъ густы волнистыя кудри!
«Голосъ его — соловьиный, а взоръ его, прямо, орлиный!»
— Смѣйся, мы скажемъ ей, смѣйся! И мы насмѣхались, бывало!
Здѣсь проходчиво все — одна непроходчива дружба! —
«Здравствуй, здравствуй, Филинтъ! Давно мы съ тобой не видались.
«Вѣкъ не забуду я дня, который тебя возвратилъ мнѣ,
«Мой добродѣтельный старецъ! Милый другъ, твои кудри
«Старость не скупно осыпала снѣгомъ! Приди же къ Цефизу;
«Здѣсь отдохни подъ прохладой тѣней: тебя ожидаютъ
«Сочный въ саду виноградъ и плодами румяная груша!»
— Такъ Цефизъ говорилъ съ младенчества милому другу,
Старца обнялъ, затворъ отшатнулъ и ввелъ его въ садикъ.
Съ груши одной Филинтъ плоды вкушалъ и хвалилъ ихъ.
И Цефизъ ему весело молвилъ: «Пріятель, отнынѣ
«Дерево это — твое, а я отъ холодной мятели
«Буду прилежно его укутывать теплой соломой:
«Пусть оно для тебя и цвѣтетъ, и плодомъ богатѣетъ!»
Но не Филинту оно и цвѣло, и плодомъ богатѣло:
Въ ту же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ жизнедавца
Такъ же мирно уснуть, хоть и бѣднымъ, но добрымъ. Псдъ
грушей

Старца онъ схоронилъ и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.
Часто слыхалъ онъ, когда простирала луна отъ деревьевъ
Влажныя, долгія тѣни, священное листьевъ шептанье;
Часто изъ гроба таинственный гласъ исходилъ, — и, казалось,
Былъ благодарности гласъ онъ. И небо давало Цефизу
Много съ тѣхъ поръ и грушъ благовонныхъ, и гроздій про-
зрачныхъ.

1828.

Изданіе 1829 г.

CVIII.

ДАМОНЪ.

Идиллія.

Вечернее солнце катилось по жаркому небу,
И западь, сліянный съ краями далекими моря,
Готовый блестящаго бога принять, загорался;
Въ долинахъ, на холмахъ звучали пастушьи свирѣли;
По холмамъ, долинамъ бѣжали стада и шумѣли;
Въ прохладѣ и блескѣ катилися волны Алфея.

Дамонъ, вдохновенный пѣвецъ, добродѣтельный старецъ,
Изъ хижины вышелъ и сѣлъ у дверей на порогъ.
Ужъ семьдесятъ разъ онъ первыми розами лиру
И длинныя кудри свои украшалъ, воспѣвая
На праздникъ пышномъ весны и веселье, и радость,
А въ юности зрѣлой Камены его полюбили.
Но старость, лишивъ его силъ, убѣливъ ему кудри
Отнять у него не могла вдохновеннаго дара
И свѣтлой веселости: ихъ добродѣтель хранила!
И старецъ улыбкой и взоромъ привѣтливымъ встрѣтилъ
Отвсюду бѣгущихъ къ нему пастуховъ и пастушекъ.
«Любезный Дамонъ, нашъ пѣвецъ, добродѣтельный старецъ!
«Намъ пѣсню ты спой, веселую пѣсню!» кричали,
«Мы любимъ, послѣ трудовъ и полдневнаго жара,
«Въ тѣни близъ тебя отдыхать подъ веселыя пѣсни!
«Не самъ ли ты пѣлъ, что внушенныя музами пѣсни
«На сердце больное, усталое вѣютъ прохладой,
«Которая слаще прохлады, изъ урны Алфея,
«Съ разсвѣтомъ лиющей, слаще прохлады, лилеямъ
«Свѣжестъ дающей росы, и вина вѣковаго,
«Въ амфорахъ хранимаго дѣдами, внукамъ на радость!
«Что, добрый, не такъ ли ты пѣлъ намъ?» Дамонъ улыбнулся.
Онъ съ юности ранней до поздняго вечера жизни
Ни въ чемъ не отказывалъ дѣвамъ и юношамъ милымъ;
И какъ отказать? Убѣдительно, сладки ихъ просьбы:
Въ прекрасныхъ устахъ и улыбка, и рѣчи прекрасны.
Взглянулъ онъ на Хлою, перстомъ погрозилъ ей и молвилъ:
«Смотри, чтобъ не плакать! И ты попадешь въ мою пѣсню!»
Взялъ лиру, задумался, къ солнцу лицомъ обратился,
Ударилъ по струнамъ и началъ хвалою безсмертнымъ:

«Прекрасенъ твой даръ, Аполлонъ,—вдохновенныя мысли!
«Кого ты полюбишь, къ тому и рано, и поздно
«Въ смиренную хижину любятъ слетаться Камены.
«О Эрмій, возвышенъ твой даръ:—убѣдительность рѣчи!

«Ты двигаешь силою слова и разумъ, и душу!
«Какъ вашихъ даровъ не хвалить, о Гименъ, о Паллада!
«Что бѣдную жизнь улаживаетъ? — Подруга и мудрость.
«Но выше, безцѣнный всего — Эротъ и Киприда!
«Даяніе ваше — красою цвѣтущая младость!
«Красивы тюльпанъ, и гвоздика, и макъ пурпуровый,
«Ясминъ и лилея красивы: но краше ихъ роза!
«Пріятны крылатыхъ пѣвцовъ сладкозвучныя пѣсни:
«Пріятнѣй полночное пѣнье твое, Филомела!
«Всѣ ваши прекрасны дары, о бессмертные боги!
«Прекраснѣе всѣхъ — красотою цвѣтущая младость,
«Прекраснѣй, проходчивѣй всѣхъ. Пастухи и пастушки!
«Любовь съ красотою не жители, — гости земные;
«Блестятъ, какъ роса; какъ роса и взлетаютъ на небо.
«А тщетны безъ нихъ намъ и мудрость, и даръ убѣжденья!
«Крылатыхъ гостей не прикличешь и лирой Орфея!
«Всѣ, други, вы скажете скоро, какъ дѣдъ говорить вашъ:
«Бывало — любили меня, а нынче не любятъ...
«Да вотъ и вчера... Что краснѣешь ты, Хлоя? Взгляните,
«Взгляните на щеки ея: какъ шиповникъ алѣютъ!
«Глядите: по нимъ двѣ росинки, блестя, покатались!
«Не вправду ль тебѣ говорилъ я: смотри, чтобъ, не плакать! —
«И ты попадешь въ мою пѣсню: сказалъ — и исполню!» —
И всѣ оглянулись на Хлою прекрасную. Хлоя
Щеками горячими робко прижалась къ подругѣ,
И шепотъ веселый и шумъ въ пастухахъ пробудила.
Дамонъ, улыбаясь на шумъ ихъ и шепотъ веселый,
Громчей заигралъ и запѣлъ веселѣй и быстрѣе.
«Вчера, о друзья, у прохладной пещеры, гдѣ нимфы,
«Игривыя дщери Алфея и ближнихъ потоковъ,
«Расчесывать кудри зеленныя любятъ сходиться
«И вторить со смѣхомъ и пѣснямъ, и клятвамъ любовнымъ,
«Тамъ встрѣтилъ я Хлою. — Старинушка добрый, спой пѣсню, —
«Она мнѣ сказала. — Съ охотой, пастушка, съ охотой!
«Но даромъ я пѣсенъ не пѣлъ никогда для пастушекъ:
«Сперва подари что-нибудь: я спою. — Что могу я
«Тебѣ подарить? Вотъ вѣнокъ я сплела! — О прекрасенъ,
«Красиво сплетенъ твой вѣнокъ: но вѣнка мнѣ ненадо.
«— Свирѣлку возьми! — Мнѣ свирѣлку? Красавица, самъ я
«Искусно клею ихъ воскомъ душистымъ. — Такъ что же
«Тебѣ подарю я? Возьмешь ли корзинку? Мнѣ нынче
«Ее подарилъ мой отецъ; а ты знаешь, корзинки
«Плететь онъ прекрасно; но, дѣдушка, что же молчишь ты?
«Зачѣмъ головой ты качаешь? Иль этого мало?

«Возьми же въ придачу ты овцу любую! — Шалунья,
«Шалунья, не знать въ твои годы, чѣмъ платять за пѣсни!
«— Чего же тебѣ? — Поцѣлуя! — Чего? — Поцѣлуя!
«— Какъ этой бездѣлицы? — Ахъ, за нее бы я отдалъ
«Не только вѣнокъ, и свирѣлку, корзинку и овцу:
«Себя самого! Поцѣлуй же! — Ахъ, дѣдушка добрый!
«Всѣ овцы мои разбѣжались! Чтобъ волкъ ихъ не встрѣтилъ!
«Прощай, побѣгу я за ними! — Сказала и мигомъ,
«Какъ легкая серна, какъ нимфа дубравная, скрылась.
«Взглянулъ я на кудри сѣдыя, вздохнулъ и промолвилъ:
«Цвѣтъ бѣлый пастушкамъ пріятенъ въ нарцисахъ, въ лилеяхъ,
«А бѣлыя кудри пастушкамъ не милы. Вотъ, други,
«Вамъ пѣсня моя: весела ли—судите вы сами».

Умолкъ. Всѣ хвалили веселую пѣсню Дамона,
А Хлоя дала поцѣлуй — такъ хотѣли пастушки —
Сѣдому слагателю пѣсней игривыхъ и сладкихъ,
И радость блеснула во взорахъ пѣвца. Возвращаясь
Къ своимъ шалашамъ, пастухи и пастушки: О боги,
Молились, пошлите вы намъ добродѣтель и мудрость!
Пусть весело встрѣтимъ мы старость, подобно Дамону!
Пусть такъ-же безъ грусти, но съ тихой улыбкою скажемъ:
«Бывало любили меня, а нынче не любятъ!»

1828.

Изданіе 1829 г.

СІХ.

НАДПИСЬ НА СТАТУЮ ФЛОРЕНТИНСКАГО МЕРКУРІЯ.

Персть указываетъ на даль, на главѣ развилися крылья,
Дышетъ свободою грудь; съ легкостью дивною онъ,
Въ землю удара крылатой ногой, кидается въ воздухъ...
Мигъ — и умчится! Таковъ полный восторга пѣвецъ!

1828.

Изданіе 1829 г.

СХ.

ЭПИЛОГЪ.

Такъ пѣвалъ безъ принужденья,
Какъ на вѣткѣ соловей,
Я живыя впечатлѣнья
Полной юности моей.

Счастливъ другомъ, — милой дѣвѣ
Все искалъ душою я,
И любви моею напѣвы
Долго кликали тебя.

1828.

Изданіе 1829 г.

СХІ.

П Ъ С Н Я.

Не воркуй, касаточка,
Сидя въ темномъ гнѣздышкѣ,
Подъ кустомъ малиновымъ, —
Не воротишь милаго
Тяжкою печалію:
Злой стрѣлокъ убилъ его
И разсѣялъ по полю
Перья его чистыя.
Не тоскуй, красавица,
Вспоминая милаго,
Друга юныхъ дней своихъ;
Злые люди съ зависти
Погубили молодца
И сокрыли сираго
Подъ землею хладною,
Снѣгомъ занесенною.

1829 г.,

Полярная Звѣзда на 1832.

СХІІ.

КЪ П. А. ПЛЕТНЕВУ.

Броженіе юности унялось,
Остепенился твой поэтъ:
И вотъ ему, что отстоялось
Отъ прежнихъ дѣлъ, отъ прежнихъ лѣтъ.

Тутъ все, знакомое субботамъ,
Когда мы жили жизнью всей,
И расходились на шесть дней:
Я — снова къ лѣни, ты — къ работамъ.

1829.

Литер. газета 1830 г., т. II.

СХІІІ.

П Ъ С Н Я.

И я выйду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезномъ горевать;
Какъ у этого ль колечка
Онъ въ послѣднее стоялъ
И печальное словечко
Мнѣ, прощаючись, сказалъ:
«За турецкой за границей,
Въ басурманской сторонѣ,
По тебѣ лишь по дѣвицѣ
Слезы лить досталось мнѣ!...

.
.

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1832 г.

СХІV.

П Ъ С Н Я.

Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ,
По слободкѣ той дороженька бѣжитъ;
Путь - дорожка широка, да недлинна,
Разбѣгается въ двѣ стороны она:
Какъ налѣво — на кладбище къ мертвецамъ,
А направо — къ Закавказскимъ молодцамъ.
Грустно было провожать мнѣ молодой
Двухъ родимыхъ и по той, и по другой:
Обручальника по лѣвой проводя,
Съ плачемъ матерью-землей покрыла я;
А налетный другъ уѣхалъ по другой,
На прощанье мнѣ кивнувши головой...

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1832 г.

СХV.

МАЛОРОССІЙСКАЯ МЕЛОДІЯ.

Я ль отъ стараго бѣжала,
Въ полночь травы собирала,
Травы съ росами мѣшала:
Все о волѣ чаровала.

Птичкѣ волю — сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?...
Дайте, дайте, погуляю,
Какъ та рыбка по Дунаю,
Какъ та рыбка съ окунями, —
Я молодка съ молодцами;
Какъ та рыбка со плотвою, —
Я съ прилукой-красотою.

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХ VI.

ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ.

Вмѣстѣ съ няней, фантазія тѣшитъ игрушкой младенцевъ:
Даже во снѣ ихъ уста сладкой улыбкой живить;
Вмѣстѣ съ любовницей, юношу мучить, маня постоянно
Въ лучшій и лучшій міръ новой и новой красой.
Мужа степеннаго лавромъ иль вѣткой дубовой прельщаетъ;
Бѣдному жъ старцу она тщетнымъ ничѣмъ не блеситъ!
Нѣтъ! на землѣ опустѣвшей кажетъ печальную урну
Съ прахомъ потерянныхъ благъ, съ надписью: «Въ небѣ
«найдешь!»

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХ VII.

У ДѢЛЪ ПОЭТА.

Юноша.

Сладко! Еще перечту! О, слава тебѣ, пѣснопѣвецъ!
Дивно-глубокую мысль въ звучную ткань ты облекъ!
Въ чьихъ ты, счастливецъ, роскошныхъ садахъ надышался
весною?

Гдѣ нажурчали ручьи говоръ любовный тебѣ?

Геній поэта.

Гдѣ? Я нашелъ пѣснопѣвца на ложѣ недуга, бѣднѣе
Старца Гомера, грустнѣй Тасса, страдальца любви!
Но я такимъ заставлялъ и Камоэнса въ дикой пещерѣ,
Такъ и Сервантесъ со мной скорбь и тюрьму забывалъ!

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХVШ.

Г Р У С Т Ъ .

Счастливъ, здоровъ я! Чтò жь сердце грустить? Грустить не
о прежнемъ —

Нѣтъ, не грядущаго страхъ жметъ и волнуетъ его!
Что же? Иль въ мигъ сей родная душа разстается съ землею?
Иль мной оплаканный другъ вспомнилъ на небѣ меня?

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХІХ.

П Ъ С Н Я .

По небу
Тучи громовыя ходятъ;
По полю
Пули турецкія свищутъ.
Молодцу-ль
Грома и пули бояться?
Что же онъ
Голову клонить да плачетъ?
Бѣдному
Жаль не себя, горемыки, —
Жаль ему
Душечки красной дѣвицы.
Дѣвушку
Грозный отецъ принуждаетъ;
Красную
Жалобно матушка молить:
«Дитяtko,
Выдь за богатаго замужъ!
Милое,
Выдь: и не вспомнишь солдата!»

1829.

Денница на 1830 г.

СХХ.

П Ъ С Н Я .

Какъ у насъ ли на кровелькѣ,
Какъ у насъ ли на крашеной, —
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки-ласточки;

Соч. барона Дельвига, т. VII.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Щебетали, чиликали,
Не собравшихся кликали:
«Вы слетайтесь, не медлите,
«Въ путь дороженьку пустимся!
«Красны дни миновались,
«Вдоволь вы наигрались;
«Здѣсь не ждать же вамъ гибели
«Отъ мороза трескучаго!»

Государь ты мой, батюшка,
Государыня-матушка!
Меня суженый сватаетъ,
Меня ряженный сватаетъ:
Поспѣшите, не мѣшчайте,
Меня поѣзду выдайте,
Съ хлѣбомъ-солю, съ образомъ,
Съ красотой проходящею!
Мнѣ не вѣкъ вѣковать у васъ;
Не сидѣть же все дѣвицей,
Безъ любви и безъ радости,
До ворчуньи ль до старости.

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХХІ.

П Ъ С Н Я.

Что ты, пастушка, приуныла?
Не пляшешь, не поешь?
Къ колѣнамъ руки опустила,
Идешь—и не идешь?
Во взорѣ, въ поступи—томленье,
Въ щекахъ пылаетъ кровь;
Ты и въ тоскѣ и въ восхищеньи:
Навѣрно то—любовь!
Ага! закрылася руками,
Мнѣ отвѣчаешь: нѣтъ!
Не закрывай лица руками,
Не отвѣчай мнѣ: нѣтъ!
Я слышалъ, Хлоя, отъ пастушекъ,
Кто въ насъ волнуетъ кровь;
Я слышалъ Хлоя, отъ пастушекъ
Разказы про любовь!

1829.

Царское Село на 1830 г.—Роза Грацій на 1831 г.

СХХІІ.

П О Э Т Ъ.

Долго на сердцѣ хранить онъ глубокія чувства и мысли,
Мнится—съ нами, людьми, ихъ онъ не хочетъ дѣлить.
Изрѣдка,—такъ-ли, по волѣ-ль небесной, вдругъ запоетъ онъ:
Боги! въ пѣсняхъ его счастье, и жизнь, и любовь!
Все, какъ въ винѣ вѣковомъ, початомъ для гостя родного,
Чувства ласкаетъ равно: цвѣтъ, благовонье и вкусъ!
1829.

Литературная Газета, 1830 г., т. II.

СХХІІІ.

СЛЕЗЫ ЛЮБВИ.

Сладкія слезы первой любви! Какъ роса, вы изсохли!
— Нѣтъ, на безсмертныхъ цвѣтахъ въ свѣтломъ раю мы
блестимъ!

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХХІV.

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Други, други! Радость
Намъ дана судьбой!
Пейте жизни сладость
Полною струей!

Прочь отъ насъ печали!
Прочь, толпа заботъ!
Юныхъ увѣнчали
Бахусъ и Эротъ.

Пусть трещать морозы,
Вѣтръ свиститъ въ окно:
Намъ напомнить розы
Съ Мозеля вино.

Насъ любовь лелѣетъ,
Насъ въ молодые дни,
Какъ весна, согрѣетъ
Поцѣлуй любви.

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХХV.

ОТСТАВНОЙ СОЛДАТЪ.

Русская идиллія.

Солдатъ.

Нѣтъ, не звѣзда мнѣ изъ лѣсу свѣтила:
Какъ звѣздочка, манилъ меня часъ цѣлый
Огонь вашъ, братцы! Кашицу себѣ
Для ужина варите? Хлѣбъ да соль!

Пастухи.

Спасибо, служба! Хлѣба кушать!

Солдатъ.

Быть такъ!

Благодарю васъ. Я усталъ порядкомъ.
Ну, костыли мои, вамъ роздыхъ! Рядомъ
Я на траву васъ положу, и подлѣ
Присяду самъ. Да, верстъ пятнадцать
Ушелъ я въ вечеръ.

1-й пастухъ.

А идешь откуда?

Солдатъ.

А изъ Литвы, изъ Виленской больницы.
Вотъ какъ изъ матушки-Россіи ладно
Мы выгнали гостей незваныхъ, — я
На первой заграничной перестрѣлкѣ,
Бѣда такая, — безъ ноги остался!
Товарищи меня стащили въ Вильну;
Съ годъ лѣкаря и тѣмъ, и сѣмъ лѣчили, —
И вотъ какимъ, злодѣи, отпустили.
Теперь на костыляхъ бреду кой-какъ
На родину, за Курскъ, къ женѣ и сестрамъ.

2-й пастухъ.

На руку! Обопрись! Да не сюда,
А на тулупъ раскинутый ложись!

Солдатъ.

Спасибо, другъ! Господь тебѣ заплатитъ!
Ахъ, братцы! Что за рай земной у васъ
Подъ Курскомъ! Въ этотъ вечеръ, словно чудомъ,
Помолодѣлъ я, вволю надышавшись
Тепломъ и запахомъ цѣлебнымъ! Любо,

Легко мнѣ въ воздухѣ родномъ, какъ рыбкѣ
Въ рѣкѣ студеной! Въ царствахъ многихъ былъ я,
Попробовалъ вездѣ весны и лѣта!
Въ иныхъ краяхъ земля благоухаетъ,
Какъ въ свѣтлый праздникъ русска генеральша, —
И дорого, и чудно, — да не мило!
Не такъ, какъ тутъ! Здѣсь цѣлымъ тѣломъ дышешь,
Здѣсь всѣ суставчики въ себя впиваютъ
Простой, но сладкій, теплый воздухъ; — словомъ
Здѣсь нѣжишься, какъ въ банѣ старыхъ баръ!
И спать не хочется! Игралъ бы все
До солнышка въ дѣвичьемъ хороводѣ.

3-й пастухъ.

И мы бѣ, землякѣ, играть не отказались!
Да лихъ — нелзя! Село далеко! Стадо-жъ
Покинуть безъ присмотра, положившись
Лишь на собакъ, — опасно: самъ ты знаешь.
Какъ быть!... Но вотъ и каша поспѣла:
Перекрестяся, примемся за ужинъ,
А послѣ, если къ сну тебя не клонить,
То Расскажи намъ — говоришь ты складно —
Про старое свое житье-бытье!
Я, чай, вездѣ бывалъ ты, все видалъ:
И домовыхъ, и водяныхъ, и лѣшихъ,
И маленькихъ людей, живущихъ тамъ,
Гдѣ край земли сошелся съ краемъ неба,
Гдѣ можно въ облако любое вбить
Крючекъ иль гвоздь и свой кафтанъ повѣсить.

Солдаты.

Вздоръ мелешь, малый! Уши вянуть! Полно!
Старухи врутъ вамъ, грѣясь на печи,
А вы имъ вѣрите! Какія черти
Крещеному солдату захотятъ
Представиться? Да нынѣ-жъ человекъ
Лукавый бѣса! Нѣтъ, другое чудо
Я видѣлъ, — и не въ ночь до пѣтуховъ,
Но днемъ оно предъ нами совершилось.
Вы слышали ль, какъ заступился Богъ
За православную державу нашу?
Какъ сжалился Онъ надъ Москвой горящей,
Надъ бѣдною землею, не посѣвомъ, —
А вражьими ватагами покрытой,
И раннюю зиму послалъ намъ въ помощь,

Зиму съ морозами, какіе только
Въ Николинъ день, да около Крещенья
Трещатъ и за щеки и уши щиплютъ?
Свѣжо намъ стало, а французамъ туго!
И жалко, и смѣшно ихъ даже вспомнить!
Окутались отъ стужи, чѣмъ могли,—
Кто шитой душегрѣйкой, кто лохмотьемъ,
Кто ризою поповской, кто рогожей;
Убрались всѣ, какъ святочные хари,—
И ну бѣжать скорѣе изъ Москвы!
Недалеко ушли же! На дорогѣ
Морозъ схватилъ ихъ и заставилъ ждать
Дня суднаго на мѣстѣ преступленья:
У Божьей церкви, ими оскверненной,
Въ разграбленномъ амбарѣ, у села,
Сожжоннаго ихъ буйствомъ! — Мы, бывало,
Окончивъ трудный переходъ, сидимъ,
Какъ здѣсь, вокругъ огня, и варимъ щи,
А около лежатъ, какъ это стадо,
Замерзлые французы. Какъ лежатъ!
Когда бъ не лица ихъ и не молчанье,
Подумалъ бы, — живые на бивакѣ
Комедію ломаютъ: тотъ уткнулся
Въ костеръ горящій головой; тотъ — лошадь
Взвалилъ, какъ шубу, на себя; другой
Ея копыто гложетъ; тѣ жъ, какъ братья,
Обнялись крѣпко и другъ въ друга зубы
Вонзили, какъ враги!

Пастухи.

Ухъ! страшно! страшно!

Солдаты.

А между тѣмъ, курьерскій колокольчикъ,
Вотъ какъ теперь, и тамъ гремитъ, и тамъ
Прозвякнетъ на морозѣ: отовсюду
Везутъ извѣстья о побѣдахъ въ Питеръ
И въ обгорѣлую Москву.

1-й пастухъ.

Э, братцы!

Смотрите: вотъ и къ намъ телѣжка скачетъ,
И офицеръ про что-то ямщику
Кричитъ; ямщикъ ужъ держитъ лошадей...
Не спросятъ ли о чемъ насъ?

Солдаты.

Помоги

Мнѣ встать: солдату вытянуться надо...

Офицеръ

(подъѣхавъ).

Огня, ребята, закурить мнѣ трубку!

Солдаты.

Въ минуту, ваше благородье!

Офицеръ.

Ба,

Товарищъ, ты какъ здѣсь?

Солдаты.

Къ женѣ и сестрамъ

Домой тащуся, ваше благородье,
За рану въ чистую уволенъ.

Офицеръ.

Съ Богомъ!

Снеси жъ къ своимъ хорошее извѣстье:
Мы кончили войну въ столицѣ вражьей:
Въ Парижѣ русскіе отмстили честно
Пожаръ Московскій! Ну, прости, товарищъ!

Солдаты.

Прощенья просимъ, ваше благородіе!

(Офицеръ уѣзжаетъ).

Благословеніе Господне съ нами
Отнынѣ и во вѣки буди! Вотъ какъ
Господь утѣшилъ матушку-Россію!
Молитесь, братцы: Божьи чудеса
Не совершаются ль предъ нами явно!...

1829.

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХХVI.

ИЗОБРѢТЕНІЕ ВАЯНІЯ.

Посвящается В. И. Григоровичу.

«Въ кущу ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
«Старцы и жены, годами согбенные! Къ чуду васъ кличу!
«Боги благіе меня, презрѣннаго дѣвой жестокой,
«Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились
«Свѣтлымъ небеснымъ видѣніемъ! Персты мои совершили,

«Смертные, дѣло безсмертное! Зовъ мой услыште, бѣгите
«Въ кущу ко мнѣ, пастухи и пастушки! Въ кущу скорѣе,
«Старцы и жены, годами согбенные! Къ чуду васъ кличу!»
Такъ по холмамъ и долинамъ бѣгалъ и голосомъ звонкимъ
Кликалъ мирно пасущихъ стада пастуховъ іонійскихъ
Ликидасъ юный, изъ розовой глины творившій искусно
Чаши, амфоры и урны печальныя, именемъ славный,
Пламеннымъ сердцемъ несчастный! — Любовь безъ раздѣла —
несчастье.

Ликидасъ, всѣми любимый, былъ презрѣнъ единой пастушкой
Злою Харитой, которою онъ безразсудно плѣнился.

— Образъ Хариты! Харита живая! Харита изъ глины! —

Разомъ вскричали вбѣжавшіе въ кущу. Крики слилися
Въ радостный вой, восходящій до неба, и въ узкія двери,
Словно рѣка, пастухи потекли толпа за толпою.

«Други, раздайтесь, имъ Ликидасъ молвилъ. Такъ, образъ
Хариты,

«Дѣвы жестокой, вы видите! Боги сей подвигъ великій

«Мнѣ помогли совершить — и глину простую въ небесный

«Обликъ одѣли, но въ прочности ей отказали! Раздайтесь,

«Други, молю васъ! Можетъ иной, въ тѣснотѣ продираясь,

«Вдругъ безъ намѣренья, ринуться прямо на ликъ сей — и глину

«Смять и меня еще въ злѣйшую долю повергнуть. Садитесь,

«Крайніе! Вы же всѣ замолчите: вамъ чудо скажу я!

«Много дней и ночей, томимъ безнадежной любовью,

«Сна не зналъ я, пищи не бралъ и дѣла не дѣлалъ.

«Словно призракъ печальный, людей убѣгая, блуждалъ я

«Вдоль по пустынному берегу морскому; слышалъ стenanье

«Волнъ и имъ отвѣчалъ неутѣшнымъ рыданьемъ. Нынче

«Ночью — какъ и когда, не припомню — упалъ на песокъ я,

«Смолкъ и забылся... Къ утру, чувствую, теплой рукою

«Кто-то плечо мое тронулъ и будить меня, и пріятно

«На ухо шепчетъ: «Ликидасъ встань! Подкрѣпи себя пищей,

«Въ кущу иди и за дѣло примися: Что сотворишь ты —

«Вѣчной Кипридъ въ даръ принеси: уврачуеъ богиня

«Сердце недужное!» — Взоры я поднималъ: напрасно! Поднялся:

«Нѣтъ никого ни вблизи, ни вдали! Но совѣты благіе

«Въ сердце запали послушное: въ кущу иду я и глину

«Мну и, мягкій кусокъ отдѣливши, на кругъ повергаю;

«Сѣлъ я, — не знаю, что дѣлать: по глыбѣ послушной, безъ
мыслей,

«Пальцы блуждаютъ, глаза не смотрятъ за ними, а сердце —

«Сердце далеко: на гордость Хариты, несчастное, ропщетъ!

«Вдругъ, какъ лучемъ неожиданнымъ въ бурю, меня поразило

«Что-то знакомое: я вострепнулся, и сердце забилося.
«Боги! На глинь я вижу очеркъ прямой и чудесный
«Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожій!
«Вижу: и кудри густыя, кругомъ завиваясь, повисли;
«Мѣсто для глазъ ужъ назначено, — пальцы жъ трудятся
добраться
«Въ мякоти чудной до устъ говорливыхъ! Съ этого мига
«Я не знаю, что было со мною: Пламя, не сердце,
«Билось во мнѣ, — и не въ персяхъ, а въ цѣломъ разлитое тѣлѣ
«Съ темя до ногъ! И руки мои, и глина, и куца,
«Дивно блистая, вертѣлись... Лишь помню: прекрасный мла-
денецъ
«Стрѣлкой златою по глинь сверкалъ, придавая — то гордость
«Свѣтлому лбу; то — понятливость взгляду; то — роскошь
ланитамъ.
«Кончилъ улыбкой, — улыбкой, заманчиво-сладкой! Свер-
шилось!
«Съ мѣста возсталъ я, закрылъ рукою глаза, а другою
«Кудри свои захватилъ и подернулъ: хотѣлъ я скорѣе
«Боль почувствовать: все ли живу я, узнать! «Совершилось
«Смертнымъ безсмертное! — голосъ священный раздался:
«Эрмій, раскуй Промеѳея! Старецъ, утѣшься межъ славныхъ
«Тѣней! Небесный огонь не вотще похищенъ былъ тобою!
«Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же, мгновенной
«Бренной красѣ даровавшей безсмертіе, взглянь, какъ по-
томкамъ
«Позднимъ твоимъ представятъ боги въ нетлѣнномъ сіяньи,
«Камень простой искусствомъ твоимъ оживить въ ихъ подобьи,
«Смертныхъ красой къ небесамъ восхищать и о Зевсѣ глаголатъ!
«Гдѣ я? Стрѣла прорѣзала небо! Олимпъ предо мною!
«Фебъ-Аполлонъ! это ты! это ты! Тетива еще стонетъ,
«Взоръ за стрѣлой еще слѣдуетъ, славой чело и ланиты
«Блещутъ, лишь длань успокоилась, смерть со стрѣлою
пустивши!
«Мнѣ ли предъ вами стоятъ, о безсмертные боги! Колѣни
«Гнутся, паду! Тебѣ я сей ликъ приношу, Киѳерея,
«Дивно изъ моря исшедшая въ радость безсмертнымъ и смертнымъ!
«Слѣпну! Узрѣлъ я Зевеса съ Горгоной на длани могучей!
«Кудри, какъ полныя грозды, вѣнчаютъ главу золотую,
«Въ легкомъ наклонѣ покрывшую вѣчный Олимпъ и всю землю»!

1829

Сѣверные Цвѣты на 1830 г.

СХХVII.

П О Я С Ъ.

Въ поясѣ дивномъ хранить Афродита приманокъ всѣхъ тайну.
Что двѣмъ чары даетъ?—То, что связуетъ ихъ: стыдъ!

1830.

Литературная Газета 1830 г., т. II.

СХХVIII.

П Ъ С Н Я.

Я вечеръ въ саду младшенька гуляла
И я бѣлую капусту поливала,
Со правой руки колечко потеряла;
Залилася я горючими слезами,
И за это меня матушка бранила:
«Стыдно плакать объ колечкѣ!» говорила,
«Я куплю тебѣ колечко золотое,
«Я куплю тебѣ колечко съ изумрудомъ».
— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, ненадо никакого:
То колечко было друга дорогого;
Милый другъ далъ мнѣ его на память.
Любовь милаго дороже изумруда,
Любовь милаго дороже всего свѣта!

1830.

Отечеств. Записки 1839 г.

СХХIX.

М О Я Х И Ж И Н А.

Когда я въ хижинѣ моей
Согрѣтъ подъ стеганнымъ халатомъ,
Не только графовъ и князей, —
Султана не признаю братомъ.
Гляжу съ улыбкою въ окно:
Вотъ мой ручей, мои посѣвы,
Изъ гроздей брызжетъ тутъ вино, —
Тамъ птицъ домашнихъ полны хлѣвы;
Въ водѣ глядится тучный волъ,
Телицъ протяжно призывая....
Все это въ праздничный мой столъ
Жена украсить молодая.

А вы, моихъ безпечныхъ лѣтъ
Товарищи въ весельи, въ горѣ,
Когда я просто былъ поэтъ
И свѣта не пускался въ море
(Хоть на груди теперь иной
Считаетъ ордена отъ скуки),
Усадьтесь безъ чиновъ со мной
Къ бокаламъ протяните руки,
Старинны пѣсни запоемъ,
Отрѣжемъ крылья у веселья,
Поговоримъ о томъ, о семъ,
Краснорѣчивые съ похмѣлья!
Признайтесь, что блаженъ поэтъ
Въ своемъ родительскомъ владѣннѣ!
Хоть на ландкартѣ не найдетъ
Подъ градусами въ протяженнѣ
Тамъ свой овинъ, тамъ огородъ,
Въ ряду съ Аѳинами и Спартой,
Зато никто ихъ не возьметъ
Счастливо выдернутой картой.

1830.

СXXX.

Б Е С Ѣ Д А.

Весело, други, за чашей сидѣть съ стариками;
Рѣчи смѣняются рѣчью, мысли смѣняются мыслью;
Что же предметомъ бываетъ ихъ шумной бесѣды?
— Старые годы, старыя войны, старые нравы,
Спорять, бранятся другъ съ другомъ! Пляшутъ, смѣются.
Все непритворно, все живо, все радостью дышетъ!
Только подъ утро, какъ солнце на небо восходитъ,
Звукъ отъ стакановъ и гулъ отъ рѣчей умолкаетъ.

1830.

Полярная Звѣзда на 1832 г.

СXXXI.

К Ѣ Л А С Т О Ч К Ѣ.

...едва зарумянится
Небо алой зорей, и блѣдная Цинтія
Тамъ въ туманы покатится. . . .

.....А это любимое
Время рѣзвыхъ дѣтей Морфея, цѣлительный
Сонъ на смертныхъ люющаго.

Ихъ крылатой толпѣ Зефиры предшествуютъ,
Съ ними самъ Купидонъ летаетъ къ любовникамъ
Образъ милыхъ казать и счастьемъ мечтательнымъ
Тѣшить жертвы Кипридины.

1830.

СXXXII.

О Т Р Ы В О К Ъ.

На теплыхъ крыльяхъ лѣтней тьмы
Чрезъ запахъ розъ помчались мы
И по лучамъ ночныхъ свѣтилъ
Тебя спустили средь могилъ.
Гляди смѣлѣй: кладбище здѣсь;
Плакучихъ ивъ печальный лѣсъ
Надъ урной мраморной шумить;
Вблизи ея сѣдой гранитъ
Едва виднѣетъ межъ цвѣтовъ;
Кругомъ кресты, и безъ крестовъ
Лишь двѣ могилы....

1830.

Сѣверные Цвѣты на 1832 г.

СXXXIII.

О Т Р Ы В О К Ъ.

Пѣвецъ, зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась
Красавица вечернею порой,
И тихо грудь подъ дымкой колебалась,
И взоръ свѣтлѣлъ притворною слезой,

Ты позабылъ твой жребій возвышенный
И пренебрегъ душевной чистотой,
И потушивъ въ груди огонь священный,
Ты Бахуса манилъ къ себѣ рукой?

И Бассарей съ кистями винограда
Къ тебѣ пришелъ, шатаясь на ногахъ,
Съ улыбкой рекъ: «Вотъ бѣдствіямъ отрада;
«Люби и пей на дружескихъ пирахъ!»

Ты въ руки ковшъ; онъ выжалъ сокъ шипящій,
И Грація закрылася рукой,
И отъ тебя мечтаній рой блестящій
Умчался вслѣдъ невинности златой!

«И твой удѣлъ у Пинда пресмыкаться;
Не будешь къ намъ ты Фебомъ пріобщенъ!
Блаженъ, кто могъ съ невинностью пробраться
Чрезъ грязный міръ, возвышеннымъ плѣненъ!»

Отечественныя Записки 1854 г. мартъ.

СXXXIV.

ЛѢКАРСТВА ОТЪ НЕСЧАСТІЙ.

Если мнѣ объявятъ боги:
«Здѣсь ты горе будешь пить!»
Я скажу: «Вы очень строги,
«Но я все жъ останусь жить.»

Горько мнѣ?—я раздѣляю
Слезы съ милой въ тишинѣ.
Что жъ на небѣ?—я не знаю,
Да и знать не нужно мнѣ.

Мнѣ великую науку
Дѣдъ мой, докторъ, завѣщаль:
«Дружбою, онъ пишетъ, скуку
«И печаль я исцѣлялъ.

«Отъ любви лѣчилъ несчастной
«Состарѣвшимся виномъ:
«Вообще же безопасно
«Всѣ лѣчитъ несчастья сномъ».

СXXXV.

П Р И З В А Н І Е.

Дѣва, дѣва, въ сѣнь дубровы,
Къ рѣчкѣ, спящей въ камышахъ,
Приходи: Эротъ суровый
Мнѣ ужъ въ трехъ являлся снахъ.

Двѣ стрѣлы спустилъ онъ съ лука
Къ двумъ противнымъ сторонамъ;
Знаю: намъ грозитъ разлука,
Сердце вѣрить вѣщимъ снамъ.

Скоро ль тяжкія мученья
Уладишь лобзаньемъ ты
И мгновеньемъ наслажденья
Утолишь мои мечты?

Вѣрь тому, что я открою:
Время съ крыльями: лови!
Иль оно умчитъ съ собою
Много тайнаго въ любви!...

Отечественныя Записки 1854 г., мартъ.

СXXXVI.

КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Какъ? житель гордыхъ Альпъ, надъ бурями парящій,
Кто кроетъ солнца ликъ развернутымъ крыломъ,
Услыша подъ скалой ехидны свистъ шипящій,
Раздвинулъ когти врознь и оставляетъ громъ?

Тебѣ ль, молодой вѣщунъ, любимецъ Аполлона,
На лиру звучную потокомъ слезы лить,
Дрожать предъ завистью, и подъ косою Хрона
Склоняся, даръ небесъ въ безвѣстности укрыть?

Нѣтъ, Пушкинъ! Рокъ пѣвцовъ—безсмертье, не забвенье!
Пускай Арменіусъ, ученьемъ напыщенъ,
Въ архивахъ роется и пишетъ разсужденье,
Пусть въ академіяхъ почетный будетъ членъ;—

Но вмѣстѣ съ нимъ умрутъ его творенья!
Ему ли быть твоихъ гонителемъ даровъ?
Брось на него ты взоръ—взоръ грознаго презрѣнья,
И въ малый сонмъ вступи божественныхъ пѣвцовъ.

И радостно тебѣ за Стиксомъ грянуть лиры,
Когда отяготишь собою ты молву:
И я, простой пѣвецъ Либеры и Темиры,
Предъ Фебомъ преклоня молящую главу,

Съ благоговѣніемъ ему возжгу куренье,
И воспую: «хвала, кто съ нѣжною душой
«Тобою посвященъ, о Фебъ, на пѣснопѣнье,
«За гениемъ своимъ прямой идетъ стезей!

«Что зависть передъ нимъ, ползущая змѣею,
«Когда съ богами онъ пируетъ въ небесахъ?
«Съ гремящей лирою, съ любовью молодою
«Онъ Хрона быстрого и не узритъ въ мечтахъ.

«Но невзначай къ нему въ обитель постучится
«Затѣйливый Эрстъ младенческой рукой,
«Хоръ Смѣховъ и Харитъ въ пріютъ пѣвца слетится, —
И слава съ громкою трубой!

Отечественныя Записки 1855 г., іюнь.

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ СТИХОТВОРЕНІЯМЪ.

II (стр. 3). Текстъ стихотворенія, напечатанный здѣсь по изданію 1829 г., значительно отстываетъ отъ первоначальной редакціи. Всѣхъ важнѣе варіантъ, представляемый 6-ю строфой, послѣ стиха «Скачетъ и вьется ручей»:

Будемъ подъ тѣнію липъ здѣсь въ лѣтніе дни прохладаться
Пусть за слѣпою Филонъ фортуной гоняется вѣчно,
Пусть и обниметъ ее! Но скоро Сатурномъ достигнутъ,
Онъ подъ косою падетъ.

Это стихотвореніе положено на музыку М. Л. Яковлевымъ, подъ заглавіемъ «Куплеты къ Діону».

IV (стр. 8). Стихотвореніе это положено на музыку А. С. Даргомыжскимъ: «Лилета».

V (стр. 9). Эта эпиграмма, по всей вѣроятности, относится къ В. К. Кюхельбекеру, котораго часто выводили изъ себя насмѣшки Дельвига. Стихи Кюхельбекера, въ началѣ плохо владѣвшаго русскимъ языкомъ, ставились его лицейскими товарищами въ примѣръ безсмыслицы.

VII (стр. 10). Въ первоначальномъ своемъ видѣ это стихотвореніе носило заглавіе «Дафна». Приводимъ его цѣликомъ, такъ какъ эта редакція сильно отстываетъ отъ позднѣйшей передѣлки.

Д А Ф Н А

(изъ Клаудія).

Мнѣ минуло шестнадцать лѣтъ,
Но сердце было въ волѣ;
Я мало знала Божій свѣтъ, —
Лишь боръ, цвѣты и поле.
Къ намъ юноша пришелъ въ село
Ахъ, сердцу ангелъ милый!
И все съ прекраснымъ ожило,
Лишь я лишилась силы.
И темнорусые власы
Вкругъ шеи овивались,
Какъ мѣхъ сіяетъ отъ росы,
Сіяли, рассыпались;
И взоры пламенны его
Мнѣ что-то изъясняли;
Мы, не сказавши ничего,
Уже другъ друга знали.
Какъ съ розой ландышъ — бѣлъ онъ былъ,
Милѣй его не знала!
Онъ мнѣ пріятно говорилъ,
Но словъ не понимала.

Куда пойду — и онъ за мной,
Мнѣ руку пожимая.
«Увы и ахъ!» твердилъ съ тоской
Отъ сердца воздыхая.
«Что хочешь ты?» спросила я
У милаго съ слезами.
И обнялъ съ жаромъ онъ меня
Прекрасными руками.
Желала я его обнять,
Но рукъ не поднимала;
На груди потупила взглядъ,
Блѣднѣла, трепетала,
И слова не сказала я!
Почто жъ ему сердиться?
Зачѣмъ оставилъ онъ меня?
Когда же возвратится?

VIII (стр. 11). Въ «Вѣстникѣ Европы» (1814, № 23) напечатано было напыщенное стихотвореніе профессора Кошанскаго: «На смерть гр. Ожаровской». Дельвигъ написалъ тогда же пародію на него. Подъ автографомъ этой пародіи, принадлежавшимъ И. И. Пущину, подписано: «Д.... Печатать позволяется. Цензоръ Аполлонъ».

Приводимъ для сличенія съ пародіею начало и конецъ элегіи Кошанскаго:

Ни прелесть, ни краса, ни радость юныхъ лѣтъ,
Ни пламень нѣжнаго супруга,
Ни сиротство дѣтей, едва узрѣвшихъ свѣтъ,
Ни слезы — не спасли отъ тяжкаго недуга,
И Ожаровской нѣтъ!...

.....
Умолкло все съ тобой! Эроты слезы льютъ;
Супругъ и граціи вѣнки на урну вьютъ,
И оросивъ твой прахъ слезою,
«Почій! вѣщаютъ, миръ съ тобою!»

IX (стр. 12). Стихотвореніе первоначально называлось «Лилея»

Оставь, о Дорида, на стеблѣ лилею,
Она межъ цвѣтами прелестна, какъ ты;
Пусть тихо зефиры колеблются съ нею,
И рой легкокрылый собираетъ соты!
Она наклонилась къ фіалкѣ счастливой;
Надъ ними трепещетъ златой мотылекъ,
Блистая любовью, ручей говорливый
На струйкахъ рисуетъ любимый цвѣтокъ.

Дорида! Дорида! любовью все дышетъ;
Блаженство вкушаетъ природа съ весной;
Чуть воды струятся, чуть ива колышетъ
И зелень мѣшаетъ съ веселой волной;
Но ты не подвластна природы закону!
Съ побѣдой Эроты летятъ предъ тобой;
Вокругъ, не внимая печальному стону,
Ты узниковъ гордо ведешь за собой.

Пьеса эта положена на музыку Кастріотомъ-Скандербегомъ: «Дорида».

X (стр. 12). Изъ числа многихъ вариантовъ приводимъ лишь вторую строфу по тексту «Россійскаго Музеума»:

Но младость быстрая промчится,
И радости за ней толпой,
И ты, веселія царица,
Останешься съ тоской.

Предпослѣдній стихъ тамъ же читается такъ:

Въ Москвѣ роскошной обитая.

Стихотвореніе это не было включено Дельвигомъ въ изданіе 1829 года; онъ упоминаетъ о немъ въ стихотвореніи «Утѣшеніе бѣднаго поэта» (Ларецъ), также не вошедшемъ въ то изданіе.

XI (стр. 13). Стихотвореніе это носитъ и другое заглавіе: «Тлѣнность».

XII (стр. 14). Подражаніе слѣдующему древне-греческому стихотворенію, котораго авторомъ въ старину считалась Анакреонтъ:

Θέλω λέγειν Ἀτρεΐδας,
Θέλω δὲ Κάδμον ᾄδειν etc.

(Bergk, Poetae lyrici Graeci, v. III, p. 311).

XV (стр. 16). Стихотвореніе положено на музыку А. С. Даргомыжскимъ.

XVI (стр. 17). Весьма вольное и далекое отъ подлинника подражаніе извѣстной одѣ Горация: «Integer vitae scelerisque purus» (I, 22).

XVII (стр. 18). Приводимъ вариантъ послѣднихъ стиховъ этого стихотворенія по тексту, извлеченному изъ писемъ Илличевского къ Фуссу:

Устанетъ наконецъ, зѣвнетъ, перекрестясь,
Протянется, вздохнетъ, да и заснетъ, зѣвая.
Такъ жизни Дельвига безвѣстно пролетѣтъ!
Не плачь, Эмилія! О други, веселиться!
«Тамъ», говоритъ Вильгельмъ *), «мы будемъ пѣсни пѣть»,
Давайте жъ мнѣ фіалъ: намъ надо здѣсь напиться!

XVIII (стр. 18). Это стихотвореніе извѣстно также изъ писемъ Илличевского. Кромѣ баллады «Полякъ», Дельвигъ написалъ еще неизвѣстную въ печати «Пѣснь барда о Всеславѣ».

XX (стр. 21). Стихотвореніе это написано въ альбомѣ А. Д. Илличевскому подъ заглавіемъ «Эпитафія Дельвигу» и сообщено В. П. Гаевскому П. Д. Илличевскимъ, братомъ лицейскаго товарища Дельвига.

XXII (стр. 22). Послѣдніе стихи пѣсни въ измѣненномъ видѣ упомянуты Пушкинымъ въ стихотвореніи «19-е октября 1825 г.» Въ строфѣ 6-й, посвященной О. О. Матюшкину, Пушкинъ говоритъ:

Ты простиралъ изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ однихъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

XXIV (стр. 24), равно какъ и XXVI (стр. 25), написаны Дельвигомъ во время пребыванія въ Малороссіи у родителей.

*) В. К. Кюхельбекеръ.

XXV (стр. 25). Стихотвореніе положено на музыку А. С. Даргомыжскимъ.

XXVII (стр. 26). Послѣ стиха 4-го по рукописямъ это стихотвореніе продолжается такъ:

— «Что ты, цвѣточекъ, увядаешь,
Мной сорванный съ родныхъ полей?
Иль, гость весенній, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! Благоухаешь
Ты въ златѣ Лилиныхъ кудрей!»
— «О, кудри мягки, ихъ дыханье
Благоуханнѣй пышныхъ розъ:
Но въ златѣ ихъ мнѣ жизнь — страданье,
А счастье тамъ, гдѣ я возросъ!»
— «Цвѣтокъ мой, тише! Сколько Лилой
Потратится жемчужныхъ слезъ,
Когда-бъ сей жалобѣ унылой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалокъ мнѣ, цвѣточекъ милый!»
— «Что сожалѣть? Зачѣмъ срывать!»

XXIX (стр. 28). Стихотвореніе написано Е. А. Баратынскому.

XXX (стр. 29). Стихотвореніе это, подъ заглавіемъ «Ларецъ», было рукою самого Дельвига написано въ альбомъ А. Ѳ. Баратынской.

XXXII (стр. 31). Экспромптъ этотъ, вѣроятно, относится къ самому поэту.

XXXIII (стр. 31). Романсъ этотъ положенъ на музыку двумя композиторами—Алябьевымъ и Глинкою.

XXXIV (стр. 32). Послѣдніе четыре стиха первой строфы въ первоначальной редакціи читались такъ:

Матерь чистаго веселья,
Влагу смольнаго вина,
Чтобы мы, друзья похмѣлья,
Не видали въ чашахъ дна.

XXXIX (стр. 36). Послѣдняя строфа первоначально имѣла такую редакцію:

Выпили? Еще! Кругами!
Рдѣетъ радость на щекахъ!
Порхъ Амуръ — забилъ крылами, —
И мы дремлемъ на цвѣтахъ.

XLVIII (стр. 45). Три друга, пріѣздъ которыхъ торжествуетъ въ диѳирамбѣ Дельвигъ, были: Баратынскій (пріѣхавшій изъ Финляндіи), Кюхельбекеръ (возвратившійся изъ путешествія за границу) и Илличевскій (вернувшійся изъ Сибири). Послѣдній стихъ диѳирамба въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» читался «Овна заколю».

LIII (стр. 48). Романсъ этотъ положенъ на музыку Варламовымъ («Конь надъ могилой») и Рупини.

LIV (стр. 49). Романсъ этотъ положенъ на музыку лицейскимъ товарищемъ Дельвига М. Л. Яковлевымъ, а впослѣдствіи переложенъ на два голоса А. С. Даргомыжскимъ.

LV (стр. 49). Это одна изъ самыхъ популярныхъ пѣсенъ Дельвига. Она положена на музыку М. И. Глинкою, который въ своихъ запискахъ говоритъ, что Дельвигъ передѣлалъ слова для его музыки.

LVI (стр. 50). «Застольная пѣсня» положена на музыку А. С. Даргомыжскимъ и неизвѣстнымъ намъ композиторомъ, скрывшимъ свою фамилію подъ буквою Б... О ея происхожденіи говорится въ вступительной статьѣ.

LVIII (стр. 51). Въ «Новостяхъ литературы» это стихотвореніе носить заглавіе «Къ Лилѣ», а первый стихъ его читается такъ: «О чародѣйство красоты!»

LIX (стр. 52). Первые два стиха четвертой строфы первоначально читались такъ:

Мои сѣдѣютъ волоса,
Цѣвницу я разбилъ.

Музыка на эту элегію написана М. Л. Яковлевымъ и затѣмъ переложена на два голоса М. И. Глинкою.

LX (стр. 53). Романсъ этотъ, равно какъ и слѣдующіе за нимъ два сонета, посвящены, по всей вѣроятности, С. Д. Пономаревой. Музыка на этотъ романсъ написана М. И. Глинкою, посвятившаго ее своей невѣстѣ.

LXV (стр. 55). Стихотвореніе также относится къ С. Д. Пономаревой.

LXVII (стр. 56). Романсъ этотъ положенъ на музыку М. Л. Яковлевымъ и Литандеромъ (Музыкальный альбомъ на 1832 г.).

LXVIII (стр. 57). Это стихотвореніе, равно какъ LXXIII, написано Дельвигомъ по желанію С. Д. Пономаревой. Стихотворенія, посвященные любимымъ домашнимъ животнымъ возлюбленной поэта, были освящены классическою древностью: Катуллъ (на котораго ссылается Дельвигъ), Овидій (въ Amores) и цѣлый рядъ ихъ подражателей въ шутливыхъ элегіяхъ воспѣвали кончину собачекъ, птицъ и т. д. Той же темѣ были посвящены и многія другія стихотворенія, принадлежавшія перу поэтовъ, посѣщавшихъ салонъ С. Д. Пономаревой.

LXIX (стр. 57). Романсъ положенъ на музыку М. И. Глинкою.

LXXI (стр. 59) и слѣдующее LXXII (ibid.) написаны Дельвигомъ послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной имъ въ 1823 году.

LXXVIII (стр. 63). Помѣщая здѣсь полную (по возможности) редакцію пародіи, считаемъ нужнымъ объяснить, что не вся она принадлежитъ перу Дельвига. Мы имѣли три версіи этой пародіи: первая нашлась въ письмахъ А. Е. Измайлова къ И. И. Дмитріеву; въ ней послѣ словъ: «двадцатифунтовая тетрадь» Измайловымъ сдѣлана выноска: «до здѣ—баронъ Дельвигъ». Въ статьяхъ Гаевского пародія эта помѣщена въ сокращенномъ видѣ: приведены первые четыре стиха, а затѣмъ, съ указаніемъ пропуска, еще девять стиховъ; тамъ же находимъ указаніе на то, что «въ позднѣйшее время написана другая пародія на «Смальгольмскаго Барона», гдѣ выведены двое журналистовъ». Гаевскій, очевидно, разумѣетъ помѣщенную нами пародію, гдѣ, кромѣ Измайлова, упоминаются еще Б. Оедоровъ и О. Булгаринъ. Мы рѣшились привести весь текстъ пародіи, такъ какъ весьма трудно, безъ подлинной рукописи Дельвига, опредѣлить, что принадлежитъ ему, и что составляетъ позднѣйшія добавленія. Замѣтимъ еще, что пародія была извѣстна и Жуковскому, которому ее читалъ самъ Дельвигъ, и поэтъ-романтикъ потомъ часто гово-

рилъ о ней и даже вспоминалъ объ этой шуткѣ еще за нѣсколько лѣтъ до своей смерти, встрѣтившись съ двоюроднымъ братомъ Дельвига.

LXXX (стр. 64). Элегія эта, по первому стиху напоминающая элегію Жуковского: «Минувшихъ дней очарованье», положена на музыку Литандеромъ (Музыкальный альбомъ на 1832 г.). Кажется, не будетъ слишкомъ смѣло предположить, что стихотвореніе это вызвано преждевременною кончиной С. Д. Пономаревой.

LXXXI (стр. 65). Пѣсня эта положена на музыку А. С. Даргомыжскимъ, М. А. Яковлевымъ и Литандеромъ.

LXXXII (стр. 66). Пѣсня эта, по крайней мѣрѣ въ первыхъ стихахъ, есть не болѣе какъ перифразъ довольно извѣстной народной пѣсни: «Скучно, матушка, весною жить одной».

LXXXIII (стр. 67). Музыка этой пѣсни написана М. Л. Яковлевымъ, А. Г. Рубинштейномъ и Литандеромъ.

LXXXIV (стр. 67). Стихотвореніе это, вѣроятно, также посвящено С. Д. Пономаревой; оно положено на музыку Дютшемъ.

LXXXV (стр. 68). Это одно изъ самыхъ любимыхъ стихотвореній Дельвига. Вотъ что пишетъ по этому поводу М. А. Максимовичъ: «Баронъ былъ удивительно хорошъ и въ пирушкахъ, когда пѣвалъ онъ: «Друзья, друзья! я Несторъ между вами», и въ домашнемъ быту»...

ХСІ (стр. 73). «Соловей» положенъ на музыку Алябьевымъ и долго былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ у насъ романсовъ. Глинка написалъ фортепіанную пьесу: «Варьяціи на тему «Соловей» Алябьева».

ХСІІ (стр. 75). Стихотвореніе это написано, вѣроятно, по поводу предстоявшей женитьбы поэта.

ХСVІІ (стр. 79). Стихотвореніе посвящено памяти Д. В. Веневитинова, который скончался 15-го Марта 1827 г. на 22-мъ году отъ рожденія. Стихотвореніе Дельвига положено на музыку А. С. Даргомыжскимъ.

СІ (стр. 80). Стихотвореніе это написано въ Ревелѣ по поводу происходившихъ тамъ въ іюлѣ 1827 года морскихъ маневровъ.

СІІ (стр. 81). Стихотвореніе положено на музыку А. С. Даргомыжскимъ.

СІІІ (стр. 82). Пѣсня положена на музыку М. Л. Яковлевымъ.

СІV (стр. 83). «Хоръ» этотъ написанъ Дельвигомъ въ Харьковѣ на случай бывшаго тогда выпуска воспитанницъ Харьковскаго института. Стихотвореніе начальницею института было представлено императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, вслѣдствіе чего авторъ былъ удостоенъ вниманія Ея Величества.

СV (стр. 83). «Поликсена» — трагедія нѣмецкаго поэта Генриха Іосифа фонъ-Коллина (1772—1811 гг.), изданная въ Берлинѣ въ 1804 году. Хоръ поютъ плѣнные троянки. Къ этому хору М. И. Глинка написалъ музыку, которая составляетъ одно изъ первыхъ его произведеній.

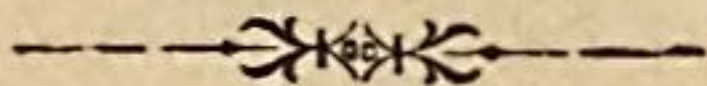
СХ (стр. 93). Стихотвореніе это помѣщено въ видѣ эпилога въ изданіи 1829 года.

СХХV (стр. 100). «Дельвигъ долго обдумывалъ свои произведенія». пишетъ Пушкинъ, — «даже самая мелкія. La raison de ce que Delvig a

si peu écrit tient à sa manière de composer. Онъ любилъ въ разговорахъ развивать свои поэтическіе помыслы, и мы знали его прекрасныя созданія нѣсколько лѣтъ прежде, нежели были они написаны... Такимъ образомъ Русская его Идиллія, напечатанная въ самый годъ его смерти, была въ первый разъ рассказана мнѣ еще въ лицейской залѣ, послѣ скучнаго математическаго класса».

СXXXII (стр. 108). По поводу этого отрывка въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 г. читаемъ слѣдующее: «Отрывокъ заключаетъ въ себѣ хоръ духовъ изъ драмы, въ которой баронъ Дельвигъ хотѣлъ дать полное развитіе свободной фантазіи. Планъ сей драмы былъ уже набросанъ и вмѣстѣ съ онымъ уцѣлѣло нѣсколько хоровъ, по большей части неоконченныхъ».

СXXXVI (стр. 110). Стихотвореніе это написано по поводу сомнѣній, тревожившихъ молодого Пушкина, и относится, вѣроятно, къ лицейскому періоду жизни обоихъ поэтовъ.

П Р О З А.

I.

Извѣстность Россійской словесности.

(Письмо къ издателю «Россійскаго Музеума»).

Пріятно видѣть, какъ наша литература мало по малу знакомятся съ иностранцами. Карамзинъ переведенъ на трехъ языкахъ, Кантемира читаютъ съ большею пріятностью на французскомъ, нежели въ старой его одеждѣ, а Державина, подражая нашимъ переводчикамъ романовъ, успѣли уже перепортировать. Г. Боргъ, какъ я увидѣлъ изъ вашего журнала, намѣренъ перевести всѣ знаменитыя стихотворенія русскихъ поэтовъ и съ тѣмъ преимуществомъ предъ прочими переводчиками, что онъ съ особенною точностью удерживаетъ красоты подлинника. Наконецъ, въ скоромъ времени покажется новая на нѣмецкомъ языкѣ книга: „О древней Россійской словесности“, изъ которой присылаю вамъ три пѣсни.

Для меня тѣмъ лестнѣе писать о ней, что я былъ свидѣтелемъ ея рожденія, если можно сказать; принялъ ее изъ родительскихъ рукъ. Авторъ сей книги, мой пріятель и притомъ сотоварищъ, воспитывался въ Россіи между русскими, знаетъ такъ хорошо нашъ языкъ, что часто, одушевленный порывами или Державина, или Жуковского, принимается за перо и довольно пріятно изъясняется стихами. Но писать къ вамъ безъ всякаго плана, слѣдуя одной только охотѣ, значитъ въ переводѣ наскучить вамъ до безконечности исписанными листами, отъ чего сохрани меня Боже и въ прозѣ, и въ стихахъ! Итакъ, скорѣе къ берегу, къ берегу?

Прочтите напередъ содержаніе этой, можетъ быть, для всякаго русскаго любопытной книги. Сочинитель говоритъ о веселомъ характерѣ великороссовъ, притомъ смѣшанномъ съ

какою-то заунывною, которая непосредственно рождается при взглядѣ на снѣжныя долины и голыя рощи, почти три четверти года сѣтующія на жестокую природу. Оттого-то, продолжая онъ, дознано, что ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не способенъ русскаго къ элегическимъ сочиненіямъ. Слѣдуя по времени, разбираетъ онъ „Пѣснь о Игорѣ“, приводитъ изъ нея нѣкоторыя мѣста и, сказавъ замѣчаніе о ея переводѣ гг. Язвицкаго и Палицына (или Попова), переходитъ къ пѣснямъ. Здѣсь распространяется о вѣкѣ, которому можно бы было приписать ихъ, раздѣляетъ ихъ на пѣсни элегическія, заключающія въ себѣ однѣ изліянія чувства, и на пѣсни балладическія, рассказывающія чью-нибудь исторію. Наконецъ тою же самою мѣрою и какъ можно ближе переводитъ лучшія. Въ концѣ разсужденія говоритъ онъ о русскихъ сказкахъ, собранныхъ г. Ключаревымъ, тамъ о польскомъ вѣкѣ, который оканчиваетъ Кантемиромъ, съ краткою его жизнію. Всего любопытнѣе приведу вамъ описаніе коня, переведенное тѣмъ же размѣромъ изъ извѣстной сказки: „Начинается сказка отъ сивки, отъ бурки“ и пр.

Wenn es rennet das Ross,
Es erzittert der Schoss
Der zermalmeten Erde,
Es fliegen vorüber
Dem muthigen Pferde
Die Berg' und die Thäler,
Es rauschen die Wälder,
Und hinten mit Sausen,
Und hinten mit Brausen
Der Wind in die Ohren
Ihm heulet und pfeift.

Увидя, какъ примутъ его сочиненіе, онъ, можетъ быть, напишетъ о новѣйшихъ нашихъ поэтахъ. Кто не пожелаетъ успѣховъ этому молодому человѣку, одаренному способностями? Кто не подумаетъ съ удовольствіемъ, что, можетъ быть, за вѣкомъ, прославленнымъ нашимъ громкимъ оружіемъ, послѣдуетъ золотой вѣкъ россійской словесности?...

Прошу васъ, милостивый государь, увѣдомить въ вашемъ журналѣ читателей о сей книгѣ.

Россійскій Музеумъ 1815 г., IV.

II.

На критику „Галатеи“.

По природѣ и по образу мыслей моихъ я всегда былъ и буду равнодушенъ къ похваламъ и брани журнальныхъ аристарховъ нашихъ: никогда не сердился на ихъ замѣчанія, даже радовался, доставляя имъ случай написать одну или двѣ лишнія странички. Но прочитавъ въ 19-мъ № „Галатеи“ критику на мои стихотворенія, почелъ обязанностью замѣтить сочинителю ея всю неприличность его нападокъ на нравственное чувство уваженія, которое я со всѣми благомыслящими соотечественниками питаю къ Пушкину, Баратынскому и Плетневу. П. А. Плетневъ, отвлекаемый отъ музъ другими полезными занятіями, рѣже двухъ первыхъ являлся на литературномъ поприщѣ, но всегда дарилъ читателей стихотвореніями, исполненными чувства и гармоніи. Прозаическія статьи его отличаются правильностью языка и точностью мыслей и, что у насъ довольно рѣдко — тономъ хорошаго общества. Съ благородною гордостью радуюсь, что могу безъ лести хвалить друзей моихъ. Въ первыхъ двухъ стихахъ отвѣта моего на ненапечатанное еще „Посланіе“ ко мнѣ П. А. Плетнева, я какъ бы предвидѣлъ или предчувствовалъ критиковъ „Галатеи“.

Р. С. Признаюсь въ моемъ невѣжествѣ: я не понимаю слова „художественность“, такъ же, какъ не понимаю и мысли, побудившей г. Раича превратить въ балладу безсмертную поэму Тасса. Впрочемъ, въ угодность г. издателю „Галатеи“ я совѣтовалъ бы почтенному переводчику „Ромео и Юліи“ кинуть уже переведенные размѣромъ подлинника четыре дѣйствія сей трагедіи и, не думая о вѣрномъ передаваніи красотъ Шекспира, перевести снова сію трагедію мѣрою „Моихъ Пенатовъ“.

Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ 1829 г., ч. IV.

III.

Критическія и полемическія замѣтки изъ „Литературной Газеты“.

Радуга. Литературный и музыкальный альманахъ на 1830 годъ. Изд. П. Араповымъ и Д. Новиковымъ. Москва. 1830.

Что такое альманахи въ новѣйшей Европѣ? Игрушки взрослыхъ дѣтей, подарки на новый годъ, книжки, которыхъ главное достоинство состоитъ въ картинкахъ и богатомъ изданіи. Хорошая статья прозаическая, стихотвореніе, носящее отпечатокъ таланта,—не необходимость въ подобномъ изданіи, а даже неожиданный подарокъ. Мы, Русскіе, давно уже извѣстны охотою подражать всему иноземному. И альманахи не ушли отъ замѣчательности нашей: мы ввели ихъ въ употребленіе, но, кажется, ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ наша поспѣшность не повредила, а принесла пользу. Примѣръ рѣдкій! Объяснимся. Альманахи наши не блестятъ картинками по причинѣ очевидной: мы не имѣемъ еще художниковъ, которые посвятили бы свои таланты на подобную работу, и продажа альманаховъ, по незначительности своей, не позволяетъ даже и подумать о роскоши изданій. Намъ должно хлопотать не о блескѣ, а объ опрятности, но сія добродѣтель нелегко намъ достается. Какъ же наши альманахи могутъ быть праздничными подарками? По неволѣ они избрали себѣ удѣлъ лучшій: *быть годовыми выставками литературныхъ произведеній*. Большая часть нашихъ писателей постоянно надѣляетъ ихъ образцами своихъ годовыхъ занятій, а у иныхъ и всѣ труды трехсотъ шестидесяти пяти дней занимаютъ двѣ-три странички.

Альманахъ „Радуга“ не многимъ порадуетъ любителей чтенія. Исключивъ ученое разсужденіе: „О народныхъ русскихъ пословицахъ“ И. М. Снѣгирева и статью, живо написанную: „Өоминъ понедѣльникъ“, проза похвалиться ничѣмъ не можетъ. „Краковскій же замокъ“ Н. А. Полевого заставляетъ насъ сожалѣть, что сочинитель столь слабо постигъ и столь каррикатурно изобразилъ Суворова. Почти всѣ стихотворенія „Радуги“ не выходятъ изъ благоразумныхъ предѣловъ посред-

ственности. Въ отдѣленіи музыки (замѣчательномъ по чистотѣ и красивости нотнаго шрифта) меломаны наши съ удовольствіемъ найдутъ произведенія княгини З. А. Волконской, В. Г. Шольца, В. В. Всеволодскаго, князя В. С. Голицына, А. Н. Верстовскаго и О. О. Геништы, и пожалѣютъ, что мертвыя ноты цыганскихъ пѣсенъ не могутъ выразить оригинальности очаровательнаго пѣнія московскихъ вакханокъ.

1830 г., № 2.

Сенъ-Марсъ или заговоръ при Людовикѣ XIII. Сочиненіе графа *Альфреда де Виньи*. Перевелъ А. Очкинъ. 4 части. С.-Пб. 1829-1830.

Послѣ англичанина Горація Смита и американца Купера, изъ подражателей или послѣдователей Вальтера Скотта особенное вниманіе заслуживаютъ итальянецъ Манцони и французъ де-Виньи, какъ сочинители романовъ историческихъ. Романъ перваго изъ нихъ „Обрученные“ („*I promessi sposi*“), при всемъ велерѣчіи автора, при всемъ *отмѣнно-длинномъ* разсказѣ собственно романическаго происшествія, едва достаточнаго на одинъ томъ, заключаетъ въ себѣ черты отличнаго достоинства: въ немъ видишь Италію описываемой эпохи, видишь страсти народныя въ борьбѣ съ чужевластіемъ; становишься какъ бы очевидцемъ ужасовъ чумы и голода, порывовъ мятежной черни, и пр. и пр. Все это живо, все ощутительно, вѣрно; народныя сцены изображены превосходно: кажется, чувствуешь близъ себя шумъ и волненіе толпы. Прибавимъ, что сочинитель съ большимъ искусствомъ привязалъ вниманіе и участіе читателей къ судьбѣ „обрученныхъ“, которыхъ взялъ онъ изъ званія мирныхъ поселянъ и бросилъ въ самый вихрь мятежей и событій историческихъ, покрывъ совершенною неизвѣстностью будущую судьбу своихъ героевъ и, можно сказать, затерявъ ихъ на время, чтобы послѣ обрадовать читателя нечаянною съ ними встрѣчею.— Въ романѣ графа де-Виньи „Сенъ-Марсъ“ менѣе видно искусство романиста: здѣсь съ самаго начала можно предузнать развязку; видишь, къ чему сочинитель ведетъ своего героя путями явными. Можно почти сказать, что авторъ самъ взялся быть судьбою историческаго лица, имъ избраннаго. Уличныя сцены, въ

которыя авторъ его завлекаетъ, пророческій сонъ его, высокоумныя мечты любви и виды честолюбія: все это направлено къ одной цѣли—къ гибели его. Но при всемъ недостаткѣ высшихъ соображеній въ *цѣломъ*, романъ сей въ частностяхъ заключаетъ въ себѣ много истинныхъ красотъ. Таковы пытка и мученическая смерть священника Грандье; таковъ портретъ кардинала Ришельё, богато обставленный въ кабинетѣ сего прелата министра; таковы многія характеристическія черты въ лицахъ Людовика XIII, Сень-Марса, молодого де-Ту и пр. Картина казни Сень-Марса, хотя и отзывается подражаніемъ, но жива и естественна. Вообще романъ сей по праву долженъ нравиться людямъ, которыхъ воображеніе не иначе любитъ видѣть исторію, какъ сквозь радужную призму вымысла. О трудѣ переводчика скажемъ, что онъ заслуживаетъ похвалу.

1830 г., № 7.

Невскій Альманахъ на 1830 годъ, изданный *Е. Аладинымъ*. С.-Пб. 1830.

„Невскій Альманахъ“ издается уже шестой годъ и видимо улучшается. Нынче явился онъ безо всякихъ излишнихъ притязаній на наружную щеголеватость; издатель въ семъ случаѣ поступилъ благоразумно, и альманахъ отъ того не потерпѣлъ. Три письма князя Менщикова, въ немъ помѣщенные, любопытны, какъ памятники историческіе. „Сказки о кладахъ“ суть лучшее изъ произведеній Байскаго, донынѣ извѣстныхъ. Стихотворную часть украшаетъ Языковъ.

Съ самаго появленія своего сей поэтъ удивляетъ насъ огнемъ и силою языка. Никто самовластнѣе его не владѣетъ стихомъ и періодомъ. Кажется, нѣтъ предмета, коего поэтическую сторону не могъ бы онъ постигнуть и выразить съ живостью, ему свойственною. Пожалѣемъ, что донынѣ почти не выходилъ онъ изъ предѣловъ одного слишкомъ тѣснаго рода, и удивимся, что издатель журнала, отличающагося слогомъ неправильнымъ до безсмыслицы, могъ вообразить, что ему возможно въ какихъ-то пародіяхъ поддѣлаться подъ слогъ Языкова — твердый, точный и полный смысла.

1830 г., № 12.

Димитрій Самозванецъ. Историческій романъ, сочиненіе *Ааддея Булгарина*. Четыре части. С.-Пб. 1830.

Въ предисловіи къ „Димитрію Самозванцу“ просвѣщенные читатели увидятъ причину, почему предметъ, самъ по себѣ богатый романическими происшествіями и необыкновенными характерами, лишился въ романѣ г. Булгарина занимательности и живости. Авторъ пренебрегъ главную цѣль романиста а заботился о второстепенныхъ. „Желаніе мое“, говоритъ онъ, — „представить Россію въ началѣ ХѴІІ вѣка въ настоящемъ ея видѣ“. Цѣль всѣхъ возможныхъ романовъ должна состоять въ живомъ изображеніи жизни человѣческой, этой невольницы судебъ, страстей и самонадѣянности ума. Живописуя историческую картину, художникъ, разумѣется, долженъ знать мѣсто, на коемъ дѣйствовали герои его, долженъ изучить черты лицъ ихъ, одежду и оружіе ихъ времени: но это необходимое не есть еще главное, совершенно удовлетворяющее всѣ требованія искусства. Не поименованныхъ куколъ, одѣтыхъ въ мундиры и чинно разставленныхъ между раскрашенными кулисами, желаетъ видѣть въ картинѣ любитель живописи; онъ ищетъ людей живыхъ и мыслящихъ и въ слѣдствіе ихъ жизни и мысли дѣйствующихъ; а мѣсто и одежда ихъ должны только довершать очарованіе искусствомъ обманутаго воображенія. То же самое желали бы мы найти и въ романѣ г. Булгарина. Русскіе давно знакомы съ дѣйствующими лицами онаго. Исторія намъ сохранила ихъ имена и дѣянія, ихъ характеры и черты лицъ; археологи раскрыли намъ подробности ихъ жизни домашней и общественной; обычаи, повѣрья, одежда и оружіе того времени, благодаря ихъ изысканіямъ, удовлетворятъ самаго любопытнаго охотника до древностей. Актеры, слѣдственно, готовы и одѣты, даже мы знаемъ ихъ способности: заставьте же ихъ переиграть извѣстную намъ великую драму по возможности такъ же хорошо, какъ они представили ее въ первый разъ передъ нашими предками. Не говорите намъ, что „авторъ здѣсь въ сторонѣ, а дѣйствуютъ историческія лица. Я никого не заставлялъ дѣйствовать и говорить по моему произволу“ и пр. Авторъ не можетъ быть въ сторонѣ: ему нѣтъ нужды самому выходить на сцену, какъ дѣлывали греческіе комики;

но онъ обязанъ отвѣчать, что онъ не искажилъ ни одного историческаго лица, что онъ всегда заставлялъ его говорить сообразно извѣстной степени его ума и темперамента, что каждое движеніе тѣла его есть выраженіе невымолвленной мысли или еще необнаруженнаго желанія, а не произволь автора, и что всѣ прибавленія романиста не суть своиравные вымыслы, а ученыя пополненія утраченныхъ временемъ страницъ изъ книги человѣческихъ помысловъ и дѣяній. Въ настоящей жизни, въ людяхъ, окружающихъ насъ, мы можемъ не любить дурныхъ характеровъ, остерегаться людей подозрительныхъ, презирать глупыхъ и злыхъ, убѣгать вредныхъ; но въ романѣ виноватъ сочинитель, если характеры намъ не нравятся, ибо отъ характеровъ романа требуется одной естественности.

Кому бы пришло въ голову сердиться на романиста за то, что онъ представилъ злодѣевъ, извѣстныхъ въ исторіи, злодѣями? Мы еще болѣе будемъ снисходительны къ роману „Димитрій Самозванецъ“: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ ли, гордящимся вѣротерпимостью, открытъ гоненіе противу не нашихъ чувствъ и мыслей? Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но чувство патріотизма заразительно, и мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ.

Итакъ, мы не требуемъ невозможнаго, но просимъ должнаго. Мы желали бы, чтобъ авторъ, не принимаясь еще за перо, обдумалъ хорошенько свой предметъ, измѣрилъ свои силы. Тогда бы романъ его имѣлъ интересъ романа и не походилъ на скучный, безпорядочный сборъ богатыхъ матеріаловъ, перемѣшанныхъ съ вымыслами ненужными, часто оскорбляющими чувство приличія. Исторія не пощадила Димитрія Самозванца; его пороки и безразсудность выставлены ею не въ полу-свѣтѣ: зачѣмъ же ужасную память о немъ обременять еще клеветою? Гдѣ, въ какихъ тайныхъ лѣтописяхъ найдено, что онъ былъ шпиономъ у Сапѣги (см. 1-ю часть)? Какое чисто-литературное намѣреніе заставило автора надѣлать его

симъ незаслуженнымъ званіемъ? Сколько убійствъ, напоминающихъ дѣла Стеньки Разина (въ особенности утопленіе Калеріи), взведено на него понапрасну! Сколько страницъ посвящено сухимъ, неумѣстнымъ выпискамъ о богатствѣ Годунова, чтобы заставить бѣднаго Самозванца пересказать слова Лудовика XVIII о Наполеонѣ: „Да, онъ былъ хорошій мой казначей“ (ч. IV). Борисъ Годуновъ и Василій Шуйскій, два лица, блистающія въ исторіи нашей необыкновеннымъ, гибкимъ умомъ и рѣдкимъ искусствомъ жить съ людьми различныхъ свойствъ, ускользнули совершенно отъ наблюдательности автора. Первый, какъ дитя, передъ всѣми проговаривается, что онъ злодѣй, и какъ дурной актеръ, не знаетъ, что дѣлать съ собою, высказывая имъ затверженную роль. Онъ некстати то встаетъ со стула, то опять садится, подымаетъ голову, опускаетъ ее на грудь и мечетъ туда и сюда руки. А второй едва обрисованъ: это призракъ, это лицо безъ образа.

Романъ до излишества наполненъ историческими именами; выдержанныхъ же характеровъ нѣтъ ни одного. Авторъ самъ, какъ видно, чувствовалъ, что по событіямъ, имъ описаннымъ, не узнаешь духа того времени, и впадалъ поминутно въ ошибку прежнихъ романистовъ, справедливо указанную Вальтеромъ Скоттомъ: онъ перерываетъ ходъ дѣйствія вводными, всегда скучными разказами. Что же касается до сценъ народныхъ, онѣ незанимательны по его собственной волѣ, для насъ остающейся доселѣ загадкою. Выписываемъ изъ предисловія собственныя слова его: „Просторѣчіе старался я изобразить *простомысліемъ* и низкимъ тономъ рѣчи, а не грубыми поговорками“.

Высказавъ первыя впечатлѣнія, родившіяся въ насъ при чтеніи романа сего, предоставляемъ себѣ въ слѣдующихъ статьяхъ полнѣе развить наши мнѣнія и подробнѣе поговорить о сей книгѣ, которая безъ сомнѣнія найдетъ много читателей, и слѣдственно, должна имѣть нѣкоторое вліяніе на литературу нашу.

Въ заключеніе скажемъ еще одно замѣчаніе. Языкъ въ романѣ „Димитрій Самозванецъ“ чистъ и почти вездѣ правиленъ; но въ произведеніи семъ нѣтъ слога, этой характеристики

писателей, умѣющихъ каждый предметъ, перемысливъ и пере-чувствовавъ, присвоить себѣ, и при изложеніи, запечатлѣть его особенностію таланта.

1830, № 14.

Монастырка. Сочиненіе *Антонія Погорѣльскаго*. Часть первая. С.-Пб. 1830.

Таинственное имя *Антонія Погорѣльскаго* уже извѣстно съ выгодной стороны читателямъ русскимъ, помнящимъ замысловатаго „Двойника“. Можетъ быть, оно многими уже и разгадано: въ малой республикѣ нашей словесности нѣтъ продолжительной тайны. Всѣ на виду, всѣ на счету. Эти авторскія массы у насъ похожи на простосердечныя хитрости семейныхъ маскарадовъ, въ которыхъ долго интриговать недолжно. Тѣмъ болѣе дѣйствующее лицо должно быть занимательно собственною игрою, не надѣясь на одно любопытство, которое подстрекаемо прелестью тайны. *Антоній Погорѣльскій* совершенно удовлетворяетъ сей необходимой обязанности, и новое произведеніе его, романъ „Монастырка“, не имѣетъ нужды ни въ какихъ затѣйливыхъ пособіяхъ и постороннихъ уловкахъ авторскаго кокетства. Вотъ настоящій и, вѣроятно, первый у насъ романъ нравовъ. Сцена онаго Малороссія. Творенія покойнаго *Нарѣжнаго*, автора „Бурсака“ и другихъ романовъ, уже познакомили насъ съ сею сценою. Но *Нарѣжный* былъ Теньеръ, и еще русскій Теньеръ романа. Какъ китайскіе романы обдають насъ запахомъ чая, такъ что, читая ихъ, сидишь какъ будто по уши въ цыбикѣ, такъ романы *Нарѣжнаго* обдають насъ *варенухою*, и куда авторъ ни вводитъ насъ, а все, кажется, не выходишь у него изъ корчмы. Дѣйствующія лица въ новомъ романѣ совершенно другихъ примѣтъ. О самомъ ходѣ романа, о дѣйствіи—говорить еще нельзя, потому что вышелъ только первый томъ онаго, и въ этомъ отношеніи читатели могутъ попенять автору. Хорошій романъ читается въ одинъ присѣтъ отъ доски до доски, не должно разбивать вниманія, разрывать участія. Впрочемъ, вся бѣда будетъ въ томъ: прочтешь его теперь и перечитаешь снова, когда выйдетъ окончаніе. Теперь пока мы какъ будто мимо-

ходомъ познакомились съ Анютою, милою монастыркою, прототиномъ всѣхъ милыхъ, простосердечныхъ, откровенныхъ монастырокъ бывшихъ, настоящихъ и будущихъ; съ доброю теткою ея, матерью Праскуты и Гапочки; съ Блистовскимъ, гвардіи штабсъ-ротмистромъ, предопредѣленнымъ, по видимому, быть героемъ рассказываемаго повѣствованія; съ Климомъ Сидоровичемъ Дюндикомъ, котораго съ первой встрѣчи не полюбишь, но къ которому привяжешься (хотя не по любви), какъ къ лицу оригинальному, означенному рѣзкими и забавными чертами и годному для изученія нравственнаго; съ семействомъ его, также не весьма любезнымъ, состоящимъ изъ супруги его Марѣы Петровны, которая женщина себѣ на умѣ и вопреки духовнаго наставленія вовсе не боится мужа, а напротивъ держать его въ ежовыхъ рукавицахъ, и двухъ дочерей, выучившихся французскому языку по книгѣ „Jardin de Paradis pour leçon des enfans“. Къ этому семейству причислить должно и племянника Марѣы Петровны, господина Прыжкова, урожденнаго *Прыжко*, который на ярмаркѣ въ Ромнахъ вздумалъ промыслять забавою, выдуманною парижскими шалунами и надѣлавшею столько шума во французскихъ газетахъ подъ каламбурическимъ именемъ „La secte d'Épicure“ (des picâtes), потому что на гуляньяхъ, въ собраніяхъ многолюдныхъ, дамы въ Парижѣ укалываемы были неизвѣстно кѣмъ и чѣмъ, и платя ихъ прожигаемы какою-то ѣдкою кислотою. Всѣ эти лица, не забывая при нихъ и цыганскаго атамана, у васъ на примѣтѣ: вы ихъ разглядѣли; въ продолженіе вы заживете съ ними и тогда уже заключите рѣшительное мнѣніе о каждомъ изъ нихъ. Предупреждаемъ автора: онъ возбудилъ любопытство наше, мы не выпустимъ изъ виду ни одного изъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ онъ провелъ передъ нами. Въ романѣ его, истинномъ романѣ нравовъ и общежитія, мы не хотимъ видѣть китайскихъ тѣней, которыя проскользятъ и пропадутъ безъ вѣсти. Просимъ его покорно каждому оставить свое мѣсто, свое дѣйствіе, свое предназначеніе. Желая предупредить въ читателяхъ романа недоумѣніе, которому мы поддались, встрѣтаясь съ парижскою копіею въ Ромнахъ, объяснимъ, что по нѣкоторымъ справкамъ нашимъ оказалось, что

шалость, приписанная господину Прыжкову, есть не переложенное авторомъ на русскіе нравы происшествіе, но истинное событіе, которому были въ Ромнахъ очевидцы. Кстати сказать: *le vrai peut quelquefois n'être pas vraisemblable*.

О языкѣ и слогѣ романа замѣтимъ, что за исключеніемъ весьма, весьма немногихъ погрѣшностей, или лучше сказать, недосмотровъ, они совершенно отвѣчаютъ требованіямъ природы и искусства.

1830 г. №16.

Нищій. Сочиненіе А. Подолинскаго. С.-Пб. 1830.

Пѣвецъ „Нищаго“ познакомился съ читающею публикою нашею въ 1827 году, выдавъ маленькую поэмѣ „Дивъ и Пери“. Счастливо выбранный предметъ, стихи, всегда благозвучные, хотя не вездѣ точные, и въ цѣломъ хорошее направленіе молодого таланта, обрадовали истинныхъ любителей русской словесности. Поэма „Дивъ и Пери“, сама собою не образцовое произведеніе, сдѣлалась драгоцѣнною книжкою по надеждамъ, какія подавалъ ея сочинитель. Удовольствіе судей благомыслящихъ откликнулось шумною радостью въ нашихъ журналахъ, какъ едва слышное одобреніе театральныхъ знатоковъ подхватывается громкими плесками амфитеатра. Одинъ московскій журналистъ даже вызвался благодарить молодого поэта отъ лица всего человѣчества. Поступокъ, у насъ не удивительный. Упорное молчаніе людей, которые, по своему образованію и уму, должны бы были говорить въ полезное услышаніе наше, оставляетъ литературныхъ демагоговъ въ счастливой самоувѣренности, что они говорятъ по общему призванію и отъ лица всѣхъ мыслящихъ. Потому-то въ ихъ судейскихъ опредѣленіяхъ замѣтите много повелительнаго и ничего убѣдительнаго! Пожалѣемъ, если неотчетливая похвала ихъ имѣла вредное дѣйствіе на молодой талантъ нашего поэта: вторая поэма его „Борскій“ обрадовала только журналистовъ, изъ коихъ одинъ объявилъ, что теперь должно учиться стихи писать у г. Подолинскаго, а не у Жуковскаго и Пушкина. Стихи въ „Борскомъ“, какъ и въ „Дивъ и Пери“, благозвучны, но языкъ еще болѣе небреженъ, а планъ его, какъ

извѣстно читателямъ, склеенъ изъ неискусныхъ подражаній двумъ, тремъ поэмамъ любимыхъ нашихъ поэтовъ и законченъ катастрофой собственной выдумки, годной развѣ для модныхъ французскихъ пародій, какова „Le lendemain du dernier jour d'un condamné“.

Благозвучные стихи безъ мыслей обнаруживаютъ не талантъ поэтическій, а хорошо устроенный органъ слуха. Гармонія стиховъ Virgilія, Расина, Шиллера, Жуковского и Пушкина есть, такъ сказать, тѣло, въ которомъ рождаются поэтическія чувства и мысли. Какъ женская красота вполне выразилась въ формахъ Венеры Медицѣйской, такъ у истинныхъ поэтовъ каждая мысль и каждое чувство облакаются въ единый, имъ свойственный гармоническій образъ. Сія-то связь очаровательности звуковъ съ истиною вдохновеній всегда будетъ услажденіемъ и славою человѣчества; она врѣзала въ памяти великаго Лейбница двѣнадцать пѣсней „Энеиды“; плененный ими, онъ говаривалъ: „Если-бы Virgilій наименовалъ меня только въ одномъ стихѣ „Энеиды“, я бы почелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ и пренебрегъ бы всякою другою извѣстностью“.

Подобное благозвучіе предвѣщала намъ, какъ заря прекраснаго дня, поэма „Дивъ и Пери“, и къ сожалѣнію, надежды наши не сбылись по прочтеніи „Нищаго“. Въ немъ напрасно вы будете искать поэтическаго вымысла, въ немъ нѣтъ во многихъ мѣстахъ (не говорю о грамматикѣ) даже смысла. Это что-то похожее на часовой будильникъ, но хуже: ибо будильникъ имѣетъ цѣль, онъ звенитъ, чтобы разбудить въ назначенное время спящаго человѣка. Въ подтвержденіе нашего мнѣнія расскажемъ содержаніе сего сочиненія:

Бѣдный итальянецъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ оставившій Италію, тоскуетъ по родинѣ, жалуется, что она далеко и, какъ ребенокъ, не умѣя назвать собственнымъ именемъ, описываетъ ее частными картинами, болѣе изображающими Швейцарію, чѣмъ Италію:

Еще я помню: горы тамъ,
Снѣга и льдины по горамъ,
Онѣ блестятъ вѣнцомъ златымъ
Подъ небомъ вѣчно голубымъ:

Долинъ и нѣга и краса,
Роскошно зыблются лѣса
И брызжетъ искрами заливъ
У корней миртовъ и оливъ;
Тамъ рядъ священныхъ мнѣ могилъ
Широко яворъ осѣнилъ—
И, можетъ быть, въ его тѣни
И я бы мирно кончилъ дни...
Я?... Нѣтъ! ничтожныя мечты!...

Ему запрещено возвращеніе въ отчизну, и онъ оттого хотѣлъ бы разлюбить ее.

Но какъ по вольности, о ней
Тоска живетъ въ груди моей.

Отчего же страдаетъ онъ?—Отъ любви и вотъ какимъ образомъ:

Однажды праздникомъ весны—
Храня обычай старины—
Плясалъ подъ сѣнію деревъ
Кругъ рѣзвыхъ юношей и дѣвъ,
И между нихъ была она,
Моя Аньола!...
Утомлена, ко мнѣ на грудь
Она поникла; ядохнуть
Не смѣлъ.....
И вдругъ руки моей слегка
Коснулась жаркая рука....
Я вспыхнулъ—къ пламеннымъ устамъ
Прижалъ ее—не помнилъ самъ,
Что дѣлалъ я, кипѣла кровь—
И ей я высказалъ любовь.

Аньола, удивленная, какъ и читатели, неожиданнымъ и неумѣстнымъ признаніемъ въ любви,

Прочь пошла, не оглянувшись.

Нищій изъ этого заключилъ, что она его не любитъ; ему показалось,

Что жизнь пучина слезъ и бѣдъ,
Любовь—огонь, а счастья нѣтъ.

И онъ, скрывъ въ душѣ любовь свою,

Бѣжалъ всего—родныхъ, друзей,
И часто въ сумракъ ночей,
Тревоги полный, чуждый сну,
Одинъ всходилъ на крутизну

и безсмысленно рыдалъ. Однажды ночью (*На югъ долго ночь тепла, замѣчаетъ поэтъ*) застаётъ онъ надъ водопадомъ Аньолу и не одну; слышитъ, какъ она цѣлуется, видитъ, какъ

Приникнувъ къ ней, рука съ рукой,
Ее ласкалъ соперникъ—

и сталкиваетъ этого счастливца со скалы, т. е. исполняетъ на дѣлѣ ревнивое мечтаніе Алеко, прекрасно высказанное Пушкинымъ:

...Когда-бъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и тутъ моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣднѣя,
И беззащитнаго бѣ толкнулъ,
Внезапный ужасъ пробужденья
Свирѣпымъ смѣхомъ упрекнулъ,
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль.

(«Цыганы»).

Незнакомецъ сброшенъ со скалы; Аньола, Богъ знаетъ, куда скрылась, даже не вскрикнувъ отъ испуга, а герой поэмы услышалъ голосъ несчастнаго и узналъ по немъ родного брата. Невольное братоубійство подѣйствовало не на сердце его, а на голову. Не знаемъ, было ли такое намѣреніе у автора; судимъ по исполненію. Нищій помѣшался и съ этого несчастнаго мига все, что ни рассказываетъ онъ въ остальной части поэмы,—или безъ смысла, или безъ цѣли. Чѣмъ кинутся къ несчастному брату на помощь, или, если это напрасно, постараться, по крайней мѣрѣ, пока живъ онъ, вымолить у него прощеніе, онъ преспокойно проговорилъ слѣдующее непонятное заклинаніе и упалъ въ обморокъ:

Еслибъ громъ
Съ небесъ разгнѣванныхъ упалъ,
И подъ развалинами скалъ
Братоубійцу онъ погребъ,—
Чтобъ бездна приняла, какъ гробъ
Мою главу.... чтобъ въ судный день
Моя испуганная тѣнь
Укрылась въ сумракъ земли,
Чтобъ мнѣ на сердце налегли
Громады горь,—но громъ молчалъ!

Пришедъ въ себя и пропѣвъ цѣлую идиллію о красотѣ утра, насилу воспоминаетъ онъ о своемъ поступкѣ и то сомнѣвается, но

*Бѣлый взглядъ
Случайно палъ на водопадъ,
И что же?—брата епанча,*

У ската горнаго ключа
Полой *вытпившись о гранитъ,*
По вѣтру вьется и шумить!

Изъ остальныхъ словъ Нищаго понять можно, что онъ былъ посаженъ въ тюрьму, что его навѣщала мать (которую, будто-бы, тихонько и за деньги къ нему впускали, какъ къ важному государственному преступнику), что она и Аньола умерли и что судьи позабыли его въ тюрьмѣ, гдѣ онъ просидѣлъ бы до конца жизни, еслибы Наполеонъ, завоевавъ Италію, не велѣлъ освободить заключенныхъ. На волѣ совѣсть его не мучила, нѣтъ, — первое чувство, родившееся въ немъ, была *любовь!* И его тревожила только одна мечта, что онъ *сирота!* Однакожъ онъ посѣтилъ могилы матери, Аньолы и убитаго имъ брата и на нихъ увидѣлъ чудеса: *кусты живыхъ розъ съ нездѣшнымъ запахомъ и кипарисъ, пахнуцій розами.* Тутъ же (не знаемъ, сонъ ли это былъ) явились ему три знакомыя тѣни и приказали навсегда удалиться изъ Италіи. Онъ ихъ послушался, пришелъ въ Россію, и здѣсь безпокоютъ его мысли странныя, изъ коихъ одну пускай онъ самъ перескажетъ:

Убогъ и сиръ
Я обхожу печальный міръ.
Порою тучныя поля
Объемлю жаднымъ взоромъ я
И мыслю: *еслибъ хоть одно*
Здѣсь было и мое зерно.

1830, № 19.

Бахчисарайскій фонтанъ. Сочиненіе Александра Пушкина. Изданіе третье. С.-Пб. 1830.

„Бахчисарайскій фонтанъ“, сочиненіе А. С. Пушкина, напечатанъ уже третьимъ тисненіемъ: форматъ одинъ съ мелкими стихотвореніями того же автора, вышедшими въ двухъ частяхъ въ С.-Петербургѣ (1829). Издатели не помѣстили прежняго предисловія, теперь уже не необходимаго, но въ свое время возбудившаго жаркіе споры. Въ немъ князь П. А. Вяземскій первый выказалъ всю смѣшную сторону такъ называемыхъ у насъ классиковъ, первый поднялъ знамя умной и благомыслящей критики. Въ замѣнъ сей убыли, прибавленъ къ выпискамъ изъ занимательнаго „Путешествіе по Тавридѣ“

И. М. Муравьева-Апостола отрывокъ письма самого сочинителя къ Д***, въ которомъ читатели увидятъ, какъ часто первыя впечатлѣнія, прозаически скользя по душѣ, нечаянно послѣ разгораются въ ней огнемъ вдохновенія и согрѣваютъ ее до высокой поэзіи. — Мы читали и перечитывали и въ третьемъ изданіи „Бахчисарайскій фонтанъ“. Человѣкъ, не лишенный чувства изящнаго, не устанетъ читать подобныя сочиненія, какъ охотникъ до жемчугу пересматривать богатое ожерелье. Въ каждый новый разъ удовольствіе усугубляется, потому что все болѣе и болѣе убѣждаешься въ неподдѣльной красотѣ своей драгоцѣнности. Пушкинъ въ сей поэмѣ достигъ до неподражаемой зрѣлости искусства въ поэзіи выраженій, а въ сценѣ Заремы съ Маріей уже ясно обнаружилъ истинное драматическое дарованіе, съ большимъ блескомъ въ послѣдствіи развившееся въ трагедіи „Борисъ Годуновъ“ и въ исторической поэмѣ „Полтава“.

1830 г., № 22.

Iwan Wuischigin, moralisch-satyrischer Roman von Th. Bulgarin. Aus dem Russischen übersetzt von August Oldekop. 4 Th. Leipzig. 1830.

Какъ не быть намъ благодарными иностранцамъ? Пиши только, — они всегда готовы переводить наши сочиненія. Однако чрезмѣру опасливые патріоты наши ропщутъ на нихъ за предложеніе романа „Иванъ Выжигинъ“. „Какое странное понятіе“, говорятъ они, „будутъ имѣть европейцы о русскихъ нравахъ, прочтя сіе произведеніе?“ Не бойтесь, милостивые государи, Россія не закрыта отъ любопытныхъ чужеземцевъ Китайскою стѣною. Со временъ Петра Великаго просвѣщенные и почтенные европейцы не оставляютъ столицъ нашихъ. Принцы крови, посланники знаменитыхъ государей, ученые путешественники и просвѣщенные торговые люди посѣщаютъ Россію ежегодно и, возвращаясь домой, письменно или словесно передаютъ о ней свои вѣрныя наблюденія. Изъ однихъ напечатанныхъ и вездѣ уважаемыхъ замѣчаній о Россіи на англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ легко можете увидѣть, какъ мы извѣстны внѣ нашего отечества. Вспомните Сегюра, принца де-Линя и г-жу Сталь, и вы успокоитесь.

Вотъ вамъ три представителя образованности и любезности европейской, которые удивлялись, во множествѣ встрѣчая въ гостиныхъ нашихъ людей вполнѣ ихъ оцѣнявшихъ и очаровательностію обхожденія и разговоровъ заставлявшихъ забывать всю прелесть блестящихъ обществъ Парижа, Лондона и Вѣны. Умные иностранцы имъ повѣрятъ скорѣе, чѣмъ „Ивану Выжигину“, въ которомъ не найдутъ ни характеровъ, ни нравовъ, ниже нравственности и сатиры, обѣщанныхъ на листѣ; не отыщутъ даже интереса романовъ Коцебу, Списса, Дюкре-Дюмениля и прочихъ своихъ посредственныхъ романистовъ; и только заключать, что въ Россіи нѣтъ еще хорошихъ романовъ, если, вѣря предисловію г. переводчика, „Иванъ Выжигинъ“ въ семь дней у насъ раскупился. Но и сему объявленію переводчика врядъ ли они повѣрятъ, опытами убѣжденные въ истинѣ пословицы: *A beau mentir qui vient de loin*. На романъ сей, за нѣсколько мѣсяцевъ до появленія въ свѣтъ, открыта была подписка, и подписка сія повидимому у автора шла неудачно, ибо онъ рѣшился под-конецъ продать свое сочиненіе книгопродавцу за десять тысячъ рублей, по крайней мѣрѣ вдвое дешевле того, что онъ получилъ бы отъ 2400 покупателей, въ семь дней, по словамъ г-на Ольдекопа, расхватившихъ романъ: „Иванъ Выжигинъ“. Книги же, какого бы достоинства онѣ ни были, сдѣлавшись собственностію книгопродавцевъ, расходятся у насъ хорошо, благодаря купеческой ловкости и оборотливости. Взгляните въ русскіе книжные каталоги: вы удивитесь, сколько разъ перепечатывались многотомныя собранія разнаго вздора, именно потому, что они изданы и проданы книгопродавцами; а книги (какъ напримѣръ, путешествіе Крузенштерна, имѣвшее въ переводахъ нѣсколько изданій) едва ли въ двадцать лѣтъ окупили издержки типографскія. Впрочемъ и у насъ были и есть доказательства исключительной любви къ произведеніямъ, ознаменованнымъ дарованіями высокими. Такъ „Исторіи Государства Россійскаго“, соч. Карамзина, раскупили въ 28 дней три тысячи экземпляровъ, за каждый платя не по 15 рублей, а по 50; такъ сочиненія А. С. Пушкина, имъ самимъ издаваемые, съ жадностію раскупаются и читаются.

Переводчикъ романа „Иванъ Выжигинъ“ ропщетъ въ предисловіи на трудности, съ нимъ повстрѣчавшіяся въ семъ занятіи. Жалѣемъ объ немъ, тѣмъ болѣе что съ его трудолюбіемъ и талантами онъ бы могъ употребить на лучшее и труды свои, и время.

1830, № 34.

Классикъ и Романтикъ или не въ томъ сила. Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, соч. *Константина Масальскаго*. С.-Пб. 1830.

На зло благомыслящимъ читателямъ борьба русскихъ классиковъ и романтиковъ не утихаетъ. Врядъ ли Троянская война столько длилась и была сопровождаема подобнымъ жаромъ. Нельзя даже предвидѣть окончанія симъ преніямъ. Въ нашихъ Ахиллесахъ замѣтно болѣе остервененія, чѣмъ знанія дѣла. Это—важные политики нѣмецкихъ клубовъ, за пивомъ обсуживающіе дѣйствія французовъ, взявшихъ Алжиръ безъ ихъ позволенія. Это—люди какого-то особеннаго міра, въ которомъ течетъ доброе, бархатное пиво, а не время, поминутно обогащающее насъ и новыми опытами, и новыми идеями. Наши классики лѣтъ съ тридцать учатъ литературѣ по однимъ и тѣмъ же тетрадкамъ; наши романтики, справедливо осуждая ихъ неподвижность, несправедливо гордятся незнаніемъ оныхъ тетрадокъ, безъ коихъ двѣ-три хотя и новыя, но не пережеванные мысли ни къ чему имъ не служатъ, развѣ къ большому омраченію слабаго ума, дарованнаго имъ не всегда щедрою природою. Бывали у насъ литературные споры, но спорщики были люди, отличные или необыкновенными талантами, или хорошею ученостію. Война Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковского объяснила многое въ языкѣ русскомъ и потому имѣла добрая слѣдствія. Состязаніе о старомъ и новомъ слогѣ, послѣ нѣсколькихъ литературныхъ соборовъ, кончилось полезно и удовлетворительно для обѣихъ сторонъ. Но вспомните, кто были и въ семъ преніи предводителями? Довольно указать на почтеннаго предсѣдателя Академіи Россійской и на Карамзина, славою котораго гордятся всѣ истинные русскіе. — Кто же спорить о классицизмѣ и романтизмѣ? — Люди, которые никогда не были и не будутъ ни классиками, ни ро-

мантиками; журналисты, равнодушные такъ-же къ старому, какъ и къ новому, равнодушные только къ числу своихъ подписчиковъ. Елена ихъ не есть общая польза: они бьются, позабывъ и стыдъ, и пристойность, изъ желанія уничтожить своихъ товарищей и попасть въ монополисты литературные. Это война ось, нападающихъ на пчелиные ульи, богатые медомъ, а не споръ стараго поколѣнія, по законамъ природы остановившагося при запасѣ имъ собранныхъ мыслей и непонимающаго, какимъ образомъ новое поколѣніе можетъ идти далѣе. — Не замѣчая сихъ Мирмидоновъ, наша литература видимо усовершенствуется. Наши хорошіе писатели совѣтуются съ просвѣщеніемъ вѣка, изучаютъ красоты въ произведеніяхъ славныхъ своихъ предшественниковъ, и нѣтъ въ поэзіи рода ни древняго, ни новаго, въ которомъ бы они не пробовали силъ своихъ и не заслужили одобренія просвѣщенныхъ читателей.

Видя въ настоящемъ положеніи и счастливый ходъ литературы нашей, и жалкія драки нашихъ журналистовъ, читатель, вѣроятно, полагаетъ, что въ комедіи, нами разбираемой, выведены два журналиста, одинъ старикъ, другой молодой. Старый вышелъ изъ моды, потому что онъ остановился на правилахъ своего Аристотеля, какъ голова осталась въ парикѣ и ноги въ сапогахъ съ кисточками: молодой же отбилъ у него легкомысленныхъ подписчиковъ модными картинками и увѣреніями, что онъ идетъ рядомъ съ вѣкомъ, и на бѣду еще влюбился въ дочь огорченнаго Классика. Дѣвушка не прочь отъ такого жениха. Она любитъ наряжаться, а будущій мужъ ея, издатель моднаго журала, за каждое объявленіе о новыхъ матеріяхъ, шляпкахъ, перчаткахъ и пр. получаетъ отъ продавцовъ значительные образчики въ подарокъ. Какъ отказаться отъ такого обладанія? Она во что бы то ни стало рѣшается успокоить классическій гнѣвъ отца и осчастливить Романтика. Послѣ нѣсколькихъ сценъ, ей все удастся, и комедія кончится. — Такъ или иначе, но все изъ предмета войны нашихъ классиковъ и романтиковъ слѣдовало составить эту комедію. Г. Мосальскій не захотѣлъ воспользоваться тѣмъ, что ему само ложилось подъ перо. Происшествіе комедіи его ни на что не похоже: не наблюденія и опытность помогали

ему созидать характеры: нѣтъ! онъ самъ объявляетъ въ 28 № „Сына Отечества“, что въ комедіи его всѣ лица вымышленныя, и тѣмъ еще хвалится. Вотъ почему герои его болѣе созданы для жительства въ желтомъ домѣ, чѣмъ для какой-либо сцены. Потому же дурны и актеры повѣсти „Терпи, казакъ, — атаманъ будешь“, не смотря, что въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ на 1830 годъ О. М. Сомовъ ничего объ ней не сказалъ дурного. Но если бы въ „Обозрѣніи“ „Сѣверныхъ цвѣтовъ“ и была похвалена повѣсть г. Мосальскаго, все бы это не помѣшало издателю „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“ и „Литературной Газеты“ имѣть свое мнѣніе и объявлять оное. Стихи и въ повѣсти, и въ комедіи дурны. Кто захочетъ повѣрить сіе замѣчаніе, тотъ можетъ отыскать въ „Сѣверной Пчелѣ“ нынѣшняго года на показъ напечатанный отрывокъ изъ повѣсти „Терпи, казакъ“ и пр. Рецензентъ журнала „Галатея“, разбирая комедію „Классикъ и Романтикъ“, удачно выписалъ изъ нея два стиха, изъ коихъ заключающій пьесу:

«Въ умѣ, въ талантѣ, — вотъ въ чемъ сила»,
можетъ послужить правиломъ для будущихъ комиковъ, а первый:
«Тѣфу пропасть! толку не добьешься»
краткимъ отчетомъ о разбираемомъ сочиненіи.
1830, № 43.

Безумная. Русская повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе *Ивана Козлова*. С.-Пб. 1830.

Рожденіе Іоанна Грознаго. Поэма въ трехъ частяхъ. Сочиненіе барона *Розена*. С.-Пб. 1830.

Русская литература еще не живетъ полною жизнію. Люди, по охотѣ или по обязанности наблюдающіе за нею, находятся въ положеніи стихотворнаго Ильи Муромца, который безъ помощи волшебнаго перстня просидѣлъ бы цѣлый вѣкъ надъ очарованной красавицей и не дождался ея пробужденія. Наша красавица пробуждается очень, очень рѣдко и скоро опять засыпаетъ до неопредѣленнаго времени. Нынѣ одна только блестящая звѣзда Пушкина воздвигаетъ ее ото сна и то много, много раза два въ годъ: другіе же русскіе кудесники приводятъ ее только до степени лунатизма. Что жъ? Мы рады и бреду милой женщины: все жъ по крайней мѣрѣ слышишь

ее! Притомъ же, благодаря Месмеру и его послѣдователямъ, мы теперь знаемъ, что лунатики могутъ иногда говорить не хуже неспящихъ. Въ подтвержденіе сего положенія укажемъ на двѣ замѣчательныя новыя поэмы, недавно вышедшія изъ печати: „Безумная“, сочиненіе Ивана Ивановича Козлова, и „Рожденіе Іоанна Грознаго“, сочиненіе барона Розена.

Первой принадлежитъ безъ всякаго сомнѣнія пальма первенства, не смотря на дурно обдуманнѣйшій планъ. Пѣвецъ „Чернеца“ и „Натальи Долгорукой“ не исчерпалъ еще до дна кладязя чувствъ своихъ. Въ поэмѣ „Безумная“ каждый стихъ звучитъ не фистулою, но чистыми, полными тонами, прямо возникающими изъ прекраснаго сердца. Это пѣніе соловья, успокоивающее душу, но не удовлетворяющее фантазіи. Раздѣляешь печаль съ милымъ пѣвцомъ и невольно сердишься на него, что онъ заставилъ насъ плакать отъ несчастій вымышленныхъ и рассказанныхъ оперною актрисой, а не настоящею поселянкой. „Безумная“ его театральная Нина, а не Офелія Шекспира, не Марія Кочубей Пушкина. Но черта, раздѣляющая естественное отъ театральнаго, не многими знаема, и недостатокъ въ созданіи, нами замѣченный въ пьесѣ почтеннаго поэта нашего, выкупается, какъ мы уже сказали, изобиліемъ чувствъ. Кто плакалъ, читая „Чернеца“ и „Наталью Долгорукую“, тотъ заплатитъ невольную дань чувствительности и при чтеніи „Безумной“.

Въ поэмѣ барона Розена фантазія и машины холоднаго соображенія взяли верхъ надъ чувствами и тѣмъ испортили все дѣло. Соломонія историческая такъ занимательна, неплодіе ея и невѣрность супруга такъ естественны, что не нужно было выдумывать никакихъ заклятій и разрѣшеній какого-то Псковитянина; не надо было выставять на сцену отвратительнаго Шигоны и соблазновъ Елены Глинской; а слѣдовало просто занять насъ единственно несчастіями отвергнутой и невинной супруги и чувствами умилительными безпримѣрной матери. Потому стоило погрузиться въ самого себя и, подобно И. И. Козлову, не жалѣя высказать всѣ чувства души своей поэтической, и поэма бы его несказанно выиграла. Сколько бы тогда холодныхъ описаній оказалось ненужными, сколько бы

прозаическихъ стиховъ не было написано молодымъ нашимъ лирикомъ. Сцена юродиваго, оканчивающая поэму: „Рожденіе Іоанна Грознаго“, хорошо выдуманна, но неудачно выполнена. Молодые художники! списывайте болѣе съ натуры и не спѣшите писать на память, на угадъ.

1830, № 68.

Борисъ Годуновъ. С.-Пб. 1831.

Желаемъ отъ чистаго сердца всѣмъ русскимъ литературнымъ газетамъ каждый новый годъ начинать свою библіографію, какъ мы нынѣ: увѣдомленіемъ о книгѣ, равной достоинствомъ съ историческою драмой А. С. Пушкина: „Борисъ Годуновъ“. Появленіе ея вполнѣ вознаградило долгое, нетерпѣливое ожиданіе любителей поэзіи. Это не произведеніе, писанное съ единственнымъ намѣреніемъ поскорѣе кончить и, получивъ за оное деньги, опять съ тою же мыслию приняться за новое денежное предпріятіе. Нѣтъ, еще въ 1825 году „Борисъ Годуновъ“ былъ написанъ, а только въ 1831 вышелъ изъ печати. Истинный талантъ выше денегъ цѣнитъ свое искусство. Сколько исторія представляетъ поэтовъ, которые, терпя крайнюю бѣдность, не продавали своего таланта и, питаясь черствымъ хлѣбомъ и водою, не спѣша, готовили для просвѣщенныхъ современниковъ и справедливаго потомства яству безсмертную, нектаръ и амброзію, вкусную пищу древнихъ боговъ и существъ, не ограничивающихъ кругъ бытія своего краткою землею жизнію. Но, благодаря Бога, Пушкинъ не равенъ съ сими свѣтилами горькою участію! Судьба не гонитъ его. Нашъ просвѣщенный монархъ, котораго недавнее царствованіе ознаменовано уже столькими необыкновенными событіями, столькими великими подвигами, кои могли бы прославить цѣлое пятидесятилѣтіе, несмотря на разнообразныя царственныя заботы, находитъ мгновенія обращать живительное вниманіе свое на произведенія нашего поэта. Счастливо время, въ которое таланты не низкою лестію, а достоинствомъ неискательнымъ пріобрѣтаютъ высокое покровительство, и въ которое правда такъ богата истинною поэзіей.

Нѣкоторыхъ черезъ-чуръ любопытныхъ читателей и двухъ-трехъ журналистовъ занимаетъ важная мысль: къ какому роду

должно отнести сіе поэтическое произведение? Одинъ называетъ его трагедіей, другой драматическимъ романомъ, третій романомъ, четвертый романической драмой и т. д. Къ чему приведетъ ихъ разрѣшеніе сей задачи? Не къ познанію лиу по какимъ правиламъ судить новое сочиненіе? Назовите его, не по правиламъ, но по впечатлѣніямъ, которыя получите послѣ долгаго, внимательнаго чтенія. Каждое оригинальное произведение имѣетъ свои законы, которые нужно замѣтить и объявить, но единственно для того, чтобы юноши, учащіеся поэзіи, и люди, не живо чувствующіе, легче могли понять всѣ красоты изящнаго творенія. Воображать же, чтобы законы какой-нибудь поэмы, трагедіи и проч. были непремѣнными мѣрилами пьесъ, послѣ нихъ написанныхъ, — и смѣшно, и недостойно человека мыслящаго. Пора убѣдиться намъ, что человекъ, какъ бы ученъ ни былъ, сколько бы правилъ ни зналъ, но не имѣющій поэтического таланта, ничего необыкновеннаго не напишетъ. Сколько французовъ, сколько русскихъ слѣпо вѣрили въ правила французской драматургіи; и что же они написали? Ничего, чтобы можно было читать послѣ Расина, который не по тремъ единствамъ читается, перечитывается и будетъ читаться, а по чему-то иному, чего къ несчастію и недостаетъ ученымъ его подражателямъ.

„Борисъ Годуновъ“ безспорно долженъ стать выше прочихъ произведеній А. С. Пушкина. Поэма „Полтава“ была, такъ сказать, переходомъ нашего поэта отъ юности къ зрѣлому возрасту, отъ поэзіи воображенія и чувствъ къ поэзіи высшей, въ которой вдохновенное соображеніе всему повелитель: словомъ, отъ „Кавказскаго Плѣнника“, „Бахчисарайскаго Фонтана“, „Цыгановъ“ и пр. — къ „Борису Годунову“. Уже въ „Полтавѣ“ мыслящихъ читателей поразила эта важная простота, принадлежность зрѣлаго таланта, чуждая безотчетныхъ увлеченій и блестящихъ эффектовъ, но богатая поэзіей истины. Въ прежнихъ поэмахъ Пушкина планъ и характеры едва были начертаны и служили ему посторонними средствами, разнообразившими длинный монологъ, въ коемъ онъ изливалъ свою душу. Въ „Полтавѣ“ поэтъ уже рѣдко выходитъ на сцену и не говоритъ изъ-за кулисъ вмѣсто дѣйствующихъ

лицъ; нѣтъ, герои поэмы его живутъ своею незаимствованною жизнію. И съ исторіей въ рукѣ никто не уличитъ ихъ въ самозванствѣ! Одна завистливая посредственность бранила сіе произведеніе, какъ вѣроятно будетъ бранить и „Бориса Годунова“. Но не для нея поэтъ пишетъ, не ее слушаютъ образованные читатели. Единственный недостатокъ поэмы „Полтава“, по нашему мнѣнію, заключается въ лирической формѣ. Предметъ сей слѣдовало бы вставить въ драматическую раму. Сколько превосходныхъ сценъ осталось неразвитыхъ, потому только, что лирическая поэзія намекаетъ, а не досказываетъ. Петръ Великій, Карлъ XII, Мазепа, старецъ Палей, Кочубей, дочь ихъ, влюбленный казакъ, Орликъ: вотъ восемь замѣчательныхъ, первостепенныхъ характеровъ, совершенно постигнутыхъ поэтомъ! Мы готовы утвердительно сказать, что драма „Полтава“ не уступила бы драмѣ, нами разбираемой.

Единство дѣйствія, сіе условіе, предписанное искусству самой природой, строго соблюдено Пушкинымъ. Подобно солнцу, силою своею въ порядкѣ управляющему цѣлою системой планетъ, Борисъ Годуновъ до послѣдняго издыханія великимъ умомъ все держитъ, надъ всѣмъ властвуетъ. Куда поэтъ ни переносится, вездѣ вліяніе Бориса видимо, и только одна смерть его взвела на престолъ Самозванца. Характеръ Бориса, чрезвычайно заманчивый въ самой исторіи, только въ вяломъ романѣ „Димитрій Самозванецъ“ выставленный блѣднымъ и безжизненнымъ, не только выдержанъ нашимъ поэтомъ, но еще какъ будто помощію увеличительнаго стекла придвинуть къ намъ. Мы видимъ самые тайные изгибы сердца его и вездѣ признаемъ подлинность нами видимаго. Пушкинъ въ минуту восторга, кажется, снова пережилъ всю жизнь этого самовольнаго Эдипа нашей исторіи и ни одной строкой, ни однимъ словомъ насъ не разочаровываетъ. Вездѣ въ Годуновѣ видимъ человека великаго, достойнаго царствовать и быть благодѣтелемъ рода человѣческаго, но униженнаго ужаснымъ злодѣяніемъ, которое, какъ фурія, его преслѣдуетъ и на каждое доброе дѣло его накидываетъ покровъ отвратительный. Видя хотя и заслуженныя страданія великаго человека, невольно умиляешься, невольно вѣришь, что кара за убіеніе невиннаго царевича па-

детъ на одну голову его, и не тронетъ его невиннаго сына: но за чистую кровь Димитрія небо потребовало чистой жертвы, и намъ, знающимъ судьбу его семейства, тѣмъ трогательнѣе кажутся послѣднія слова умирающаго Бориса, вотще наста-вляющаго сына, какъ царствовать.

1831 г., № № 1 и 2.

Замѣтки въ отдѣлѣ „Смѣси“.

I.

Въ 39-мъ № „Сѣверной Пчелы“ помѣщено окончаніе статьи о VII-й главѣ „Онѣгина“, въ которой между прочимъ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, „взялъ обильную дань изъ „Горя отъ ума“ и, просимъ не прогнѣваться, — изъ другой извѣстной книги. Седьмая глава „Евгенія Онѣгина“ лучше всѣхъ защитниковъ отвѣчаетъ за себя своими красотами, и никто, кромѣ „Сѣверной Пчелы“, не найдетъ въ описаніи Москвы заимствованій изъ „Горя отъ ума“. И Грибоѣдовъ, и Пушкинъ писали свои картины съ одного предмета: неминуемо и у того, и у другого должны встрѣчаться черты сходныя. Но изъ какой, просимъ не гнѣваться, другой извѣстной книги Пушкинъ что-то похитилъ? Не называетъ ли „Сѣверная Пчела“ извѣстною книгою „Ивана Выжигина“, гдѣ находится странное раздѣленіе московскаго общества на классы, въ числѣ коихъ одинъ составленъ изъ архивныхъ юношей? Кажется, что такъ; и мы также обвинимъ Пушкина, хотя по какой-то игрѣ случая, его описаніе Москвы было написано прежде „Ивана Выжигина“ и напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ почти за годъ до появленія сего романа. Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа „Димитрій Самозванецъ“ и сими хищеніями удачно, съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію „Борисъ Годуновъ“, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина.

1830 г., № 20.

II.

Въ газетѣ „Le Figaro“ напечатано извѣстіе изъ Пекина, что нѣкоторый мандаринъ приказалъ побить палками нѣкотораго журналиста. Издатель замѣчаетъ, что мандарину это стыдно, а журналисту здорово.

1830 г., № 45.

III.

Два писателя, равные по достоинству, равно почтенные — г. Бестужевъ-Рюминъ и г. Булгаринъ, — сдѣлали издателю „Литературной Газеты“, какъ поэту и какъ журналисту, лестные комплименты. Первый въ альманахѣ „Сѣверная Звѣзда“ говоритъ, что половина стиховъ барона Дельвига писана Пушкинымъ, а другая Баратынскимъ; второй же въ 94 № „Сѣверной Пчелы“ увѣдомляетъ почтеннѣйшую публику, что критическія статьи „Литературной Газеты“ писаны не издателемъ оной: слѣдственно, или А. С. Пушкинымъ, или княземъ Вяземскимъ, самыми ревностнѣйшими его сотрудниками. Издателю „Сѣверной Пчелы“ „Литературная Газета“ кажется печальною; сознаемся, что онъ правъ, и самую печальнѣйшую статью находимъ мнѣніе А. С. Пушкина о сочиненіяхъ Видока.

1830 г., № 45.

IV.

На сихъ дняхъ г. О. Б., издатель „Сѣверной Пчелы“, обнародовалъ нижеслѣдующую прокламацію, которою повелѣваетъ всѣмъ Русскимъ покупать „Исторію Русскаго Народа¹⁾“:

„Чуждый зависти и всѣхъ литературныхъ мелочей, я всегда отдавалъ справедливость жесточайшимъ моимъ противникамъ²⁾“; но теперь съ удовольствіемъ говорю истину о

¹⁾ Перепечатываемъ изъ № 110-го «Сѣверной Пчелы» эту офиціальную бумагу и, по праву издателей газеты, позволяемъ себѣ окружить ее нѣкоторыми замѣчаніями.

²⁾ Кто сіи жесточайшіе противники г. О. Б.? Ужъ не тѣ ли, которымъ не нравятся его нравственно-сатирическіе и нравственно-историческіе романы? Въ такомъ случаѣ вмѣсто эпитета: «жесточайшіе», слѣ-

трудъ писателя самостоятельнаго, благонамѣреннаго и пламеннаго любителя просвѣщенія ¹⁾). Занимаясь съ любовью всю жизнь исторіею и преимущественно Русскою, осмѣливаюсь сказать явно, что я въ состояніи судить объ исторіи ²⁾). Не почитаю „Исторію Русскаго Народа“ совершенною, но признаю оную сочиненіемъ чрезвычайно важнымъ, любопытнымъ и полезнымъ для Россіи, ибо въ ней въ первый разъ появляются политика; философія и критика ³⁾).

„Повторяю однажды уже сказанное, что „Исторія Русскаго Народа“, сочиненіе г. Полеваго, есть такая книга, которую не только можно, но должно, и непремѣнно должно, прочесть послѣ „Исторіи“ Карамзина, и что каждый любитель отечественнаго обязанъ даже имѣть ее. Лыщу себя надеждою, что я заслужилъ довѣренность публики, и что въ этомъ случаѣ она повѣритъ словамъ моимъ болѣе, нежели тѣмъ отврати-

довало бы сказать «не вольные и многочисленные». Съ появленія сихъ несчастныхъ сочиненій, издатели «Сѣверной Пчелы» разгнѣвались на всѣхъ писателей, отличныхъ талантами и познаніями, и причислили ихъ къ особому приходу.

¹⁾ Рѣчь идетъ объ историкѣ «Русскаго Народа».

²⁾ Какова логика: я цѣлую жизнь занимаюсь исторіею, и потому могу судить о ней? Къ несчастію, мало заниматься цѣлую жизнь исторіею, чтобъ умѣть судить о ней: надо еще прибавить къ сему одну бездѣлицу: ясный, наблюдательный умъ, не всѣмъ и не безъ пристрастія раздаваемый природою. Объ историческихъ мнѣніяхъ О. Б. мы справедливѣе можемъ судить по статьѣ его, напечатанной въ двухъ нумерахъ «Сѣверной Пчелы» прошлаго года, въ которой онъ Богъ знаетъ чего требуетъ отъ нынѣшнихъ историковъ.

³⁾ И политика, и философія, и критика не узнаютъ себя въ «Исторіи Русскаго Народа». Историческая критика г. Полеваго, какъ добродушная нянька, хлопочетъ, чтобы мы не вѣрили сказкамъ, часто встрѣчающимся въ нашей древней исторіи; но не только до появленія «Исторіи Русскаго Народа»,—и до Карамзина никто не почиталъ ихъ за истину. Нѣтъ, настоящая историческая критика не озаряла трудовъ г. Полеваго; иначе не было бы въ его книгѣ ненужныхъ выписокъ о скандинавахъ, странныхъ нападокъ на Карамзина, или лучше, на здравый смыслъ, и своевольныхъ толкованій, которыя какъ бы остроумны ни были, все толкованія г. Полеваго, а не приведенныя въ ясность преданія лѣтописцевъ. Вся философія историческая заключается въ томъ одномъ, чтобы никакой философіи не вмѣшивать въ исторію, которая сама въ себѣ заключаетъ вѣчную, ничѣмъ не измѣняемую философію, распространеніе единой мысли Всесоздателя. Пишите исторію, не мудрствуя лукаво, и въ ясномъ изложеніи событій политика сама собою выкажется. Но для яснаго изложенія исторіи, недостаетъ въ нашемъ историкѣ искусства владѣть русскимъ языкомъ (который, къ сожалѣнію, совершенно ему не повинуется) и порядка въ мысляхъ и въ расположеніи оныхъ.

тельными нападками, которые превращают литературное поприще въ какое-то торжище и унижаютъ званіе литератора“¹⁾).

Почтенный, добрый, благородный Карамзинъ сказалъ, что первая потребность писателя есть доброе сердце. Читая въ журналахъ грубую брань, клеветы, сплетни, гнусныя выходки зависти, рядомъ съ преувеличенными похвалами безсмертному исторіографу, по неволѣ выводимъ заключеніе, которое.... не идетъ въ печать²⁾).

Повторимъ въ заключеніе сихъ замѣчаній разъ уже нами сказанное въ 24 № „Литературной Газеты“. Какъ бы развеселилась важная Германія, если бы издатель „Безпристрастнаго Гамбургскаго Кореспондента“, собравъ свои нравственно-политическія сочиненія воедино, провозгласилъ себя раздавателемъ литературныхъ званій?

1830 г., № 54.

У.

„Бориса Годунова“, сочиненія А. С. Пушкина, въ первое утро раскуплено было, по показаніямъ здѣшнихъ книгопродавцевъ, до 400 экземпляровъ. Это доказываетъ, что непривѣтливые журналисты напрасно винятъ нашу публику за равнодушіе къ истинно-хорошему въ нашей литературѣ и вообще ко всему отечественному. Мы помнимъ, что при появленіи

¹⁾ Слѣдующія за строгимъ приказаніемъ покупать «Исторію Русскаго Народа» убѣжденія г. О. Б., что словамъ его должно вѣрить, напомнили намъ невыдуманный анекдотъ, кажется, нигдѣ еще не напечатанный: нѣкто, почитающій себя классикомъ, браня романтизмъ, важно говорилъ однажды знакомому молодому поэту: «Ну, послушай, любезный, вѣдь ты меня знаешь, не правда ли? Вѣдь я честный человѣкъ? Вѣдь мнѣ никакой пользы нѣтъ тебя обманывать? Повѣрь же, милый, старику, и Шиллеръ твой, и Гете—не писатели, а дураки!»

²⁾ Забавно читать въ «Сѣверной Пчелѣ» цитаціи изъ Карамзина и нападки ея на грубую брань, клеветы сплетни и пр. и пр. Всѣ сіи качества и притомъ еще неуваженіе къ талантамъ всегда ей принадлежали, принадлежать и, вѣроятно, будутъ принадлежать. Карамзинъ и по кончинѣ связываетъ между собою узами любви къ таланту своему всѣхъ отличныхъ русскихъ писателей, которыхъ ни «Телеграфъ», ни «Пчела» никакими ругательствами не унижатъ, ибо достоинства ихъ основаны не на модныхъ картинкахъ и тому подобныхъ пустякахъ, но на глубокихъ познаніяхъ отечественнаго языка и на безкорыстной любви, извѣстной однимъ талантамъ, къ своему искусству.

первыхъ восьми томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“ (на которую почтенный авторъ ея не собиралъ подписки, и о которой не печаталъ онъ пышныхъ объявленій за нѣсколько мѣсяцевъ), нельзя было за тѣсною пробраться въ ту комнату, гдѣ она продавалась, и что покупатели встрѣчали цѣлые возы, наполненные экземплярами „Исторіи“ сей, везомые не въ книжныя лавки, а въ дома вельможъ русскихъ и другихъ любителей отечественной исторіи.

1831 г., № 1.

VI.

П. Л. Яковлевъ, сочинитель многихъ сатирическихъ и юмористическихъ статей, отличающихся вѣрностью взгляда, непритворною веселостью, остроуміемъ и пріятнымъ, легкимъ слогомъ,—окончилъ и печатаетъ романъ свой „Удивительный человѣкъ“. Отрывки изъ сего романа помѣщены были лѣтъ за десять предъ симъ въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ. „Удивительный человѣкъ“ есть одинъ изъ тѣхъ любимцевъ фортуны, которые, безъ личныхъ достоинствъ, безъ всякихъ дарованій и воспитанія, вдругъ, отъ одного мимолетнаго прикосновенія слѣпой богини, разбогатѣли, вышли въ люди и вздумали играть роль важныхъ, пышныхъ вельможъ въ кругу мелкихъ подлиналъ, гибкошеихъ искателей случая полакомиться на чужой счетъ. „Удивительный человѣкъ“ имѣетъ своихъ доморощенныхъ актеровъ, музыкантовъ и живописцевъ; у него свой записной поэтъ, своя толпа пресмыкающихся угождателей и хвалителей. Полубарскія затѣи его чрезвычайно смѣшны; множество комическихъ положеній и забавныхъ нечаянностей оживляютъ сію картину современныхъ нравовъ, взятыхъ изъ средняго круга жителей Москвы. Романъ сей будетъ состоять въ пяти небольшихъ томахъ, въ 12-ю д. л.

1831 г., № 1.

ПИСЬМА.

1.

В. К. Кюхельбекеру.

Въ исходѣ 1822 г. (С.-Петербургъ).

Скучно только во снѣ говорить съ Вильгельмомъ; поговорю на бумагѣ. Благодарю тебя за приписки, но все отвѣтъ за тобою; или можетъ быть, письмо мое не застало тебя въ Тифлисѣ? Ахъ, Кюхельбекеръ! Сколько перемѣнъ съ тобою въ два-три года! Но объ нихъ послѣ. Сперва оправдай меня передъ матушкой твоей. Меня Плетневъ напугалъ, сказавъ, что она безъ слезъ не можетъ встрѣтить друзей твоихъ; что они напоминаютъ ей твое положеніе, совсѣмъ невеселое, и я побоялся показаться ей, я, нѣкоторымъ образомъ причина твоихъ непріятностей по несчастной моей рекомендаціи Нарышкину. Эртельмнѣ говорилъ, что часы, которые ты у меня оставилъ, надо кому-то доставить, но не сказалъ, кому; увѣдомъ поскорѣе, и они сейчасъ будутъ отнесены туда и въ лучшемъ состояніи, чѣмъ были прежде. Мебель твою куплю я; мои положенія скоро поправятся; дай Богъ, чтобъ и твои поскорѣе пришли въ прежнее состояніе. Не теряй надежды на счастье, только ищи его не въ Петербургѣ,—исканіе тщетное; поѣзжай въ Москву, и тамъ, приведетъ Богъ, скоро увидимся. Скажу о себѣ, что я тотъ-же Дельвигъ, но менѣе лѣнивъ и менѣе веселъ.

Такъ и быть! Грибоѣдовъ соблазнилъ тебя: н а его душѣ грѣхъ! Напиши ему и Шихматову проклятіе, но прежними стихами, а не новыми. Плюнь и дунь и вытребуй отъ Плетнева старую тетрадь своихъ стиховъ, читай ее внимательно и по лучшимъ мѣстамъ учись слогу и обработкѣ. „Кассандра“ твоя—хорошія идеи въ сторону—уродъ; два акта трагедіи „Тимолеонъ“,

которые я читалъ, имѣютъ много хорошихъ стиховъ, но хоры однообразны: слишкомъ много поютъ о Евменидахъ, а сцены не движутся; не знаю, каковы три послѣдніе.

Ты страшно виноватъ передъ Пушкинымъ. Онъ поминутно о тебѣ заботится. Я ему доставилъ твою „Греческую оду“, „Посланье Грибоѣдову и Ермолову“, и онъ желаетъ знать что-нибудь о „Тимолеонѣ“. Откликнись ему, — онъ усердно будетъ отвѣчать. На него охота пришла письма писать, и онъ такъ и сыплетъ ими. Да и мнѣ напиши, и подробнѣе, о себѣ. Писать не люблю, а получать письма — мое дѣло; и друзей любить знаю, а разлюбливать, хоть убей, не умѣю. Лѣтомъ жду твоего брата. Хочется посмотрѣть на него. Прощай!

2.

Ө. Н. Глинкѣ.

1-го іюля 1824 г. (С.-Петербургъ).

Посылаю вамъ журналъ нашей дѣвицы, которой многія чувства желалъ бы вдохнуть во многихъ дѣвицъ или барышень. Ежели доброе ваше расположеніе ко мнѣ тепло по прежнему, то совершите хорошее дѣло — исполните ваше обѣщаніе. Напишите предисловіе и почистите, какъ хотѣли, эту милую рѣдкость. Скажу еще: вы бы очень меня одолжили скорымъ доставленіемъ вашей прозы. Я ужъ отдаю цензурѣ мою повинную голову; съ 1-го августа начинаю печатаніе. Ежели вамъ угодно будетъ прислать ее въ Библіотеку, благодаренъ и еще благодарнѣе останусь, ежели безъ всякихъ съ вашей стороны хлопотъ вы оставите пакетъ у себя на квартирѣ и велите человѣку отдать его моему посланному, который будетъ учащать свои посѣщенія. Любите и не оставляйте васъ искренно любящаго Дельвига.

3.

Ө. Н. Глинкѣ.

Вторая половина 1824 г. (С.-Петербургъ).

Почтеннѣйшій Ѳедоръ Николаевичъ! Простите меня, ежели все еще меня любите, простите — я долженъ вамъ наскучить. Мнѣ самому совѣстно, но что дѣлать? Больно терять хорошее. Не готово ли исполненіе обѣщанія вашего? Вы очень обяжете

меня. Да не основались ли совсѣмъ въ городѣ? Что бы вамъ вспомнить день субботный. Жаждемъ бесѣды вашей, какъ елень источника. Искренно любящій васъ Дельвигъ.

4.

А. С. Пушкину.

10-го сентября 1824 г. (С.-Петербургъ).

Милый Пушкинъ! Письмо твое и „Прозерпину“ я получилъ и тоже въ день полученія благодарю тебя за нихъ. „Прозерпина“ не стихи, а музыка: это пѣнье райской птички, которое слушая, не увидишь, какъ пройдетъ тысяча лѣтъ. Эти двери давно мнѣ знакомы. Сквозь нихъ еще въ Лицеѣ меня часто выталкивали изъ Элизея. Какая искусная щеголиха у тебя истина! Подобныхъ цвѣтовъ морозъ не тронетъ! Князь Вяземскій пѣть можетъ, сколько угодно, а стиховъ мнѣ пришлетъ. Я повторялъ вызовъ, гдѣ подстрекаю его подарками твоими, Жуковского и Дашкова. Жуковский дастъ мнѣ переводъ „Водолаза“ Шиллера. „Цвѣты“ мои печатаются. Въ первыхъ числахъ декабря увидишь ихъ. „Посланіе къ Богдановичу“ исполнено красотами; но ты угадалъ: оно въ несчастномъ родѣ дидактическомъ. Холодъ и суевѣріе французское пробиваются кой-гдѣ. Что дѣлать! Это пройдетъ! Баратынскій недавно познакомился съ романтиками, а правила французской школы всосалъ съ материнскимъ молокомъ. Но ужъ онъ начинаетъ отставать отъ нихъ. На дняхъ пишетъ, что у него готово полторы пѣсни какой-то романтической поэмы. Съ первой почтой обѣщаетъ мнѣ прислать; а я тебѣ доставлю и ее, и прочія пьесы его, которыя теперь въ цензурѣ. Пришлю тебѣ и моихъ „Купальницъ“. Объ нихъ Левъ вѣрно рассказалъ тебѣ. Благодарю тебя за похвалу и замѣчанія. Чего добраго — ты заставишь меня написать поэму. Грѣхъ на твоей душѣ будетъ. „И насъ тогда плѣняли эпoletы“ — я перемѣню; но скажи: одно ли блѣдное слово „плѣняли“ тебѣ не нравится, и не считаешь ли ты эпoletы анахронизмомъ, которые при Екатеринѣ тоже носились? Впрочемъ я ихъ всячески не оставлю.

Теперь дѣло о деньгахъ. Если ты хочешь продать второе изданіе „Руслана“, „Плѣнника“ и, ежели можно, „Бахчисарай-

скаго Фонтана“, то пришли мнѣ довѣренность. Объ этомъ меня трое книгопродавцевъ просятъ; ты видишь, что я могу произвести между ними торгъ и продать выгодно твое рукодѣліе. Изданія же будутъ хороши. Ручаюсь.

Сергѣю Львовичу, Надеждѣ Осиповнѣ и Ольгѣ Сергѣевнѣ мое почтеніе. Льву скажи, что я съ нимъ не помирюсь на одно письмо. Только что все приведу въ порядокъ,—буду у тебя. Да нѣтъ-ли, братъ, у тебя какой прозы удобо-пропускаемой цензурою? Пришли, коли есть. Есть еще у меня не просьба, но только спросъ: не вздумаешь-ли ты дать мнѣ стиховъ двадцать изъ „Евгенія Онѣгина“? Это хорошо бы было для толпы, которая не пойметъ всей красоты твоей „Прозерпины“ или „Демона“, а ужъ про „Онѣгина“ давно горло деретъ. Подумайте, ваше Парнаасское величество? Обнимаю тебя. Матюшкинъ тебѣ кланяется и слѣпецъ Козловъ, который только что и твердитъ о тебѣ да о Байронѣ. Люби Дельвига.

5.

В. К. Кюхельбекеру.

Вторая половина 1824 г. (С.-Петербургъ).

Любезный Вильгельмъ! Ради Бога, напечатай у себя „Узницу“ Козлова. Ты утѣшишь человѣка слѣпого и безногаго, который имѣетъ одну только отраду въ жизни — поэзію. Да скажи, что не выходитъ твоя „Мнемозина“? Мы ждемъ ее, какъ Озирида. Познакомь меня, какъ знаешь и какъ можешь, съ твоимъ товарищемъ (кн. В. Ѳ. Одоевскимъ). Литературно я знакомъ и люблю его. Уговори его и себя что-нибудь прислать въ новый альманахъ „Сѣверные Цвѣты“, мною издаваемый. Онъ будетъ хорошъ! Игнаціусъ рисуетъ картинки, бумага веленевая, печать лучшая въ Петербургѣ, а съ помощью друзей начинка не уступаетъ украшеніямъ. Я скоро пришлю тебѣ нѣсколько своихъ пьесъ; Жуковскій тоже. Онъ полагаетъ, что ты ругаешь его за лѣнь. Ему очень совѣстно, что онъ не отвѣчалъ тебѣ, и оправдывается только тѣмъ, что у него очень мало свободного времени, и что онъ почти никому не пишетъ. Плетневъ и Баратынскій цѣлуютъ тебя и увѣряютъ, что они все тѣже, что и были: любятъ своего милаго Вильгельма и тихонько пописываютъ элегіи.

Письмо это доставить тебѣ очень милый молодой человекъ, европейскаго клейма, адъютантъ Мухановъ. Онъ желаетъ съ тобой познакомиться, и я увѣренъ и знаю, какъ ты его примешь. Но рука моя, сверхъ обыкновенія расписалась — пора перестать! Прощай! Цѣлую тебя, не какъ Іуда Искаріотскій, но какъ бы поцѣловалъ разбойникъ, еслибы могъ онъ на крестѣ цѣловаться. Твой Дельвигъ.

Адресъ: В. К. Кюхельбекеру, подѣ Новинскимъ, въ домѣ Левашева.

6.

А. С. Пушкину.

28-го сентября 1824 г. (С.-Петербургъ).

Великій Пушкинъ, маленькое дитя! Иди, какъ шелъ, то есть, дѣлай, что хочешь; но не сердись на мѣры людей и безъ тебя довольно напуганныхъ! Общее мнѣніе для тебя существуетъ и хорошо мститъ. Я не видалъ ни одного порядочнаго человека, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели-бъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ, — быюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами нашими, какъ ты. Чего тебѣ не достаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ. Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради! Употреби получше время твоего изгнанія. Продавъ второе изданіе твоихъ сочиненій, пришлю тебѣ и денегъ и, ежели хочешь, новыхъ книгъ. Объяви только волю — какихъ, и много-ли. Журналы всѣ будешь получать. Сестра, братъ, природа и чтеніе: съ ними не умрешь со скуки. Я развѣ буду навозить ее. Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить. Мертво и холодно, — или, иначе, свѣжо и прохладно! Съ пріѣзда Воейкова изъ Дерпта и съ появленія Булгарина литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлеца погоняетъ. Ыздаютъ въ Грузино, перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ. Офицеры занимаются новопривезенными изъ Варшавы темпами. Теперь мѣра всѣхъ артикуловъ вотъ какая: разъ, два, три.

Карамзинъ теперь въ отчаяніи. Для него одно счастье — наслаждаться лицезрѣніемъ нашего великодушнаго и благословеннаго монарха, а онъ путешествуетъ! Жуковскій, я думаю, погибъ невозвратно для поэзіи. Онъ учитъ великаго князя Александра Николаевича русской грамотѣ и — не шутя говорю — все время посвящаетъ на сочиненіе азбуки. Для каждой буквы рисуетъ фигурку, а для складовъ — картинки. Какъ обвинять его! Онъ исполненъ великой идеи: образовать, можетъ быть, Царя. Польза и слава народа Русскаго утѣшаетъ несказанно сердце его. Но я заболтался; пора перестать. Благодарю за „Онѣгина“. Льва цѣлую, но не пишу ему. Первое — за нимъ письмо еще; а второе — некогда: завтра вашъ человекъ рано уѣзжаетъ. Пиши ко мнѣ чаще; я твой вѣрный отвѣтчикъ. Спѣшу скорѣе отдѣлаться отъ „Цвѣтовъ“, чтобъ обнять тебя физически. Дельвигъ.

7.

А. С. Пушкину

20-го марта 1825 г. (Витебскъ).

Милый Пушкинъ! Вообрази себѣ, какъ меня судьба отдаляетъ отъ Михайловскаго. Я ужъ былъ готовъ отправиться за Прасковьей Александровной ¹⁾ къ тебѣ; вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ отецъ и беретъ съ собою въ Витебскъ. Отлагаю свиданье наше до 11-го марта, — и тутъ вышло не по моему. На четвертый день пріѣзда моего къ своимъ попадаюсь въ руки короткой знакомой твоей — въ руки горячки, которая посѣтила меня не одна, а съ воспаленіемъ въ правомъ боку и груди. Кровоупусканіе и шпанскія мухи сократили посѣщеніе, и я теперь выздоравливаю и собираюсь выѣхать изъ Витебска въ четвергъ на Святой недѣлѣ, слѣдственно, въ субботу у тебя буду. Изъ Петербурга я нѣсколько разъ писалъ къ тебѣ; но у меня былъ человекъ немного свободно-мыслящій: онъ не полагалъ за нужное отправлять мои письма на почту. — Каково здоровье твое, душа моя? Ежели ты получишь письмо мое въ началѣ Страстной недѣли, то еще успѣешь отвѣчать

¹⁾ Осиповой, сосѣдкой Пушкина по имѣнью.

мнѣ, когда найдешь это пріятнымъ для себя. Я ничего не знаю петербургскаго, и ты меня можешь поподчивать новостями „онаго“, хотя литературныя новости наши болѣе скучны и досадны, нежели занимательны. „Онѣгинъ“ твой у меня, читаю его и перечитываю и горю нетерпѣніемъ читать продолженіе его, которое должно быть, судя по первой главѣ, любопытнѣе и любопытнѣе. Цѣлую крылья твоего генія, радость моя. Прощай, до свиданья. Дельвигъ. Отецъ, мать и сестра Антонида тебѣ кланяются.

8.

В. Г. Анастасевичу.

6-го іюня 1825 г. (С.-Петербургъ).

Почтеннѣйшій Василій Григорьевичъ, будьте моимъ геніемъ просвѣтителемъ: гдѣ можно найти описаніе о богослуженіи Сирійскомъ и обычаяхъ Сиріянъ и въ особенности о Вавилонѣ? Гдѣ также можно узнать о теперешнемъ положеніи Мадагаскара? Вы чрезвычайно обяжете вашего почитателя, который на одного только васъ и полагается, какъ на единственнаго путеводителя въ запутанныхъ лабиринтахъ библіографическаго міра. Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь вашимъ покорнымъ слугою. Баронъ Дельвигъ.

На оборотѣ: Его высокоблагородію Василю Егоровичу (sic.) Анастасевичу.

9.

Е. А. Баратынскому.

8-го января 1826 г. (С.-Петербургъ).

Откликнись, милый другъ, перестань писать мнѣ, что тебѣ некогда писать къ Дельвигу, и разговорись по прежнему. Ужели ты нашелъ другого повѣреннаго въ поэзіи и любви или ужъ не тонешь-ли въ пропасти пустоты Московской? Письма ко мнѣ могутъ послужить тебѣ доскою, за которую хватаются утопающіе. Надѣюсь, что воспоминаніе о товарищѣ разнообразной и живой жизни можетъ иногда пробуждать Евгенія къ дѣятельности сердечной. Никогда подобнаго не случалось. Ежели ты боленъ, хоть бы милому Мятлеву сказалъ, чтобы онъ что-нибудь напи-

салъ объ тебѣ. Кстати, напиши мнѣ, какъ зовутъ Мятлева? Онъ такъ былъ добръ ко мнѣ, что я при всей лѣности горю желаніемъ благодарить его письменно, и притомъ мнѣ нужно будетъ возвратить ему нѣсколько стиховъ, не вошедшихъ въ составъ „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, съ изъясненіемъ причинъ. — Кланяйся ему покамѣстъ. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли надежда съ тобою скоро увидѣться? Есть-ли и когда? Что ты хочешь съ собою дѣлать и что дѣлаешь? Что твои? Все это всегда занимало и всегда будетъ занимать меня. Что стихи твои, льются ли все, какъ ручьи любви, или сдѣлались просто ручьями чернильными, какъ, съ позволенія сказать, у большей части стихомарателей. Сохрани тебя Богъ и помилуй; не заразись!

Ежели Плетневъ не доставилъ тебѣ мелкихъ стихотвореній Пушкина, то на дняхъ доставить. Напиши мнѣ о московскомъ Парнассѣ. Нашъ погибаетъ И дѣло ли мирныхъ музъ вооружаться пламенниками народнаго возмущенія? Бунтовали бы на трагическихъ подмосткахъ для удовольствія мирныхъ гражданъ, проливали бы рѣки чернилъ въ журнальныхъ битвахъ и спокойно бы вѣрили законодателямъ классической или романтической школы и исключительно великому Распорядителю всего. Прости, душа моя, обнимаю, цѣлую тебя милліонъ разъ, благославляю тебя во имя Феба и святыхъ Ореста и Пилада: цвѣти, мой прекрасный цвѣтъ, пѣвцовъ очарованье!

10.

А. С. Пушкину.

(Начало 1826 г. С.-Петербургъ).

Милый мой Пушкинъ! До тебя дошли ложные слухи о Раевскомъ. Правда, они оба въ Петербургѣ, но на совершенной свободѣ. Государь говорилъ съ ними, увѣрился въ ихъ невинности и, говорятъ, пожалъ имъ руку и поцѣловалъ ихъ. Отецъ ихъ сдѣланъ членомъ совѣта. Нашъ сумашедшій Кюхля, какъ ты знаешь по газетамъ, въ Варшавѣ. Слухи въ Петербургѣ перемѣнились о немъ такъ, какъ должно было ожидать всѣмъ знающимъ его коротко. Говорятъ, что онъ совсѣмъ не былъ въ числѣ этихъ негодныхъ „Славянъ“, а просто

былъ воспламененъ, какъ длинная ракета. Зная его доброе сердце и притомъ любовь хвастать разными положеніями, въ которыхъ жизнь бросала его, я почти былъ въ этомъ всегда увѣренъ. Да онъ бы, вѣрно, кому нибудь изъ товарищей не удержался сказать всю свою тайну. Дай Богъ, чтобъ это была правда. Говорятъ, великій князь Михайла Павловичъ съ нимъ болѣе всѣхъ ласковъ. Какъ отъ сумашедшаго, отъ него можно всего ожидать, какъ отъ злодѣя—ничего.

По письму твоему примѣтилъ я, что ты изволишь на меня дуться,—быть можетъ, за долгое мое молчаніе. Исправься, душа моя, отъ такого грѣха: будь человѣкомъ, а не звѣремъ! Пиши ко мнѣ попрежнему; за то я буду отвѣчать не по прежнему, то-есть, аккуратно. „Сѣверные Цвѣты“ давно готовы, одинъ Дашковъ не совсѣмъ выпростался, а такого одного ждутъ съ охотою семеро. Твоя 2-я пѣснь „Онѣгина“ вездѣ читается и переписывается. Я не только что никому ея не давалъ, да и самъ не имѣю. Твой экземпляръ отдалъ Вяземскому, и для „Цвѣтовъ“ тобою назначенные куплеты его жена мнѣ и переписала, и прислала. Дѣла поправить нечѣмъ другимъ, какъ прислать ее съ 3-ей къ Плетневу и приказать печатать. Поздравленіе съ „Борисомъ Годуновымъ“ я было писалъ на огромномъ листѣ, да отъ радости до сихъ поръ не окончилъ. „Царицамъ горь“ мое почтеніе. Прощай. Твой Дельвигъ.

11.

Е. А. Баратынскому.

(Весной 1826 г. С.-Петербургъ).

Милый другъ Евгеній, слава Богу, послѣднее письмо твое и Мятлева успокоили меня: письма мои стали доходить до тебя. Пишу тебѣ о дѣлѣ, слушай: Настоящій издатель твоихъ сочиненій тотъ же, кто и Пушкина,—Плетневъ. Лучше корректора трудно найти. Во всей „Эдѣ“ значительная ошибка: „когда смятешь ты, вьюга“. Четыре стиха, которые тебѣ кажутся очень нужными для смысла, выкинула цензура. Мы совѣтывались съ Жуковскимъ и прочими братьями, и намъ до сихъ поръ кажется, что безъ нихъ смыслъ не теряется; напротивъ, видно намѣреніе автора дать читателю са-

мому вообразить соблазнительную сцену всей поэмы. „Монахъ“ и „Смерть Андрея Шенье“ перебѣсили нашу цензуру; она совсѣмъ готовую книжку остановила и принудила насъ перепечатать по ея волѣ листокъ „Пировъ“. Напрасно мы хотѣли поставить точки или сказать:

Оно и блещетъ, и кипитъ,
Какъ дерзкій умъ не терпитъ плѣна.

Нѣтъ, — на всѣ наши просьбы суровый отказъ былъ отвѣтомъ. Взгляни на свой экземпляръ, потряси его — листокъ этотъ выпадетъ. Пришли поскорѣй свои тетради, нужно очень спѣшить изданіемъ. Черезъ недѣлю получишь „Цвѣты“. Дашковъ задержалъ ихъ до сихъ поръ, переписывался съ Одессой и лѣнился; за то высидѣлъ большую и прекрасную статью. Прощай, мой другъ, обнимаю тебя: нѣтъ мѣста болѣе писать.

12.

А. С. Пушкину.

7-го апрѣля (1826 г. С-Петербургъ).

Милый Пушкинъ! Посылаю тебѣ и Прасковѣ Александровнѣ насилу расцвѣтшіе „Сѣверные Цвѣты“. Желаю, чтобъ они тебѣ показались. Я, было, выпросивши у тебя позволеніе напечатать отрывокъ объ Овидіи, хотѣлъ помѣстить къ нему картинку; да что дѣлать съ нашими скотами-академиками! Ни одинъ не могъ сдѣлать что-нибудь сносное. Съ досады нашъ Дельвигъ бросился къ Григоровичу, уговорилъ его написать статью о русскихъ художникахъ и велѣлъ гравировать съ пяти русскихъ хорошихъ картинъ. Граверы сдѣлали, сколько могли. Къ будущему году жду отъ нихъ еще большаго: пора имъ привыкнуть къ альманачному вкусу! Къ будущему году надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну; надѣюсь лично отъ тебя получить лучшіе цвѣты для моего парника или теплицы. Отъ Баратынскаго тоже. Деньги твои я взялъ, какъ хорошій министръ финансовъ, т. е. назначилъ Плетневу источникъ уплаты. Я купилъ у Баратынскаго „Эду“ и его сочиненія, и „Эда“, продаваясь, въ скоромъ времени погаситъ совершенно мой долгъ. Живи, душа моя, надеждами дальними и высокими, трудись для просвѣщенныхъ внуковъ; надежды

же близкія, земныя — оставь на старанія друзей твоихъ и доброй матери твоей. Онѣ очень исполнимы, но еще не теперь. Дождись коронаціи, — тогда можно будетъ просить царя, тогда можно отъ него ждать для тебя новой жизни. Дай Богъ только, чтобъ она полезна была для твоей поэзіи. Прощай, обнимаю тебя.

13.

А. С. Пушкину ¹⁾.

(Половина іюня 1826 г. С-Петербургъ).

Третьяго дня получилъ отъ Муханова это письмо и по первой почтѣ тебѣ посылаю его, милый Пушкинъ. Что ты не присылаешь „Цыганъ“? Мы бы издали ихъ. Плетневъ тебѣ кланяется. Онъ живетъ теперь на Кушелевой дачѣ, верстъ семь отъ города, и я довольно рѣдко съ нимъ видаюсь. Его здоровье очень плохо. Теперь, кажется, началъ поправляться, но до сихъ поръ мы думали и его проводить къ отцу Ломоносову. Баратынскій другимъ образомъ плохъ: женился и замолчалъ; вообрази, даже не увѣдомляетъ о своей свадьбѣ! Гнѣдичу лучше. Онъ тоже живетъ на дачѣ и тебѣ кланяется. Въ комнатахъ, въ которыхъ онъ живетъ, жилъ послѣднее время Батюшковъ. До сихъ поръ видна его рука на окошкахъ. Между прочимъ, на одномъ имъ написано: „Есть жизнь и за могилой!“, а на другомъ: „Ombra adorata!“ Гнѣдичъ въ восторгѣ меланхолическомъ по цѣлымъ часамъ смотритъ на эти строки. Вяземскій у меня былъ въ проѣздъ свой въ Ревель. Онъ сказалъ мнѣ, что снѣ увѣрилъ Василья Львовича, что „Ахъ матушка, ахъ Анна Львовна!“ написано мною и тѣмъ успокоилъ его родственную досаду. Мы очень смѣялись надъ этимъ. Отецъ твой ничего объ этомъ не говорилъ и не говорить. Тебѣ напрасно его оклеветали. Изъ „Онѣгина“ я взялъ то, что ты мнѣ позволилъ; только у меня и переписано было. Прочее у Вяземскаго. Чтѣ ты не издаешь его? Ежели тебѣ понадобятся деньги гуртомъ, продай его мнѣ и второе изданіе твоихъ поэмъ. Только цензура пропуститъ ихъ, деньги ты

¹⁾ Это письмо составляетъ приписку къ письму князя Вяземскаго къ Пушкину отъ 12-го іюня 1826 года.

получишь. Отъ „Эды“ деньги скоро накопятся. Отдамъ ихъ Плетневу или кому велишь. Прощай, душа моя, будь здоровъ и вспоминай обо мнѣ. Весь твой Д.

14.

М. П. Погодину.

3-го августа 1826 г. (С.-Петербургъ.)

Милостивый государь Михаилъ Петровичъ! Вы предупредили меня, но я не совсѣмъ виноватъ. Уважая и любя васъ за литературные труды ваши, я не зналъ ни вашего имени, ни мѣста жительства. Позвольте поблагодарить васъ за пріятное товарищество — на поприщѣ альманаховъ. „Уранія“ меня обрадовала одна въ этотъ годъ, прочіе соперники наши лучше бы сдѣлали, если бы не родились. Вы мнѣ давно знакомы и не по однимъ ученымъ, истинно-критическимъ историческимъ трудамъ; но и какъ поэта знаю и люблю васъ, хотя, къ сожалѣнію, читалъ только одинъ отрывокъ — переводъ первой сцены трагедіи: „Двадцать-четвертое августа“. Ежели вы не продолжаете переводить, искренно жалѣю: мы теряемъ надежду читать эту трагедію въ русскомъ вѣрномъ и прекрасномъ сѣмкѣ. Позвольте мнѣ начать пріятнѣйшее съ вами знакомство просьбою. Не подарите ли вы въ собраніе „Цвѣтовъ“ моихъ одинъ или два вашихъ цвѣтковъ? Вы ими украсите мое изданіе и доставите мнѣ пріятный случай прибавить благодарность къ почтенію и любви къ вамъ и вашему таланту, съ которымъ имѣю честь быть, милостивый государь, вашимъ покорнымъ слугою. Баронъ Дельвигъ.

15.

А. С. Пушкину.

(Октябрь 1826 г. С.-Петербургъ.)

Поздравляемъ тебя, милый Пушкинъ, съ перемѣной судьбы твоей. У насъ даже люди прыгаютъ отъ радости. Я съ братомъ Львомъ развезъ прекрасную новость по всему Петербургу. Плетневъ, Козловъ, Гнѣдичъ, Сленинъ, Кернъ, Анна Николаевна, всѣ прыгаютъ и поздравляютъ тебя. Какъ счастлива семья твоя, ты не можешь представить. Особливо мать: она

на верху блаженства. Я знаю твою благородную душу, — ты не возмутишь ихъ счастія упорнымъ молчаніемъ: ты напишешь имъ. Они доказали тебѣ любовь свою. Душа моя, меня пугаетъ положеніе твоей няни. Какъ она перенесла совершенно неожиданную разлуку съ тобою? Что касается до Осиповой, она меня испугала отчаяннымъ письмомъ. Обними Баратынскаго и Вяземскаго, и подумайте, братцы, объ моихъ „Цвѣтахъ“. Не осрамите моихъ сѣдинъ передъ Ѳедоровымъ. За канцелярскія услуги А. И. Тургеневъ наградилъ его статьями Карамзина и Батюшкова. Каково это! Уродливый боецъ выступить въ состязаніе съ заслуженнымъ атлетомъ и побѣдить его. Ради Бога, собирая еиміамъ себѣ, вербуй хорошенькія пьески мнѣ, а болѣе всего свои, Вяземскаго и Евгенія. Тебѣ и Дмитріевъ не откажетъ: хоть бы страничку изъ его журнала. Надѣюсь на тебя, какъ на каменную стѣну. Да пиши ко мнѣ подробнѣе обо всемъ, а поласковѣе къ отцу, матери, роду-племени. Пиши скорѣе къ намъ; увѣдомъ, куда посылать къ тебѣ деньги и письма, и сколько ты останешься въ Москвѣ. Прощай, радость моя! Оканчиваю письмо это, чтобы приняться утѣщать и обрадовать Прасковью Александровну.

Жена моя тебѣ кланяется очень. Между тѣмъ позволь мнѣ завладѣть стихами къ Аннѣ Петровнѣ. Еще прощай. Guten Tag! Твой Дельвигъ.

16.

В. Г. Анастасевичу.

1-го февраля 1827 г. (С.-Петербургъ).

Милостивый государь Василій Григорьевичъ! Съ одра болѣзни пишу къ вамъ, дабы помочь моему доброму знакомому Василю Андреевичу Эртелю вашими познаніями. Онъ пишетъ о нѣмецкой литературѣ, и ему нужно упомянуть о всемъ переведенномъ на русскій языкъ. Никто, кромѣ васъ, не можетъ въ сѣмъ быть его руководителемъ. Не оставьте его вашими совѣтами, будьте здоровы и вѣрьте тому глубокому почтенію, съ которымъ честь имѣю остаться вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою. Баронъ Антонъ Дельвигъ.

На оборотѣ: Его высокородію милостивому государю Василю Григорьевичу Анастасевичу.

17.

А. С. Пушкину.

21-го марта 1827 г. (С.-Петербургъ).

Милый другъ! Бѣднаго Веневитинова ты уже, вѣроятно, оплакалъ. Знаю, смерть его должна была поразить тебя. Какое соединеніе прекрасныхъ дарованій съ прекрасною молодостью! Письмо твое ко мнѣ или обо мнѣ не дошло до меня; только оно дало пищу больному воображенію несчастнаго друга. Онъ бредилъ объ немъ и все звалъ меня. Въ день его смерти я встрѣтился съ Хвостовымъ и чуть было не разругалъ его, зачѣмъ онъ живетъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ смерть неразборчиво жадна къ хорошему! Сколько людей можно бы ей указать, и какъ бы она могла быть полезна и пріятна! Не тутъ-то было! Ей, вѣрно, хочется насъ увѣрить, что она слѣпа, какъ Амуръ. Дура!

Благодарю тебя за вѣсти обо Львѣ. Я, читая письмо твое, живо видѣлъ его влюбленнаго и пресыщеннаго жизнію. Для того, думаю, ему полезенъ будетъ Кавказъ и армейскій полкъ. Пускай потрется, поживетъ, узнаетъ, съ кѣмъ онъ шутитъ, то-есть, жизнь. Ему только того и недостаетъ, чтобъ быть совершенно милымъ. И пьетъ онъ, какъ я замѣтилъ, болѣе изъ тщеславія, нежели изъ любви къ вину. Онъ толку въ винѣ не знаетъ, пьетъ, чтобы перепить другихъ, и я никакъ не могъ убѣдить его, что это смѣшно. Ты также молодъ былъ, какъ нынѣ молодъ онъ, сколько изъ молодечества выпилъ лишняго? Пускай и онъ пьетъ: онъ пьяницей не будетъ. У него умъ растетъ еще и растетъ хорошо. Увидишь, каковъ вырастетъ.

Надѣюсь „Цыгановъ“ получить отъ тебя одинъ экземпляръ; довольно съ тебя будетъ, что я „Онѣгина“ вторую главу ждалъ долго понапрасну и купилъ. „Цвѣты“ получишь на будущей недѣлѣ; теперь переплетаются. Прощай, обнимаю тебя. Дельвигъ.

18.

А. С. Пушкину,

(Весной 1828 г. Харьковъ).

Ваше поэтическое высокопревосходительство! Честь имѣю донести вамъ, что я уже 10 дней нахожусь въ г. Харьковѣ,

гдѣ не перестаю говорить объ васъ съ гг. профессорами, судящими о васъ по рекомендаціи Оаддея Венедиктовича. Напримѣръ, слышалъ я отъ нихъ, что вышеупомянутая персона ставитъ „Цыгановъ“ выше всѣхъ произведеній европейскихъ музъ. Горько мнѣ было молчать; но подумавъ, что великія тѣни Гомера, Данте и Шекспира сами могутъ за себя говорить, оставилъ я намѣреніе возражать противу сего афоризма. Притомъ же помыслилъ: да будетъ Булгаринъ пророкомъ хотя въ градѣ Харьковѣ, и да скажетъ онъ, услыша, какъ здѣсь вѣрятъ въ слова его: „вѣры такой и въ Израилѣ не обрѣтохъ“. Проѣзжая первопрестольный градъ Москву, ходилъ я на поклоненіе къ поклоняемому и славимому Ивану Ивановичу Дмитріеву и приложился къ мощамъ преподобнаго дядюшки вашего. Почтенные братья, князь Петръ и Евгеній, представили меня всей низшей братіи московской. Видѣлъ и поющихъ, вопіющихъ, взывающихъ и глаголящихъ. Шевыревъ пѣлъ, вопіялъ и взывалъ, но не глаголалъ; гнѣвъ противу „Сѣверной Пчелы“ носилъ его на крыльяхъ вѣтра: онъ не касался до земли, развѣ изрѣдка носками сапожными. Раичъ благоухалъ анисовою водкою и походилъ на отпущенника или на домовую піиту; хвалился милостію вашею и проч. Благослови, святой Александръ, брата младшаго твоего Антонія и посѣти будущіе „Сѣверные Цвѣты“ его духомъ животворящимъ, яко же посѣщалъ ихъ прежде. Здравія и долгоденствія желаетъ тебѣ братъ любезнѣйшій и супруга его Софія. Твой Дельвигъ.

19.

Е. А. Баратынскому.

(Весной 1828 г. Харьковъ).

Брату Евгенію здравія и спасенія и поэтическаго вдохновенія желаетъ пустынный братъ Антонъ. 1-е) Поздравляю тебя и милую жену твою съ наступающимъ праздникомъ Воскресенія Христова. 2-е) Увѣдомляю тебя, что въ городѣ Харьковѣ грязь классическая съ наблюденіемъ трехъ единствъ, изъ коихъ самое нестерпимое называется скукой. 3-е) Пишешь ты ко мнѣ рѣдко и ничего не говоришь о портретѣ твоёмъ:

готовъ ли онъ? Если готовъ, то похожъ-ли? Если похожъ, то держи его до моего прїѣзда. 4-е) Я начинаю говѣть и прошу у васъ прощенья. 5-е) Письмо мое съ виду покажется постороннему человѣку очень порядочнымъ, но ты знаешь меня, и параграфы мои тебя не обманутъ. 6-е) Какъ началъ, такъ и кончу, соблюдая принятую мною форму. 7-е) Кланяйся отъ меня Николаю Алексѣевичу Полевому и брату его. 8-е) Пишу сіе въ губернскомъ городѣ Харьковѣ. 9-е) Желаю и прошу Бога помочь мнѣ вырваться отсюда и поскорѣй обнять васъ, милые друзья мои. 10-е) Обнимаю и цѣлую тебя. Твой Дельвигъ.

20.

Е. А. Баратынскому.

(Весной 1828 г. Харьковъ).

Душа моя, я получилъ письмо твое, какъ не знаю что-то радостное, драгоцѣнное. Теперь только понимаю, какую цѣну имѣли для тебя мои письма въ Финляндіи. Понимаю и каюсь, что рѣдко писалъ къ тебѣ. Не наказывай меня тѣмъ-же. Заплати за зло добромъ и будешь мною поставленъ выше всѣхъ угодниковъ Божіихъ. Вообрази, я на чужой сторонѣ, занятъ повѣркою счетовъ и допросами по цѣлымъ днямъ и когда кончу,—не знаю. Пиши ко мнѣ всякую недѣлю и молись о свиданьи. Благодаря Бога, читаю изрѣдка журналы ваши и люблюсь издалека на игру страстишекъ журнальныхъ. Какъ это ты, живучи въ Москвѣ, не пріучилъ къ повиновенію..... и имъ подобныхъ ¹⁾? Докажи имъ, что статья о литературѣ 1827-го года совершенно школьническая, и какая! Даже Булгаринъ правъ, говоря о ней. Не напоминаю уже, что писавши по-русски, надо знать по-русски; не худо сказать имъ, что съ должнымъ почтеніемъ не оцѣнивъ отжившихъ и современныхъ писателей, нельзя кидать взора на будущее, или онъ будетъ не дальновиденъ. Скажи Шевыреву, что мы въ немъ видимъ талантъ въ переводахъ съ Шиллера, въ свободѣ писать хорошіе стихи, но ничуть не въ вымы-

¹⁾ Здѣсь имѣются въ виду М. П. Погодинъ и С. П. Шевыревъ, издатели «Московского Вѣстника».

слахъ вдохновенныхъ. Изысканность въ подобіяхъ, можетъ быть, будетъ еще смѣшнѣе плаксивости Карамзинской и разувѣренія вѣка Жуковского. Скажи ему, что онъ смѣшонъ, укоряя меня въ невѣжествѣ: онъ еще азбукѣ не учился, когда я узналъ, что романъ, повѣсть, Гесснерова идиллія, не смотря на форму, суть произведенія поэзіи.

Порядка въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ не перемѣню—потому же, почему никто изъ славныхъ поэтовъ не перемѣшивалъ вмѣстѣ своихъ повѣстей, стихами и прозою писанныхъ; почему большая часть нѣмецкихъ издателей альманаховъ не смѣшиваетъ прозы со стихами,—и такъ далѣе. Сужденіе же его о твоей „Послѣдней Смерти“ воняетъ глупою посредственностью. Аминь. Обмываю Виндзорскимъ мыломъ руки и, чистый, подхожу къ ручкѣ милой Настасьи Львовны. Желаю вамъ здоровья, дѣтей, стиховъ и той-же дружбы ко мнѣ.

21.

Н. А. Полевому.

13-го іюля 1828 года. Тульской губерніи городъ Чернь.

Милостивый государь Николай Алексѣевичъ! На письмо мое изъ Харькова я не получилъ отъ васъ никакого отвѣта. Вторично прошу васъ, если даже не продано ни одного экземпляра „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, одолжить мнѣ на одинъ мѣсяцъ 1000 рублей. Деньги мнѣ необходимы въ теперешнемъ положеніи моемъ: я лишился отца, долженъ привести въ порядокъ деревенскія дѣла, чтобы оставить спокойнѣе семью мою; въ теперешнее же время года деревня только обѣщаетъ деньги, а не даетъ. Будьте добры къ человѣку, почитающему и уважающему васъ. Готовый къ услугамъ баронъ Дельвигъ.

22.

А. С. Пушкину.

(Лѣто 1828 г. Г. Чернь).

Хлопочи, хлопочи обо мнѣ, братъ Пушкинъ, и пожалѣй меня: добрый отецъ мой умеръ. Скажи о моей печали почтеннѣйшему Сергѣю Львовичу и Надеждѣ Осиповнѣ. Я увѣренъ, они примутъ живое участіе въ горѣ моемъ. Цѣлую ручки у

Надежды Осиповны, Ольги Сергѣевны; Павлицеву кланяюсь. Въ августѣ увижусь съ тобой. Жена моя цѣлуетъ тебя въ геніальный лобъ. Будь здоровъ. Твой Дельвигъ.

23.

А. С. Пушкину.

3-го декабря 1828 г. (С.-Петербургъ.)

Два письма со стихами получилъ отъ тебя, другъ Пушкинъ, и скажу тебѣ, что несмотря на мое краснорѣчіе, городъ Петербургъ полагаетъ отсутствіе твое не безцѣльнымъ. Первый голосъ сомнѣвается, точно-ли ты безъ нужды уѣхалъ, не проигрышъ-ли какой былъ причиною; второй увѣряетъ, что ты для матеріаловъ 7-й пѣсни „Онѣгина“ отправился; третій утверждаетъ, что ты остепенился и въ Торжкѣ думаешь жениться; четвертый догадывается, что ты составляешь авангардъ Олениныхъ, которые собираются въ Москву. Я ничего не думаю; а желаю тебя поскорѣе увидѣть и вмѣстѣ съ Баратынскимъ, который, если согласится ѣхать въ Петербургъ, найдетъ меня въ ономъ. Въ противномъ же случаѣ закопаюсь въ Смоленскую крупу, какъ Мазепа въ „Войнаровскомъ“ закутался въ плащъ.

Благодарю любезнѣйшую Прасковью Александровну за добрыя воспоминанія. Воспользуюсь первыми солнечными днями, отпечатаю свою фигуру и пришлю ей нѣсколько экземпляровъ; желалъ бы оригиналомъ попасть къ ней, но нельзя. „Баль“ отпечатанъ, въ пятницу будетъ продаваться. „Цвѣты“ цвѣтутъ славно: Жуковскій далъ слишкомъ 800 стиховъ, Крыловъ — три басни, твоихъ — 16 пьесъ и пр., и пр. Гнѣдичъ классически обнимаетъ романтическую фигуру твою; жена присѣдаетъ на чопорный поклонъ твой; я просто цѣлую тебя и желаю здравія. Прощай. Твой Дельвигъ.

На оборотѣ: Александру Сергѣевичу Пушкину, Тверской губерніи, въ Торжокъ.

24.

Е. А. Баратынскому.

(Начало 1829 г. С.-Петербургъ.)

Душа моя, Евгеній! Пушкинъ вѣрно сказалъ тебѣ, что я не имѣлъ силъ писать къ тебѣ: такъ занемогъ и трудно

поправляюсь. Жду погоды — и не дождусь. „Сѣверные Цвѣты“
прошлаго года доставь Василью Львовичу. „Подсѣжники“
выйдетъ на дняхъ. Я напечаталъ твои стихи къ княгинѣ
Зенаидѣ. Она согласна была, а ты дай, кому обѣщалъ ихъ,
другую пьесу. Я печатаю мои стихи; къ Пасхѣ выйдутъ;
въ нихъ ты прочтешь новую идиллію. „Борскому“ подстать
вышелъ „Выжигинъ“. Пошлая и скучная книга, которая лѣтъ
черезъ пять присоединится къ разряду твореній Ельника.
Подолинскому говорить нечего.... Онъ при легкости писать
гладкіе стихи.... принесъ мнѣ „Борскаго“ процензиро-
ваннаго и просилъ совѣтовъ. Я посовѣтывалъ напечатать,
другого ничего не оставалось дѣлать..... Развѣ лѣта
его обрабатываютъ. Дай Богъ! Поцѣлуй за меня Погодина и
Раича въ лобъ и попроси ихъ продолжать, какъ начали, свои
похвалы твореніямъ ничтожнымъ. Прощай, душа моя, трудно
писать; цѣлую тебя и Пушкина. Буду не осенью, а весною
къ вамъ. Книги, при семъ приложенныя, доставь кн. Вяземскому.
Поцѣлуй ручки у Настасьи Львовны.

25.

Е. А. Баратынскому.

(1829 г. С.-Петербургъ).

Милый другъ, посылаю тебѣ шинель непромокаемую для
твоего тестя и желаю, чтобы письмо мое нашло тебя спокойнѣе,
чтобы дѣти твои были здоровы. Ужели ты не знаешь, что
болѣзнь частый гость у малютокъ? Надобно только заботиться
о нихъ, но не упадать душою. Выростутъ, — объ насъ будутъ
заботиться. Зато какъ мы подгуляемъ, выдавая твоихъ дочекъ
замужъ! Я чувствую нынѣшній годъ себя лучше. Еслибы
не бессонница, то уже давно бы прыгалъ. Ты пишешь, буду-ли
я издавать „Сѣверные Цвѣты“? Буду и прошу не оставлять
ихъ. Твой же запасъ желалъ бы прочесть поскорѣе. Ужели
ты думаешь, что твои стихи мнѣ только надобны для альманаха?
Мнѣ нужно для души почитать ихъ: она, бѣдная, голодна и
сидитъ на журнальныхъ сухарикахъ. Сжался. Я тоже пишу
кое-что и надѣюсь прислать къ тебѣ, что сдѣлаю, да мнѣ
писать трудно..... Цѣлую ручки у милой жены твоей

и цѣлую твоихъ дѣточекъ. Жена моя вамъ кланяется; она, вѣроятно, приписала бы сама, но я пишу не изъ дома, а въ квартирѣ Сомова, который тебѣ кланяется. Плетневъ также. Обнимаю тебя, душа моя, надѣюсь до сентября-то увидѣть тебя. Господь съ тобою, будьте здоровы и веселы.

26.

Н. М. Коншину.

(Исходъ 1829 г. С-Петербургъ).

Любезный Коншинъ, альманахъ вашъ будетъ хорошъ и пьесами и наружностью, но выйдетъ ли къ сроку—не знаю и даже сомнѣваюсь, если ты не прибудешь сюда и не привезешь денегъ. Надо деньги за портретъ и печатаніе его и виньетки, надо денегъ переплетчику, надо денегъ Плюшару, который только согласился ждать до 1-го Января, а онъ ужъ не за горами. Да ты еще губишь меня медленною перепискою Макбета. Эта медленность мнѣ дороже стоитъ, нежели 80 гривенъ за листъ, которыя бы здѣсь я платилъ за переписку. Что же съ вами дѣлать, милостивый государь, за таковыя поступки, что дѣлать мнѣ, васъ искренно любящему Дельвигу?

27.

М. А. Максимовичу.

12-го декабря 1829 г. (С.-Петербургъ).

Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ! Посылаю вамъ русскую пѣсню. Извините: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ. Лучше нѣтъ. Впередъ угожу вамъ болѣе. Если бы здоровье мое было на что-нибудь похоже, я теперь прислалъ бы что-нибудь важнѣе. Орестъ Михайловичъ ¹⁾ васъ будетъ просить участвовать въ газетѣ нашей. Я попрошу васъ лично: надѣюсь въ семъ мѣсяцѣ съ вами увидѣться. Будьте здоровы и любите васъ искренно любящаго и уважающаго Дельвига.

28.

А. С. Пушкину.

8-го мая 1830 г. (С.-Петербургъ).

Милый Пушкинъ! Поздравляю тебя: наконецъ, ты образумился и вступаешь въ порядочные люди. Желаю тебѣ быть

¹⁾ Сомовъ, помощникъ Дельвига по изданію «Литературной Газеты».

столько же счастливымъ, сколько я теперь. Я — отецъ дочери Елисаветы. Чувство, которое, надѣюсь и ты будешь имѣть, чувство быть отцомъ, истинно поэтическое, непостигаемое холостымъ вдохновеніемъ. Но все это въ сторону. Доволенъ ли ты продолженіемъ „Газеты“? Булгаринъ поглупѣлъ до того отъ Видока, что уѣхалъ ранѣе обыкновеннаго въ деревню; но подлѣ по прежнему. Онъ напечаталъ твою эпиграмму на Видока-Фиглярина съ своимъ именемъ не по глупости, какъ читатели думаютъ, а дабы тебя замарать. Онъ представилъ ее правительству, какъ пасквиль, и просилъ въ удовлетвореніе свое позволенія ее напечатать. Ему позволили, какъ мнѣ объявилъ цензоръ, похваля его благородный поступокъ, разумѣется, не зная, что эпиграмма писана не съ его именемъ, и что онъ поставилъ оное только изъ боязни, чтобы читатели сами не нашли ее эпиграммою на него. Не желая, чтобы тебя считали пасквилянтомъ, человѣкомъ, дѣлающимъ противозаконное, я подалъ въ высшую цензуру просьбу, чтобы позволили это стихотвореніе напечатать безъ ошибокъ, а тебя прошу оправдаться предъ Его Величествомъ. Государю, тебя ласкающему, пріятно будетъ найти тебя правымъ. Вотъ какъ искаательные подлѣцы часто могутъ марать добрыхъ людей, безпечныхъ по незнанію ихъ мерзостей и увѣренныхъ въ чистотѣ своихъ намѣреній и дѣйствій. Будь здоровъ. Цѣлую ручку у милой твоей невѣсты. Жена и дочь тебѣ кланяются. Прощай. Дельвигъ.

29.

Н. М. Коншину.

8-го мая 1830 г. С.-Петербургъ.

Милый другъ Николай Михайловичъ, поздравь меня: намъ Богъ далъ вчера дочь Елисавету. Прошу тебя и любезнѣйшую Авдотью Яковлевну полюбить ее и рекомендовать ее вашей дѣвушкѣ въ подружки. Жена моя вамъ свидѣтельствуется почтеніе. Она счастливо родила, и здоровье ея хорошо до сихъ поръ. Прощай, душа моя, будь здоровъ и люби искренно тебя любящаго Дельвига.

На оборотѣ: Его высокоблагородію Николаю Михайловичу Коншину. *Въ Царскомъ Селѣ.*

30.

Ө. Н. Глинкѣ.

18-го іюля 1830 г. С.-Петербургъ.

Радуюсь душевно, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Ѳеодоръ Николаевичъ, что вы въ Твери. Теперь у насъ есть пріятнѣйшая надежда васъ видать и видѣть часто людей, васъ выдающихъ. Кто не ѣздитъ въ Москву изъ Петербурга и обратно? Кто изъ добрыхъ людей не посмотритъ на васъ и не привезетъ къ намъ объ васъ вѣсточки? Я долго не писалъ къ вамъ по очень непріятной причинѣ: я болѣе года былъ боленъ, и главная болѣзнь моя была ипохондрія. Мнѣ скучно было скучать другимъ, я одинъ проскучалъ все время и теперь начинаю опять разгуливаться. Жена моя препоручила мнѣ объявить своему милому родному о нашей радости: у насъ родилась дочь Елисавета. Полюбите нашу гостью, она съ развитіемъ понятія полюбитъ васъ сердечно. Письмо сіе вамъ доставитъ вашъ старый знакомецъ Левъ Пушкинъ. Онъ вамъ скажетъ словесно, какъ мы всѣ васъ любимъ и какъ рады, что можемъ васъ иногда и видать. Дай Богъ, чтобы строки сіи нашли васъ здоровымъ и сколько возможно счастливымъ; во мнѣ же вы всегда найдете человѣка васъ искренно любящаго, любящаго и любящаго. Прощайте. Вашъ Дельвигъ.

31.

Князю П. И. Шаликову ¹⁾.

(1830 г. С.-Петербургъ).

Этотъ журналъ ругаетъ всѣхъ съ голоду. Ему хочется, чтобы съ нимъ бранились честные и благородные люди. Онъ полагаетъ черезъ это получить нѣсколько лишнихъ подписчиковъ. Это—нищій, желающій наглостью выманить нѣсколько копѣекъ. Я — не святой человѣкъ: не могу слѣпо давать милостыни. Кроткому бѣдняку — послѣдній грошъ, а негодяй-пьяницу оберну да въ затылокъ. Оставьте его собственной его

¹⁾ Отрывокъ, приведенный княземъ Шаликовымъ въ статьѣ «Драгоценное воспоминаніе» (Дамскій Журналъ 1831 г., ч. XXXVI, № 52) по поводу нападокъ журнала «Сѣверный Меркурій», который издавался въ Петербургѣ М. Бестужевымъ-Рюминымъ.

ничтожности. Ваше молчаніе убьетъ его, какъ молчаніе „Литературной Газеты“ его убиваетъ. Не примите, любезнѣйшій князь, моихъ совѣтовъ въ дурную сторону. Я осмѣливаюсь вамъ совѣтовать единственно потому, что вы не знаете издателя, а я его знаю.

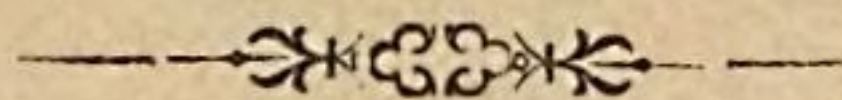
32.

А. С. Пушкину.

(Исходъ 1830 г. С.-Петербургъ).

Съ полученіемъ сего письма, радость душа моя, садись за бумагу и напиши мнѣ всѣ пьесы для „Сѣверныхъ Цвѣтовъ“, тобою приготовленныя. Нынче онѣ мнѣ помогутъ болѣе, чѣмъ когда-либо. „Литературная Газета“ выгоды не принесла и притомъ запрещена за то, что въ ней напечатаны были новые стихи Делавиня. Люди, истинно привязанные къ своему Государю и чистые совѣстію, ничего не ищутъ и никому не кланяются. думая, что чувства вѣрноподданическія ихъ и совѣсть защитятъ ихъ во всякомъ случаѣ. Неправда: подлецы въ это время хлопочутъ изъ корыстолюбія мараить честныхъ и выѣзжаютъ на своихъ мерзостяхъ. Булгаринъ вѣрнымъ подданнымъ является. Ему выпрашиваютъ награды за пасквили, достойные примѣрнаго наказанія; а я слышу карбонаріемъ, я — русскій, воспитанный Государемъ, отецъ семейства и ожидающій отъ Царя помощи матери моей, и сестрамъ, и братьямъ!

Цѣлую тебя, душа моя, и жду отъ тебя утѣшенія, т. е. не увѣреній въ участіи (я знаю, что ты меня любишь), но стиховъ, стиховъ, стиховъ! Мнѣ надо ихъ, слышишь-ли, Болдинскій помѣщикъ? Прощай. Твой Дельвигъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Баронъ А. А. Дельвигъ (біографическій очеркъ)	

Стихотворенія.

I. На взятіе Парижа	1
II. Къ Діону	3
III. Къ поэту-математику	3
IV. Къ Лилетѣ	8
V. Эпиграмма (Поэтъ надутый Клитъ)	9
VI. Старикъ	9
VII. Первая встрѣча	10
VIII. На смерть кучера Агаѳона (пародія)	11
IX. Къ Доридѣ	12
X. Къ Темирѣ	12
XI. Фіалка (Тлѣнность)	13
XII. Къ Таушеву	14
XIII. Къ больному Горчакову	15
XIV. Вакхъ	16
XV. Хата	16
XVI. А. С. Пушкину (Кто, какъ лебедь цвѣтущей Авзоніи)	17
XVII. Тихая жизнь	18
XVIII. Полякъ (баллада)	18
XIX. Илличевскому (Пока поэтъ еще съ тобою).	21
XX. Эпитафія самому себѣ	21
XXI. Къ Шульгину	21
XXII. Прощальная пѣснь воспитанниковъ Императорскаго Царскосельскаго Лицея	22
XXIII. Мы весело свои кончали дни	24
XXIV. И. И. Пущину (въ альбомѣ)	24
XXV. Къ друзьямъ	24
XXVI. А. С. Пушкину (А я ужель забыть тобою)	25
XXVII. Элегія (къ Яхонтову)	26
XXVIII. Къ Илличевскому (въ Сибирь)	26
XXIX. Къ Евгенію (За то ль, Евгеній)	28
XXX. Утѣшеніе бѣднаго поэта	29
XXXI. Въ день моего рожденія	31

XXXII. Экспромтъ (Прохожій! здѣсь лежитъ...)	31
XXXIII. Романсъ (Дѣдушка, дѣвицы разъ мнѣ говорили)	31
XXXIV. Къ мальчику	32
XXXV. Къ Т — ой	33
XXXVI. Къ Амуру (изъ Геснера)	33
XXXVII. Видѣніе (В. К. Кюхельбекеру)	34
XXXVIII. Купидону (надпись на статуѣ)	36
XXXIX. Диѳирамбъ (Други, пусть года несутся)	36
XL. Евгенію (Помнишь, Евгеній, ту шумную ночь)	37
XLI. Эпиграмма рецензенту поэмы «Русланъ и Людмила»	38
XLII. Разговоръ съ геніемъ	38
XLIII. Отвѣтъ (П. А. Плетневу)	40
XLIV. Въ альбомъ Баратынскому (У насъ, у небольшихъ пѣвцовъ)	41
XLV. Музамъ	42
XLVI. Эпитафія (Завидуйте моей судьбѣ)	43
XLVII. Къ Е. Баратынскому (Ты въ Петербургѣ, ты со мной)	43
XLVIII. Диѳирамбъ (На пріѣздъ трехъ друзей)	45
XLIX. Романсъ (Сегодня я съ вами)	45
L. Вдохновеніе (сонетъ)	46
LI. На смерть*** (сельская элегія)	47
LII. Домикъ	48
LIII. Романсъ (Одинокъ мѣсяцъ плылъ)	48
LIV. Роза	49
LV. Пѣсня (Ахъ ты ночь ли, ноченька)	49
LVI. Застольная пѣсня (Ничто не безсмертно)	50
LVII. Романсъ (Вчера вакхическихъ друзей)	51
LVIII. Въ альбомъ С. Д. Пономаревой (О сила чудной красоты!)	51
LIX. Элегія (Когда, душа, просилась ты)	52
LX. Романсъ (Только узналъ я тебя)	53
LXI. Сонетъ (Златыхъ кудрей пріятная небрежность)	53
LXII. Сонетъ (Я плылъ одинъ съ прекрасною въ гондолѣ)	54
LXIII. Н. М. Языкову (сонетъ)	55
LXIV. С. Д. Пономаревой (сонетъ)	55
LXV. Къ птичкѣ, выпущенной на волю	55
LXVI. Романсъ (Не говори: любовь пройдетъ)	56
LXVII. Романсъ (Прекрасный день, счастливый день)	56
LXVIII. Къ ошейнику собачки Доминго	57
LXIX. Романсъ (Что, красотка молодая)	57
LXX. Голова ль моя, головушка	58
LXXI. Успокоеніе	59
LXXII. Къ С. Д. Пономаревой (За ваше нѣжное участіе)	59

	СТР.
LXXIII. На смерть собачки Амики.	60
LXXIV. Къ Морфею	61
LXXV. Къ А. Е. Измайлову	62
LXXVI. Петербургскимъ цензорамъ	62
LXXVII. Русская баллада (пародія)	63
LXXVIII. Эпитафія С. Д. Пономаревой	64
LXXIX. Разочарованіе (элегія)	64
LXXX. Пѣсня (На яву и въ сладкомъ снѣ)	65
LXXXI. Пѣсня (Скучно, дѣвушки, весною жить одной)	66
LXXXII. Русская пѣсня (Пѣла, пѣла пташечка)	67
LXXXIII. Жалоба	67
LXXXIV. Романсъ (Друзья, друзья! Я Несторъ между вами)	68
LXXXV. Купальницы (идиллія)	68
LXXXVI. Въ альбомъ С. Г. К — ой	72
LXXXVII. Н. И. Гнѣдичу	72
LXXXVIII. Мы	73
LXXXIX. Луна.	73
XC. Пѣсня (Соловей мой, соловей)	73
XCI. Двѣ звѣздочки	74
XCII. Въ альбомъ А. Н. Вульфъ	75
XCIII. Друзья (идиллія)	76
XCIV. Геній-хранитель (Сновидѣніе)	78
XCV. Эпиграмма (Свитокъ истлѣвшій)	79
XCVI. На смерть Веневитинова	79
XCVII. Утѣшеніе.	80
XCVIII. Смерть	80
XCIX. Идиллія (Нѣкогда Титиръ и Зоя)	80
C. Сонетъ (Что вдали блеснуло)	80
CI. Сонъ	81
CII. Пѣсня (Сиротинушка-дѣвушка)	82
CIII. Хоръ для выпуска воспитанницъ Императорскаго Харьковскаго Института	83
CIV. Хоръ изъ Коллиновой трагедіи «Поликсена».	83
CV. Конецъ золотого вѣка (идиллія)	85
CVI. Цефизъ (идиллія)	90
CVII. Дамонъ (идиллія)	91
CVIII. Надпись на статую Флорентинскаго Меркурія	93
CIX. Эпilogъ (Такъ пѣваль безъ принужденья)	93
CX. Пѣсня (Не воркуй, касаточка)	94
CXI. Къ П. А. Плетневу	94
CXII. Пѣсня (И я выйду ль на крылечко)	95
CXIII. Пѣсня (Какъ за рѣченькой слободушка стоитъ)	95
CXIV. Малороссійская мелодія	95

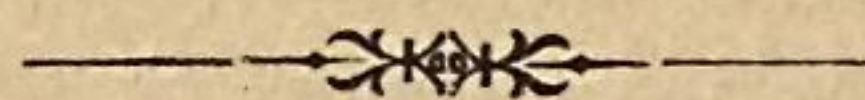
	СТР.
CXV. Четыре возраста фантази	96
CXVI. Удѣль поэта	96
CXVII. Грусть	97
CXVIII. Пѣсня (По небу тучи громовыя ходятъ)	97
CXIX. Пѣсня (Какъ у насъ ли на кровелькѣ)	97
CXX. Пѣсня (Что ты, пастушка, приуныла)	98
CXXI. Поэтъ	99
CXXII. Слезы любви	99
CXXIII. Застольная пѣсня (Други, други! радость)	99
CXXIV. Отставной солдатъ (русская идиллія)	100
CXXV. Изобрѣтеніе ваянія (идиллія)	103
CXXVI. Поясъ	106
CXXVII. Пѣсня (Я вѣчоръ въ саду младешенька гуляла)	106
CXXVIII. Моя хижина	106
CXXIX. Бесѣда	107
CXXX. Къ ласточкѣ	107
CXXXI. Отрывокъ (На теплыхъ крыльяхъ лѣтней тьмы)	108
CXXXII. Отрывокъ (Пѣвецъ, зачѣмъ, когда къ тебѣ стучалась)	108
CXXXIII. Лѣкарства отъ несчастій	109
CXXXIV. Призваніе	109
CXXXV. Къ А. С. Пушкину (Какъ? житель гордыхъ Альпъ)	110
Примѣчанія къ стихотвореніямъ	112

Проза.

I. Извѣстность Россійской словесности	119
II. На критику «Галатеи»	121
III. Критическія и полемическія замѣтки изъ «Литературной Газеты»:	
«Радуга», альманахъ П. Арапова и Д. Новикова	122
«Сень-Марсъ». Сочиненіе графа А. де Виньи	123
«Невскій Альманахъ» на 1830 г. Е. Аладѣина	124
«Димитрій Самозванецъ», романъ Ѳ. Буларина	125
«Монастырка». Соч. Антона Погорѣльскаго	128
«Нищій». Соч. А. Подолинскаго	130
«Бахчисарайскій фонтанъ». Соч. А. Пушкина	134
«Iwan Wuischigin», Roman v. Th. Bulgarin	135
«Классикъ и Романтикъ, комедія К. Мосальскаго	137
«Безумная». Русская повѣсть въ стихахъ. Сочиненіе Ивана Козлова.—«Рожденіе Іоанна Грознаго». Сочиненіе барона Розена	139
«Борисъ Годуновъ» А. Пушкина	141
Замѣтки въ отдѣлѣ «Смѣси»	144

Письма.

1. В. К. Кюхельбекеру — исходъ 1822 г.	149
2. О. Н. Глинкѣ — 1-го іюля 1824 г.	150
3. Ему же — вторая половина 1824 г.	150
4. А. С. Пушкину — 10-го сентября 1824 г.	151
5. В. К. Кюхельбекеру — вторая половина 1824 г.	152
6. А. С. Пушкину — 28-го сентября 1824 г.	153
7. Ему же — 20-го марта 1825 г.	154
8. В. Г. Анастасевичу — 6-го іюня 1825 г.	155
9. Е. А. Баратынскому — 8-го января 1826 г.	155
10. А. С. Пушкину — начало 1826 г.	156
11. Е. А. Баратынскому — весной 1826 г.	157
12. А. С. Пушкину — 7-го апрѣля 1826 г.	158
13. Ему же — іюнь 1826 г.	159
14. М. П. Погодину — 3-го августа 1826 г.	160
15. А. С. Пушкину — октябрь 1826 г.	160
16. В. Г. Анастасевичу — 1-го февраля 1827 г.	161
17. А. С. Пушкину — 21-го марта 1827 г.	162
18. Ему же — весной 1828 г.	161
19. Е. А. Баратынскому — весной 1828 г.	163
20. Ему же — весной 1828 г.	164
21. Н. А. Полевому — 13-го іюля 1828 г.	165
22. А. С. Пушкину — лѣто 1828 г.	165
23. Ему же — 2-го декабря 1828 г.	166
24. Е. А. Баратынскому — начало 1829 г.	166
25. Ему же — 1829 г.	167
26. Н. М. Коншину — исходъ 1829 г.	168
27. М. А. Максимовичу — 12-го декабря 1829 г.	169
28. А. С. Пушкину — 8-го мая 1830 г.	169
29. Н. М. Коншину — 8-го мая 1830 г.	169
30. О. Н. Глинкѣ — 18-го іюля 1830 г.	170
31. Князю П. И. Шаликову — 1830 г.	170
32. А. С. Пушкину — исходъ 1830 г.	171

Князь А. И. Одоевскій.

Del'vig, Anton Antonovič

Sočinenija barona A. A. Del'viga S pril., biograf. očerka, sost. Val[
erianom] V. Majkovym. Ežeměsjačnoe pril. k žurnalu 'Sěver', za ijul' 1893
g

S.-Peterburg 1893

P.o.russ. 103 g

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11680375-0